

Андрей Андреевич Громыко
Памятное. Новые горизонты. Книга 1
Серия «Наш XX век»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9826651
Памятное. Новые горизонты. Кн. 1 / Громыко, А.А.: Центрполиграф; Москва; 2015
ISBN 978-5-227-05140-0

Аннотация

Андрей Андреевич Громыко, дипломат и государственный деятель СССР, министр иностранных дел и председатель Президиума Верховного Совета СССР. В первой книге своих мемуаров Андрей Громыко рассказывает о своем детстве, юности, семье, а также о первых уверенных шагах на государственном поприще. Упорство, трудолюбие и целеустремленность Андрея Андреевича помогли ему сделать головокружительную карьеру самого выдающегося дипломата советской эпохи. Жизненный девиз Громыко стал неумолимым кредо советской дипломатии: «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны».

Воспоминания А.А. Громыко – это летопись советской жизни. Книга охватывает самые важные вехи XX века как для всего мира, так и для Советской России.

Содержание

Слово об отце – Андрее Андреевиче Громыко	4
От автора	7
Глава 1	10
Немного истории	11
В семье крестьянина-бедняка	13
Родители и родственники	16
И грянула Первая мировая...	21
Поверья давних лет	22
Ленин и его помощники	27
Бесчинства кайзеровских оккупантов	28
«Ночные университеты»	32
Читать, читать, читать...	34
«Партия жива, с ней и будем жить»	38
Годы учения в Минске	44
Переезд в Москву	47
Слушая старых большевиков	51
В стенах Академии наук	54
Пашуканис против Вышинского	56
Глава 2	57
Тучи сгущаются	58
Мой обет	59
Назначение в Наркоминдел	62
Джозеф Дэвис – бывший посол	65
Первая встреча в Кремле	69
На пути в США	71
В современном Вавилоне	74
Десять дней по дорогам америки	76
Мы – гости съезда Демократической партии	77
Глава 3	79
США на распутье	80
Война – протокол побоку	82
Рузвельт – человек и президент	86
Ему нужны были умные люди	90
В первый период войны	95
Политическое кредо Уоллеса	98
Обед в бунгало	101
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Андрей Андреевич Громыко

Памятное. Новые горизонты. Книга 1

Издательство благодарит за помощь в издании книги Эмилию Андреевну Громыко-Пирадову, Анатолия Андреевича Громыко, Алексея Анатольевича Громыко

Слово об отце – Андрее Андреевиче Громыко

Внешняя политика – это пересечение многих координат мировой политики в целом. И в Москве как раз эти координаты пересекаются.

Москва, МИД стали для нашей семьи центром политической жизни, и этот центр имел два адреса – Смоленская-Сенная площадь и наш дом.

Здание на Смоленской-Сенной было не просто официальным адресом, а домом, где кипела работа всего мидовского коллектива, где всегда находился Громыко. Там местом, которое полностью вместило дух Громыко во всей открытости его уникального дипломатического таланта и обаяния человеческой личности. Полагаем, что он чувствовал себя там уверенно, там он был среди своих.

Отец мог работать где угодно: на Смоленской, на даче, на отдыхе, в самолете, дома, на охоте, даже на другой планете. Рука его всегда была на пульсе жизни. Формировались задачи, вырабатывались проекты решений, писались коммюнике...

Вместе с отцом в мир дипломатии пришла его дружина – замечательные специалисты, каждый из которых украшение и вершина дипломатического искусства.

Громыко обладал редким качеством дипломата, которое состояло еще и в том, что он заряжал команду своей энергетикой так, что весь «дипломатический оркестр» играл на высочайшем уровне. Дипломаты – это люди, преданные своему делу всей душой, всем сердцем. И сегодня многие испытывают ностальгию по тому времени, когда все работали и жили так, чтобы сделать все возможное и невозможное, чтобы больше никогда не повторилось 22 июня.

Не можем не выразить свое высочайшее почтение к личности отца. Общение с ним навсегда останется в нашей памяти. Все, что Громыко сделал, продвинуло вперед и ввысь дело советской дипломатии; все это способствовало укреплению престижа нашей страны.

Со дня кончины А.А. Громыко сменились поколения. Представление и понимание его личности не деформировалось под нажимом современности. Уверены, что память о нем останется в многоголосье молодого XXI века. Мы, его современники, помогаем ее сохранить.

А.А. Громыко поднялся на такую высоту в дипломатии, что ничто не сможет умалить значение его роли в советской истории и истории международных отношений той эпохи, в которую он жил и работал.

В течение всей жизни отца рядом с ним всегда находилась Лидия Дмитриевна Громыко – великая женщина, «мотор» нашей семьи, которой мы, дети, обязаны всем.

В мемуарах отца «Памятное» читатель постоянно будет встречать образ Лидии Дмитриевны. Она как бы незримо присутствует на всех этапах замечательной биографии своего супруга. Она по справедливости делила с ним как все тяготы, так и все радости его необычной, не похожей ни на чью, жизни. «Мой домашний госсекретарь», – тепло говорил он о своей половине. Папа относился к маме трепетно, нежно, души в ней не чаял.

Наши родители прожили вместе пятьдесят девять лет. Они всю жизнь практически не расставались друг с другом и как бы составляли вместе одно целое. Заботу о папе мама считала своей первостепенной обязанностью.

Мама проводила большую общественную работу. За свою жизнь она организовала огромное количество протокольных мероприятий, как в нашей стране, так и за рубежом.

Наши родители жили во времена грозные и радостные, строгие и счастливые. Каждый из них был личностью с большой буквы. Их образы являются для нас, членов семьи Громыко, примером, и мы с огромным уважением и почтением несем их через нашу жизнь.

Все близкие Громыко люди, каждый по-своему, помнят моих родителей и отдают им должное. Большие талантливые личности, обладающие мощным зарядом энергии, всегда широко раскрывают свои способности. Их внутренний мир находится в гармонии и душевном равновесии. Несмотря на то что отец спортом как таковым не занимался, когда ему исполнилось шестьдесят лет, он стал каждый день заниматься гимнастикой с гантелями, не забывая брать гантели и в заграничные командировки. Когда выезжал на море – много плавал, делал зарядку на пляже. Однако истинным удовольствием для отца была ходьба, которой он увлеченно занимался и летом и зимой. В начале 70-х годов он установил для себя железное правило: каждый вечер выходить на прогулку на 30–40 минут (иногда получалось полтора часа) и неотступно его придерживался, за исключением, конечно, периодов заграничных командировок.

Отец любил классические живопись и музыку, особенно оперную. Опера заняла особое место в его жизни. Это было искусство, синтезирующее музыку и зрительные образы. Он собрал коллекцию картин, хотя не был коллекционером. Для него это собрание стало частью огромного мира искусства. В этом же ряду стоит увлечение Громыко кинематографом.

Встречи и душевные беседы с писателями, поэтами, актерами, кинорежиссерами, музыкантами, художниками, скульпторами стали для отца не только отдушиной, но и позволяли ему лучше и шире воспринимать окружающий мир.

Отец увлекался охотой. Она для него была абсолютно другим миром. Он заметил, что это занятие в какой-то степени отключало его от дел, «отпускало» его с работы.

Охота для отца была не только встречей и единоборством с ловкими и опасными хищниками, но и великолепной возможностью ощутить неповторимость и загадочность окружающего мира. На природе он переживал волнующие моменты, любясь ее необыкновенной красотой, ощущал полную гармонию между ней и человеком, его душа наполнялась покоем, а он – силой, свободой и радостью познания.

Хорошим отдыхом для себя отец считал чтение книг. Он очень любил книги, печатное слово. Читал художественную и мемуарную литературу, интересовался эпистолярным творчеством выдающихся русских и западноевропейских писателей и поэтов, зачитывался также историческими произведениями, особенно по русской истории. С удовольствием читал философские труды великих интеллектуалов, живших в разные эпохи. Критический анализ прошлого, настоящего и будущего с философской, экономической и политической точек зрения чрезвычайно привлекал его.

Вечерами мы могли видеть, как отец в минуты отдыха усаживался поудобнее в кресло, брал томик того или другого автора и погружался в процесс чтения. Отец читал увлеченно. Иногда он с нами, членами семьи, делился впечатлениями о прочитанном. Он собрал большую библиотеку, которая включала также и книги по искусству, в основном на русском и английском языках. Папа считал, что книга является чрезвычайно важным фактором воспитания человека и что формирование его мировоззрения в значительной степени зависит от правильно подобранной библиотеки.

Отец был человеком неординарным. Свой дар на дипломатическом, политическом поприще он в полной мере раскрыл благодаря своей фантастической одаренности и трудо-

люблю. Он был человеком исключительной энергии. Он обладал высоким профессионализмом, феноменальными способностями и памятью, высоким чувством ответственности. Он был честен в политике и чист нравственно. Все это делало его уникальным явлением среди множества политических деятелей современного мира.

Громыко был приверженцем интеллектуальных традиций, духовной атмосферы, которые окружали его. Его сущность была настолько содержательна и глубока, что все превратное не исказит ее.

Громыко является образцом дипломата. Интеллектуальность и выразительность его образа глубоко запечатлелись в памяти современников. Многим выпало счастье находиться рядом с ним, работать с ним бок о бок или просто наблюдать за ним со стороны. Все это способствовало развитию у окружающих его людей чувства сопричастности происходящим историческим процессам.

Перед вами – яркая личность. А дипломат он по судьбе. В дипломатическом мире он является мерилom отношения к делу и к своей жизни в целом.

Более полвека своей жизни отец отдал Отчизне. Вся его деятельность была направлена на обеспечение безопасности нашей страны, на установление и развитие дружественных отношений с другими странами мира, на возвышение роли и престижа нашего государства на мировой арене и в глобальной политике.

Отец обладал мощным умом. Он был мудрым человеком. Мы полагаем, что он знал о своем предназначении и находил соответствующие средства по его осуществлению. Жизнь дается один раз. Отец прошел ее осмысленно, красиво. Он занял достойное место в истории советской дипломатии, заложившей добротный фундамент для последующего позитивного развития нашей внешней политики. Отец был беззаветно предан своей Родине. После ухода из жизни он оставил после себя память как о человеке, уверенно направлявшем наш корабль по волнам мирового океана в штиль и бурю.

Переиздание мемуаров Андрея Андреевича Громыко «Памятное» является своевременным и благородным. В своих воспоминаниях отец еще раз прошел свой жизненный путь. Он писал о том, к чему имел отношение, и о том, за чем просто наблюдал. Отец дал объективную оценку событиям, участником которых он был, дал правдивую характеристику деятельности лиц, с которыми сталкивала его судьба и которые также имели отношение к происходящим событиям. Он написал в первую очередь о том, что было ему наиболее близко, что больше всего его волновало.

В заключение хотим сказать, что Громыко был одним из выдающихся и неповторимых дипломатов XX века, оказавших сильное влияние как на историю советской дипломатии, так и на историю международных отношений второй половины XX века. С его именем связаны многие исторические события XX века, века больших надежд и великих свершений.

*Эмилия Андреевна Громыко-Пирадова
Анатолий Андреевич Громыко
2014 год*

От автора

Эта книга появилась на свет не внезапно. Идею написать воспоминания предлагали мне многие люди. Такую же мысль высказывали и товарищи по работе, и близкие, и совершенно незнакомые советские граждане, и даже иностранцы.

Часто я получал письма, в которых на разные лады задавался простой вопрос: «Скоро ли появятся мемуары?»

Попадались и такие, в которых содержалась как бы обида на то, что я не считаюсь с желанием людей почитать мои воспоминания.

А у меня, кроме весьма туманного намерения когда-нибудь в будущем приступить к написанию чего-то подобного, долго ничего определенного не имелось. Но все же, когда мимо мельком пронесся мой семидесятый «верстовой столб», я задумался... А может быть, и в самом деле написать?

Медлил я с решением отчасти потому, что с ранних лет привержен привычке: взявшись за какое-то дело, постараться обязательно его закончить.

Не хотелось мне выступать с воспоминаниями и «тягаться» с профессиональными литераторами, но потом все же подумал: «Ведь я видел то, что редко кто мог увидеть, лично был знаком и беседовал с теми, кого профессиональные писатели вряд ли могли знать близко». Поэтому я решил писать по-своему, может быть, без интригующего сюжета, но зато о том, как все происходило в жизни.

Итак, оставалось взять карандаш, бумагу и начать работу. Точка отсчета – мои родные, заря детства и первые шаги в жизни. А затем – лента прожитого стала проходить перед глазами. Трудность, и немалая, состояла в том, чтобы отделять существенное от второстепенного.

Но понемногу просеивание фактов, эпизодов, лиц и событий стало не столько затруднять дело, сколько даже помогать ему. Помогать потому, что постоянно расширялся горизонт обзора.

Старался я равняться на массового читателя, уровень которого в наше время в нашей стране достаточно высокий. Но, с другой стороны, не хотел жертвовать существом проблем во имя придания воспоминаниям популярности ради популярности.

Вот уже почти полвека, как я имею дело не с десятками, а даже с сотнями деятелей из самых разных стран мира. Среди них – политики и общественные деятели, военные и ученые, представители творческой интеллигенции и делового мира. В числе моих собеседников имелись и такие люди, которых просто невозможно отнести ни к одной из упомянутых категорий.

Какое богатство человеческих характеров, политических взглядов, типов мышления! Человек, профессионально занятый творческой деятельностью, дал бы, конечно, присущими ему приемами более объемную характеристику этим людям, их внутреннему миру, мировоззрению, психологии. Литература изобилует, например, интереснейшими произведениями, герои которых имеют отношение к вопросам войны и мира, а то и к сфере дипломатической деятельности.

Разумеется, в данной книге не ставилась задача дать художественное описание персонажей из внушительной галереи лиц, которых я встречал на разных перекрестках жизни. Однако мне хотелось сказать о них свое слово, используя то, что вытекало из личного опыта. И хотелось прежде всего сказать о тех деятелях, которые непосредственно стояли или стоят у штурвала политики своих государств, вырабатывают и осуществляют эту политику, придавая ей соответствующее направление. Речь, понятно, идет о политике внешней.

Итак, данная книга содержит воспоминания автора прежде всего о встречах и беседах с государственными деятелями многих стран мира, а также о важнейших внешнеполитических событиях. Временной отрезок – это в основном последние полвека. Таким образом, содержание книги представляет собой как бы сплав: люди, события, время.

Многое происходившее в мире за этот период имеет поистине исторический характер. Это относится прежде всего ко Второй мировой войне и великой Победе над фашистскими агрессорами, на века прославившей нашу страну и ее героический народ.

Главной осью, вокруг которой как бы вращалась моя деятельность на тех постах, которые мне доверяли партия и государство, являлась в основном советская внешняя политика.

Читаю и перечитываю написанное. Где-то оно отрывочно, в чем-то неполно. Так ведь и воспоминания – это свойство человеческой памяти – сами по себе не могут быть полным отражением всего того, что происходило тогда.

Существует парадокс XX века. Человечество получило возможность использовать энергию атома и проникнуть в космос, но вместе с тем создало и угрозу для самих условий своего дальнейшего существования.

Устранить парадокс можно только одним путем – снять угрозу, нависшую над человечеством. Это требует не только нового мышления, о котором уже много написано и сказано в наши дни, но и перевода его в практические дела, в политику государств, прежде всего ядерных, в первую очередь крупнейших ядерных.

Проанализировать общую картину – дело научных трудов. Свою же задачу я рассматриваю как более узкую: по возможности полнее вспомнить те события, в которых участвовал сам, тех людей, с которыми столкнула меня судьба.

Писать воспоминания, на мой взгляд, вещь всегда нелегкая. В силу принятой традиции необходимо сообщить какой-то минимум автобиографических данных. Но главное, конечно, не в этом, а в том, чтобы осмыслить огромное множество проблем, так или иначе влиявших на судьбы мира, актуальных проблем, с которыми человечеству приходится иметь дело. Другими словами, речь прежде всего идет об основных политических событиях, с которыми был связан, и это вполне логично.

Хотел бы подчеркнуть, что в своей работе мне доводится выступать в одном строю со многими советскими, партийными и государственными деятелями, сформировавшимися при советской власти, в условиях социализма, в условиях претворения в жизнь воли ленинской партии, воли народа. В этом, в частности, отражается и тот простой факт, что внешняя политика Советского Союза последовательна, миролюбива, защищает интересы народа. Ей чужда конъюнктуризм.

Общаясь с людьми недостаточно сведущими, чувствуешь, что они часто видят в дипломатии эдакое стремление или умение обхитрить партнера по переговорам, может, в чем-то и «провести» его, сказать к месту удачное словцо, блеснуть неожиданным афоризмом, ловко привести неизвестную собеседникам цитату. Это, конечно, весьма далекое от истины представление.

Деятельность полномочного представителя, особенно за рубежом, включает в себя огромный круг обязанностей, но прежде всего способность проанализировать, точно воспроизвести проблему, изложить ее в емком виде.

С 1985 года я работал на посту Председателя Президиума Верховного Совета СССР, с большим удовлетворением выполняя обязанности, которые доверены мне партией и государством.

Особенно хочется подчеркнуть тот огромный диапазон проблем, который приходится рассматривать в настоящее время Президиуму Верховного Совета СССР. Все они в той или иной степени связаны либо с социально-экономическим развитием нашей страны, либо с ее постоянной внешнеполитической линией на упрочение мира во всем мире.

Поездки в другие города страны давали мне возможность встречаться с разными людьми: от рабочих на производстве до государственных деятелей, членов ЦК КПСС. Такое общение делало возможным глубоко заглядывать в те проблемы, которые имеются у нас в стране, обдумывать их и решать. Постоянная связь с массами в значительной мере обогащает, помогает успешнее трудиться.

Могу только выразить огромную благодарность Центральному комитету партии за все те возможности, которые мне были предоставлены.

Еще одно. С начала сознательной жизни я – убежденный коммунист, преклоняющийся перед могучей силой учения Маркса – Энгельса – Ленина.

Люди строят дом. Еще нет этого дома, но есть конструкции, которые постепенно преобразуются в этажи, лестничные площадки, коридоры и комнаты. Он еще не готов, этот дом, но его уже в процессе стройки люди называют домом. Так и коммунистическое общество, которое строит наш народ под руководством Коммунистической партии, – это не мерцающая, не недостижимая звезда, а реальный процесс созидания, которым занят весь наш народ. Маршрут нашего движения ясно указан XXVII съездом КПСС.

Коммунисты на земле стали реальной могучей силой, их – миллионы.

Я горжусь тем, что вношу свой скромный вклад в общее дело партии и народа, в дело мира и коммунизма.

Не скажу, что взялся я за работу над этой книгой без колебаний. Рассуждал просто. Воспоминания хороши, если они читаются с интересом. А если они его не вызывают, то зачем их тогда излагать на бумаге?

Писатель-художник в известном смысле в менее сложном положении. Он населяет свое произведение такими персонажами, которые, по его мнению, обязательно должны привлечь внимание читающей публики. Они могут быть героями, людьми «так себе» и даже жуликами.

Но все здание художественного произведения должно вызывать у читателя интерес. Трудясь над воспоминаниями, автор всегда берет героев из жизни. Могут сказать: так проще, чем выдумывать героев, а следовательно, и легче.

Это верно. Но верно и другое.

Каким бы скромным ни старался быть автор, он все-таки сам идет по дороге собственной жизни и рассказывает не только о поступках других, но и о своих собственных. Для него написанная им книга как бы зеркало, которое он создал и которое отражает не только поведение других людей, их мысли, силу и слабость, мировоззрение. Оно отражает прежде всего его собственные качества, их грани, личностные и общественные.

Очень сложна задача для каждого автора воспоминаний – не впасть ни в одну из крайностей. Он не имеет права, если хочет быть объективным, заставлять зеркало отражать реальность в кривом изображении. Любой человек, желающий передать другим свои мысли и суждения о людях или событиях, должен находить ту золотую середину, которая позволяет ему не навлечь на себя упреки в том, что он необъективен.

Автор только тогда будет вести читателя уверенно через всю книгу, если сумеет найти эту середину.

Конечно, немало зависит и от того, какова палитра слова произведения. В этом отношении всякая стоящая книга всегда имела и будет иметь свое оригинальное лицо. Это относится и ко всей мемуарной литературе.

Не мне судить о достоинствах и недостатках «Памятного», которое я с покорностью отдаю на суд читателя.

Глава 1

В начале жизненного пути

Человеческая память – удивительна. За повседневными заботами, все новыми и новыми событиями, как правило, не хватает времени предаваться воспоминаниям о днях минувших. Поэтому иногда кажется, что жизнь безжалостно стирает былое и пережитое. Но это только кажется.

Когда остаешься с собой наедине, то нескончаемой чередой проходят картины прошлого. Особенно настойчиво всплывают в памяти те, которые относятся к ранним годам жизни. Вначале я пробовал как бы игнорировать этот период. Однако память непроизвольно возвращает к годам детства и отрочества. И яркость событий тех лет почти не потускнела.

Нет, не случайно многие из тех, кто рассказывает о заре своей жизни, отдают в ней должное времени детства, разумеется, той его поры, когда память уже отчетливо фиксировала события. Как волнует и сегодня каждого читателя повествование о детстве, отрочестве и юности, которое оставил нам, например, гигант литературы Лев Толстой. Как прекрасно рассказал о своих детских годах замечательный русский писатель Сергей Аксаков. А Максим Горький!

До наших дней дошла весть о примечательном факте. Выдающийся философ-материалист Древней Греции Демокрит прожил более ста лет. Величие его в науке состоит хотя бы в том, что физика и химия оперировали понятием «демокритовского» атома вплоть до конца XIX века, то есть до тех пор, пока его «неделимый» атом не стал «расщепляемым». На закате дней мыслитель вдруг лишил себя зрения.

– Зачем ты это сделал? – спросили его.

Мудрец ответил:

– Чтобы лучше видеть.

Это произошло, как гласит окутанная дымкой времени легенда, почти двадцать пять столетий назад.

Знаменитый сын страны, о периоде расцвета которой К. Маркс говорил как о «прекрасном детстве человечества», явно хотел этим жестоким по отношению к себе поступком подчеркнуть могущество человеческой мысли и силу человеческой памяти, запечатлевающей объективно существующую реальность и неразрывно скрепляющую связь времен – прошлого, настоящего и будущего.

Каждый, кто извлекает из кладовой своих воспоминаний россыпи ярких для него впечатлений, относящихся к прошлому, желая сделать их достоянием и других, воспроизводит все это, конечно, в манере и способами, свойственными именно ему. Но это как раз и ценно, так как позволяет полнее прикоснуться к явлениям, событиям, фактам былого и глубже их понять. И никто не может сказать, как бы выглядело человечество, если бы оно не научилось передавать свой опыт в книгах, изваяниях, живописи, архитектуре и во всем, что создано умом и трудом человека.

Хочу дать несколько штрихов, относящихся к моим ранним годам. Сделать это решил потому, что вся последующая жизнь – как она у меня сложилась – испытала сильное воздействие детских и отроческих лет, когда только еще происходит формирование личности и в физическом, и в нравственном отношении.

Немного истории

Бывает, меня спрашивают:

– Откуда взялась фамилия Громыко?

Над этим мне почти никогда не приходилось задумываться. Фамилия как фамилия. Она дается каждому человеку для того, чтобы его отличали от другого.

Правда, у нас в деревне определяли людей своим порядком, часто встречавшимся в деревнях старой России. Действительно, как можно отличить человека по фамилии, если в Старых Громыках насчитывалось более ста дворов и почти все – Громыко? В соседних Новых Громыках – более двухсот пятидесяти дворов, тоже Громыко. Может, всего лишь в полдесятке дворов жили люди с другими фамилиями. Наконец, в шести километрах от нас расположилось село Потесы: там еще более двухсот дворов, и все – с фамилией Громыко. Попробуй, отличи одну семью от другой. Поэтому в деревнях и селах крестьяне придумывали друг другу прозвища.

Прозвище нашего рода – Бурмаковы. И отца моего, и деда, и прадеда вся деревня знала как Бурмаковых. И я тоже в Старых Громыках всегда откликался, когда меня называли Андрей Бурмаков.

Уже после войны мой брат Дмитрий, который одно время работал в Гомельском обл-исполкоме, заинтересовался происхождением этой фамилии. Так, просто для себя лично, решил провести поиск. Копался в архивах, изучал старые рукописи и книги и выяснил некоторые подробности.

Ему удалось установить, что еще с незапамятных времен в наших краях проживали славяне-радимичи; одного из воевод называли Громыко. В мирное время тот Громыко из давней легенды, как и его соплеменники, пахал землю, но когда дружина выступала в поход, его ставили во главу, и он вел воинов на дела ратные. А в старину, говорят, бывало, что люди, сражавшиеся под командованием воеводы, брали себе и его имя. Возвратившись из похода в родные места, ратники воеводы Громыко оседали в поселениях, которые потом тоже так и называли – Громыки. Постепенно на обоих берегах реки Беседь и образовались два населенных пункта, которые стояли в километре друг от друга, – Старые Громыки и Новые Громыки. Люди в этих селениях имели одну фамилию.

В то время гетман Богдан Хмельницкий взял курс на воссоединение Украины с Россией. Украину обложили польские ляхи и турецкие янычары, крымский хан и правитель Молдавии – враги внешние. Не дремали и недруги внутренние – противники из числа верхушки казачества в открытую советовали Богдану «поддаться туркам или крымцам», а скрытно ждали удобного случая, чтобы расправиться с ним. Однако прозорливый гетман направлял во все стороны свои посольства с миром и в то же время слал гонцов в Москву за помощью и советом. По Украине ездили его люди, собирали казаков под булаву Хмельницкого в Переяславе, где потом состоялась Рада великая.

Полковник Михайло Громыко во главе небольшого отряда по заданию Богдана отправился в городок Корсунь с мирным поручением: убедить жителей встать под знамена гетмана. Но враги Хмельницкого убили Громыко и перебили его отряд. На календаре значился тогда 1649 год. До великого воссоединения оставалось еще около пяти лет.

Сын Михайлы, Василий Михайлович Громыко, ездил посланцем от гетмана Украины в Москву. А потом в роду Михайлы появилось множество различных военных, по званиям – от рядового казака до майора. Не берусь утверждать, что все они – мои родственники. Такая версия о происхождении нашей фамилии пока единственная и, как мне кажется, правдоподобная.

Но это не все. Как-то в Министерстве иностранных дел зашел ко мне известный советский дипломат Ф.Ф. Молочков и сказал:

– Андрей Андреевич, у меня для вас небольшой сюрприз. Люблю книги. Читал вот «Историю России с древнейших времен» Соловьева и нашел там вашу фамилию.

Он положил на стол том этого труда, и я с большим интересом прочел о том, что произошло в XVII веке с одним из тех, кто тоже был Громыко.

Наш род – крестьянский. Из тех хлебопашцев, что трудились на своем клочке земли от зари до зари. И православную фамилию Громыко им аккуратно записывали в местную церковную книгу и в официальные документы властей. А так в обиходе в пределах деревни они пользовались своими прозвищами.

Фамилия Громыко и сейчас сравнительно распространенная. Но все Громыки, хоть и проживают в разных концах Родины, в той или иной степени связаны с древними радимирами, с теми поселениями, лесами, лугами, полями, которые раскинулись между верховьями Днепра и Десны, в бассейне Сожа, у речки Беседь.

В семье крестьянина-бедняка

Родился я в 1909 году в деревне Старые Громыки, что недалеко от Гомеля, в семье полукрестьянина-полурабочего. Такая категория населения в дореволюционной России существовала. К ней относились люди, не имевшие достаточно земли, чтобы прокормить себя и семью. Они работали в промышленности, в городе, но не постоянно, а временно. Короче говоря, хозяйство наше было бедняцкое. Земля плохая. Поэтому еще подростком, с тринадцати лет, я ходил вместе с отцом на заработки на стороне – преимущественно на заготовку и сплав леса, его доставку к промышленным предприятиям в Гомеле.

Моя родина – Гомельщина. Славянское племенное объединение радимичей, которое исстари жило здесь, получило у судьбы весьма скромный дар в виде, как сейчас принято говорить, окружающей среды.

Народ здесь живет добрый и отзывчивый, но только не для тех, кто приходил в эти края с мечом. И когда на СССР напала фашистская Германия, все люди нашего края – от мала до велика – сражались с захватчиками доблестно, как и весь народ страны. Горю этой земле и людям гитлеровцы принесли много. Памятниками и могилами советских людей, павших в борьбе с фашистскими агрессорами, усеяна земля республики.

Пожалуй, я проявил бы излишнюю скромность, если бы не признался, что край, в котором я родился и провел детство, заставил меня с отроческих лет полюбить старину, памятники истории и культуры народа. Рассказы взрослых доносили до нас, ребятни, правдивые и таинственные истории прошлого.

Сросся я со своим районным центром – городком Ветка, в котором мне приходилось бывать, пожалуй, с первых лет сознательной жизни. Его население состояло в большинстве своем из так называемых старообрядцев, да и в окрестных селах их было немало. Народ добрый, приветливый. Едешь, бывало, – всего десяток с небольшим километров от нашей деревни до Ветки, – остановишься у какого-нибудь колодца, чтобы коня попоить, глядишь: а из дома уже выбегает хозяйка, дает тебе ведро и участливо спрашивает:

– А может, еще чего надо?

Любили мы этих людей. Когда я немного подрос, узнал: все они – потомки тех, кто бежал еще в XVII веке от преследований патриарха Никона и самодержцев. Старообрядцы и основали в 1684 году поселение Ветка. Их бунтарский дух буйствовал и в потомках.

В 1735 году императрица Анна Иоановна, самодурство которой не знало границ, сослала в глубь России сорок тысяч непокорных ветковчан и жителей прилегающих поселений. А сам городок предала огню. Но старообрядцы оказались людьми живучими, и вновь будто из-под земли воскресла Ветка.

Однако в 1764 году на головы ветковчан снова упал меч царских карателей. Двадцать тысяч человек отправила царица – в этот раз уже Екатерина II – на вечное поселение в Сибирь. Шли они под конвоем до Шилки и Селенги долгих пять лет. И ныне в тех местах Сибири живут их потомки. Теперь их свыше ста тысяч.

Никто толком не знает, откуда пришло название Ветка. Одни утверждают, что это оттого, что речушка здесь – ветвь реки Сож, вторые – что на самом Соже есть остров Ветка и от него пошло имя, а третьи считают, к ним отношусь и я, что Ветка – это малая ветвь Москвы. Иными словами, старообрядцы-ветковчане – все же москвичи.

Поскольку собрались здесь люди непокорного духа, наверное, потому и нашел себе укрытие в этом городке руководитель крестьянской войны Емельян Пугачев. Было это еще перед началом той войны, во время которой он во главе поднявших косы и топоры народных масс пошел на схватку с самодержавием. Именно здесь, в Ветке, ему дали «пашпорт», чтобы он мог успешно миновать заставы, снабдили всем, чтобы благополучно проходил опасные

места. И отправился Емельян в глубинные районы страны поднимать на бой с угнетателями недовольных крестьян. Здесь, в Ветке, нарекли его Петром III. Царица Екатерина II восстание подавила, а Емельяна Пугачева казнила. Долго горевала в те годы по «доброму крестьянскому царю» и сердобольная Ветка.

Славилась Ветка своими мастерами – строителями, краснодеревщиками, резчиками по дереву, золотильщиками, иконописцами, чеканщиками. В старые времена их приглашали строить соборы и украшать богатые дома в Киеве, Петербурге, Москве. Они, в частности, вместе с другими умельцами обряжали Оружейную палату в Кремле, Новодевичий и Иверский монастыри.

Ветка знаменита уникальными деревянными рукописями и книгами. Здесь оттачивали свое искусство люди редкой профессии – книгары – так называли в наших краях создателей книг. Некоторое время назад в Париже с аукциона была продана за огромную сумму самая дорогая книга. Она называлась «Апостол», ее издал русский первопечатник Иван Федоров в 1574 году. Как не гордиться жителям Ветки тем, что вторая такая же книга находится у них в местном музее!

Кстати, утром 6 августа 1986 года, просматривая, как обычно, газеты, я обратил внимание на заметку в газете «Советская Россия». Называлась она «Бесценная находка». Корреспондент газеты по Свердловской области сообщал, что Уральская объединенная археографическая экспедиция нашла и доставила в областной центр сразу два экземпляра «Апостола», напечатанного Иваном Федоровым во Львове в том же 1574 году. Как не порадоваться такому успеху советских ученых!

Честно признаюсь, что я всю жизнь равнодушен к старинным книгам, картинам, любым предметам, связанным с историей. Люблю читать, в детстве что недопонимал – домысливал. Наверное, вся обстановка родного края влияла на меня духовно и в последующем.

А рядом с Веткой – мои Старые Громыки. Еще в детстве я слышал, что неподалеку от наших мест в давние времена было сражение, где «русские победили шведов». Пожилые люди вспоминали, как их деды и прадеды рассказывали, что крестьяне не щадили в ту пору «бегучих шведов», которые пришли к нам как грабители и захватчики.

Когда я уже стал студентом, как-то довелось мне на несколько дней приехать в наши края и побывать в райцентре Корма.

Ехал я к нему через Славгородский район Могилевской области. Там, на шоссе, когда следуешь от Могилева до Славгорода, есть деревушка Лесная. Обычная, ничем особым не выделяющаяся. Но ее название почти триста лет назад прогремело по всей Европе и осталось прославленным в истории страны. Там, при этой деревне, в сентябре 1708 года состоялась жаркая битва. Русские войска под командованием любимца Петра I Меншикова наголову разбили шведскую резервную армию, которая шла на помощь Карлу XII. Был захвачен обоз из тысяч телег, боевые и продовольственные припасы, предназначенные войску короля. Петр Великий назвал победу под Лесной «матерью Полтавской баталии». А историк В.О. Ключевский в XX веке, анализируя события российской истории начала XVIII века, воскликнул: «Стыдно было проиграть Полтаву после Лесной».

Много лет спустя в руки мне попал толстый фолиант «Северная война». Его автор – замечательный советский историк академик Евгений Викторович Тарле, с которым мне не раз приходилось встречаться. В книге были слова, которые подтверждали то, о чем в нашем селе, когда я был совсем мальчонкой, говорили деды: те шведские солдаты и офицеры, «которые были отрезаны от своих и не попали в плен к русским, блуждали некоторое время по лесам и постепенно истреблялись белорусскими крестьянами». После вторжения шведов на земли России война против них стала приобретать народный характер, свой вклад в это внесли и жители наших мест.

Жители города моего детства – Гомеля всегда считали, что его основание связано с XII веком, поскольку именно в то время он упоминается в старинных летописях. Однако совсем недавно археологи поставили под сомнение такой возраст города. Оказалось, что он намного старше, чем считали специалисты.

В 1988 году в областном краеведческом музее выставлялись доказательства того, что город основан гораздо раньше, чем упомянутый в летописи в 1142 году Гомий. Многочисленные находки, среди которых орудия труда, предметы быта, оружие, украшения, – немые свидетели того, что поселение в виде городского посада возникло здесь еще в IX–X веках, а в XI–XIII столетиях Гомий превратился в военно-административный и торгово-ремесленный центр.

В XIV веке он был отторгнут от Руси и входил в состав Великого княжества Литовского, а с XVI века – Польши, с которой Литва объединилась в Речь Посполитую. С 1772 года этот город по праву истории вновь вошел в состав России как исконно русская земля.

Гомель запомнился мне как большой железнодорожный узел. В нем имелись и промышленные предприятия. Наиболее заметным из них была спичечная фабрика «Везувий», работать на которой мечтал когда-то и я.

Сильно разрушенный фашистами город в настоящее время не только полностью восстановлен, но и стал крупным промышленным и культурным центром Белорусской ССР (до 1924 года он и Гомельский округ в целом были в составе РСФСР). В 1970 году за успехи, достигнутые трудящимися города в выполнении заданий пятилетнего плана по развитию промышленного производства, Гомель награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Родители и родственники

Когда начинаешь переносить на бумагу воспоминания, то неизбежно возникает вопрос: с какого же времени у тебя стали формироваться взгляды на жизнь, на мир? Пусть даже детские взгляды, еще не сложившиеся окончательно, которые скорее походят на беспорядочно нагромождающиеся одна на другую картинки наблюдаемой обстановки и происходящих событий. В конце концов ведь не существует точной черты, отделяющей детство от отрочества, от более зрелого возраста.

В жизни человека происходит постепенное накапливание впечатлений, фактов и опыта, которые со временем перерастают в убеждения, систему взглядов. У меня вовсе нет намерения углубляться в эту тему так, как это делают, скажем, литераторы, изображающие не только окружающую обстановку, но и становление внутреннего мира героя своего произведения. Но пожалуй, у каждого человека, который задумал окинуть мысленным взором свое прошлое, все же возникает этот вопрос.

Помню я себя примерно с четырехлетнего возраста. Не считая глубокой семейной привязанности, которая является в общем-то врожденной чертой человека, первое сильное чувство, пробудившееся во мне, – чувство любви к родным местам, к дому, в котором родился.

Наш домик стоял на окраине деревни. Мне казалось, что ему не менее сотни лет, таким он выглядел старым. В нем было две комнаты, в каждой из них – по одной кровати и по две-три лавки. В этих комнатах размещались две семьи, одна из которых – с детьми. Под стать дому было и наше домашнее хозяйство: на обе семьи – корова и лошадь.

Рядом с деревней Старые Громыки – небольшое озеро, соединяющееся с рекой Беседь. С детством связаны воспоминания о бесконечных купаниях в реке и озере, веселых криках ребятни. Для нее такие купания, да еще порою тайком от взрослых, были верхом счастья.

Вспоминая те годы, не могу не сказать самых добрых слов о своих родителях – отце и матери. Я признателен им от всей души и храню о них благодарную память.

Мой отец, Андрей Матвеевич, был человеком грамотным в житейском смысле слова. Умел хорошо читать и писать. Но окончил он только церковно-приходскую школу с ее четырьмя классами.

Помню, как я завидовал красивому почерку отца. С этим у меня с самого начала дело обстояло неважно. Кажется, стараешься выводить буквы правильно, так, как учили, а получаются они на бумаге какие-то изломанные. Правда, буквы вели себя более покорно, когда я писал их в тетрадах, специально разлинованных. Однако, как только начинал писать на чистом листе бумаги, они принимались плясать, выделывать какие-то пируэты.

Восхищался я своим отцом и в таком отношении. Возьмет он карандаш и лист бумаги, и вдруг на этом листе начинают появляться фигурки людей, различных животных – лошадей, коров, овец. Я и мои друзья-мальчишки разглядывали их словно зачарованные, хотя эти рисунки делались простым карандашом. Лишь немногие, и то понаслышке, знали у нас тогда о масляных красках. Да отец и не мечтал о том, чтобы как-то приобщиться к художественному творчеству.

Любил мой отец поведать членам семьи и родственникам о сражениях, происходивших на полях Маньчжурии в Русско-японскую войну 1904–1905 годов и позже на юго-западном участке русско-германского фронта в период Первой мировой войны. Говорил он об этом со знанием дела, так как был участником и той и другой войны. Свои рассуждения он сопровождал «солеными» словами по адресу российских генералов. Называл их фамилии. Помню, как он рассказывал:

– Я всегда любил солдат и тех боевых офицеров, которые делили с нами военные тяготы. А вот в отношении высшего командования русской армии мы, солдаты, выражали

недовольство. Мы шли в бой, но всегда не хватало оружия, особенно артиллерии. Постоянно ощущался недостаток боеприпасов. Огневая мощь противника была во много раз сильнее, и потому русская армия несла неизменно тяжелые потери.

Я удивлялся: «Как отец все это помнит?»

Обращал я всегда внимание на то, что солдаты, по словам отца, вину за поражение в Русско-японской войне возлагали на командование армией, а не на царя.

– Почему? – спрашивал я.

Отец, подумав, отвечал:

– Они побаивались обвинить царя напрямую. Да и поговаривали: «До Сибири от Маньчжурии совсем близко – здесь фронт, а там ссылка».

Правда, в этих рассказах все же доставалось негодным правителям.

– В начале войны, – говорил отец, – среди офицеров ходило выражение: «Мы японцев шапками закидаем – нас, русских, больше». А солдаты как бы в ответ заявляли: «Верно. Мы можем закидать японцев шапками, но зачем для этого идти так далеко?»

Молодежь слушала эти рассказы затаив дыхание.

Я почти не видел, чтобы мой отец не был занят какой-то работой. Даже рассказывая, он не переставал что-то мастерить, строгать, починять, приводить в порядок скромные орудия крестьянского труда – соху, борону и прочее. Если с этим было уже все в полном порядке и если отец не уходил на отхожий промысел, который продолжался, как правило, несколько месяцев, то он и тогда находил себе работу – заготавливал на зиму дрова, собирая в лесу валежник, выкорчевывая старые пни и доставляя все это к хате на лошаденке.

И все же мой отец был немногословным человеком. Он обладал способностью часами заниматься делом в поле, на дворе, на сенокосе, в лесу – на заготовке дров, не говоря ни слова, хотя, как правило, его окружали люди, с которыми, может, и хотелось пообщаться. Просто не любил этого, считал, что разговор мешает трудиться. Мне всегда казалось, что без работы, хотя бы в легком ее виде, он не сумеет жить.

Но бывали случаи, когда он мог позволить себе поговорить: либо со своими в кругу семьи за столом, либо поздно вечером в летнюю пору, когда несколько мужчин собирались возле какого-нибудь дома на завалинке. Там обычно разговор случался мужской. Женщинам не стоило прислушиваться к таким беседам – зачастую они пересыпались и крепкими словечками.

Однажды отец и другие в таком мужском разговоре заспорили о том, какая страна в мире самая богатая. Мнения разделились.

Один говорил, что, пожалуй, Германия богаче других государств, так как германцы – грабители, они ограбили и Россию. Другой заявлял, что богаче всех Америка. Никто из них не называл богатой Россию. Один из участников спора высказал такую мысль:

– У американцев был умный президент, звали его Теодор Рузвельт, он, говорят, хорошо правил страной.

Мой отец высказался следующим образом:

– Америка, пожалуй, богаче других, потому что американцы и чужое богатство прибирают к своим рукам. Теодор Рузвельт был хитрый президент.

Сосед это поддержал:

– Да, Теодор Рузвельт – хитрый и умный президент.

Они говорили, что об этом и в газетах пишут. С детства отложились у меня слова об «умном и хитром» американском президенте.

Эта «конференция на завалинке» после дискуссии, в которую вслушивались мы, гурьба мальчишек, закончилась тем, что все договорились и согласились с одним – пора расходиться по домам и готовиться к завтрашнему рабочему дню.

Подобные «конференции» были нередким явлением в деревне, и мужчины находили в них выход своим мыслям. Эти «конференции» по международным вопросам были первыми в моей жизни. В них я непосредственно не участвовал, но зато внимательно слушал все, о чем там говорилось.

Было это в годы Первой мировой войны, когда отец приезжал с фронта в короткий отпуск домой. В США президентом тогда уже стал Вудро Вильсон, а у меня в памяти остался Теодор Рузвельт как «умный и хитрый президент».

Случилось так, что однажды в 1933 году – в то время я учился в Минске – поехал отец в лес, чтобы привезти хворост, и не вернулся. Нашли его через много часов еле живым, без сознания. Вскоре он скончался, так как медицинской помощи вблизи не оказалось. Было отцу тогда около пятидесяти семи лет.

Моя мать, Ольга Евгеньевна, родилась в семье крестьянина-бедняка из соседнего села Железники. Это была женщина с золотым сердцем. О людях она говорила только доброе. Мать как бы ни в ком не замечала и, что важнее, не хотела замечать ничего плохого.

Школу мать посещала лишь два-три года. Закончить учение ей не удалось, так как после смерти отца ее – совсем еще девочку – всецело поглотили заботы по дому, тяжелая работа в поле. Тем не менее читать и писать она все-таки научилась. И читала немало.

Все, что сказано относительно прилежания, любви отца к труду, могу повторить и в отношении матери. Она была труженицей. Без устали, отдавая много сил и здоровья, работала в нашем хозяйстве, а затем и в колхозе, который объединил крестьян деревни Старые Громыки.

О своей матери я через всю жизнь пронес самые теплые воспоминания. С детских лет поражался, как может человек все время, не присев, работать. Ведь в ее заботы входило на небольшом клочке земли как-то вырастить понемножку картофеля, капусты, огурцов; позаботиться, чтобы посеять и вырастить лен, которому в хозяйстве отводилось важное место. Иначе не будет рубах, постельных принадлежностей, да и вообще худо будет с одеждой. Надо заготовить корм для коровы. Что же касается ухода за зерновыми культурами, преимущественно за рожью, то женскому труду в этом деле отводилась на всех стадиях не меньшая роль, чем постоянным заботам накормить семью, тщательно экономя продукты.

Вся эта хозяйственная работа приходилась на долю женщин. А их в нашем доме оказалось только две. Кроме матери трудилась и сестра, но она, будучи моложе меня, стала помощницей взрослым уже тогда, когда я начал терять связь с семьей, уехал учиться. Любовь к книгам перенял от матери. В деревне ее звали «профессором». Странно как-то это звучало, но ее так часто называли и взрослые, и дети: «тетя Оля – профессор».

И сейчас помню душевные, проникнутые заботой обо мне слова матери:

– Ты любишь книги, и учителя тебя хвалят. Наверное, тебе надо учиться... Может быть, выйдешь в люди.

Жизнь показала – мать дала добрый совет. Ее поддержал отец, что и решило мою судьбу.

Скончалась моя мать в 1948 году в Москве. Всю жизнь она прожила в деревне. Приехала в столицу за несколько месяцев до кончины, хотела подлечиться, да так и не смогла. А за две недели до ее смерти я прибыл из США. Успел с ней еще увидеться в больнице и поговорить. Трудный это был разговор.

Пример отца и матери, да и сама жизнь создали условия, когда все мы, я и мои сверстники, рано включились в трудовую деятельность. В возрасте семи-восьми лет я приобщился к физической работе. Трудился преимущественно в поле вместе с отцом и матерью.

Родители мои вступили в брак вскоре после окончания Русско-японской войны. Отцу тогда было около двадцати семи лет, а матери – лет девятнадцать. Их первенцем была дочь

Татьяна, которая родилась на полтора года раньше меня. Умерла она примерно в двухлетнем возрасте, и я ее не помню.

В течение нескольких лет наша семья жила вместе с дедом по отцу – Матвеем Григорьевичем, который был современником отмены крепостного права в 1861 году. Он знал грамоту. Много раз перед обедом слышал я его отчетливое, несколько протяжное чтение Евангелия. Скончался дед в 1927 году, в возрасте семидесяти пяти лет.

Достойной спутницей жизни стала для деда Матвея его жена Марфа, моя бабушка. Она, кажется, была рождена, чтобы сеять добро среди людей.

Когда я был малышом, можно сказать, еще пешком под стол ходил, услышал я как-то от бабушки необычное слово. Не помню, в чем я провинился, но она мне погрозила пальцем и сказала:

– Ах ты демократ! Зачем шалишь?

Дело происходило до революции, при царе, и она, зная понаслышке, что «демократов» сажают в тюрьмы, ссылают на каторгу, решила и меня припугнуть этим «страшным» словом. Потом, позже часто я слышал, если чуть что было не по-бабушкиному:

– Ах ты «демократ»!

Но я знал, что добрая бабушка не умеет сердиться. Поэтому для меня с детства слово «демократ» всегда звучало как ласковое и обязательно связанное с родным человеком.

Наша семья, семьи двух братьев отца и двух его сестер, Софьи и Марии, жили дружно. Но так продолжалось до тех пор, пока не настало время делить последние участки принадлежавшей деду пахотной земли. Когда дело дошло до этого, когда хозяйство, в котором хлеба не всегда хватало до нового урожая, стало распадаться на еще более мелкие хозяйства, то возникли трения, особенно между моим отцом и его младшим братом Иваном. Семья брата Николая, отделившись раньше, в последней дележке участия не принимала.

Мне очень не нравилось, когда происходили эти трения. Я никак не мог понять, зачем своим людям ссориться, говорить друг другу плохие слова.

И все же, несмотря на известные сложности, которые случались почти во всех семьях нашего небогатого края, где люди испытывали постоянную нужду и добывали средства к жизни тяжелым трудом, родственные привязанности в нашей большой семье были прочные.

Мы с душевной теплотой относились к своей деревне, к родным и знакомым, некоторые из них жили в соседних селах. Ходить к ним в гости или принимать их у себя было радостным событием. Хорошо помню: алкоголь не почитался. В семье у нас никто не пил. Но в деревне два-три раза в году бывали на селе пьяные. Как правило, несколько молодых парней. Да и то не разбирали никто, в самом деле пьяные они или просто куражатся, чтобы привлечь внимание девочек.

Все, что окружало Старые Громыки, я обожал: поля и леса, луга и речки. Мне казалось, что здесь – самые лучшие места, хотя у людей, за малым исключением, иногда даже своего картофеля не хватало к концу зимы.

Мое восхищение вызывала небольшая река Беседь, по которой маленькие пароходики ходили только весной. Летом она была слишком мелкой. Берега реки притягивали как магнит. Часами мальчишки просиживали с удочкой, глядя, не клюет ли? Но, увы, рыба клевала плохо. Если удавалось поймать пять-шесть рыбешек, то это считалось везением. Удачливый рыболов тогда возвращался с гордо поднятой головой и считал себя почти взрослым.

Когда мальчишки и девчонки могли уже работать, они в поле помогали старшим, особенно в выполнении женской работы: на уборке льна, конопли, картошки, на жатве и уборке зерновых. Все это – нелегкий труд для подростков. Тягловой силы и вообще скота было мало, не хватало кормов.

Километрах в трех от деревни находился довольно большой лес Графщина, который простирался сравнительно далеко, а нам он вообще казался нескончаемым. Считалось, что

в лесу всего хватает: и зверя, и бандитов, и, возможно, колдунов. А когда фантазия у мальчишек разгуливалась, то она населяла его и лешими.

– Да и где же водиться лешим, как не в лесу? – рассуждали мы.

Но летом, когда наступал сезон грибов, люди, не боясь, ходили в лес. По части хвастовства грибники не уступали рыболовам и охотникам. Последних, правда, в наших местах встречалось очень мало, так как с ружьями дело обстояло туго.

В зимнее время побаивались волков. Отчасти поэтому за дровами выезжали не в одиночку. Когда мы с отцом отправлялись в лес, то нередко мне отчетливо представлялось, как я буду топором рубить волков направо и налево, спасая отца и лошадь. Но волки, как нарочно, не появлялись. Про себя я был этим доволен, но перед отцом старался выглядеть храбрецом и забиякой.

Детвора с раннего возраста жила дружно: старшие присматривали за младшими, опекали их. И в последующем этот дух коллективизма, как сейчас принято говорить, или взаимопомощи неизменно себя проявлял. Такое отношение – следствие обычаев, зародившихся много веков назад среди крестьян. Так, если случался пожар и крестьянин с семьей оставался без крова, то вся деревня приходила ему на помощь, доставляла лес и другие материалы для строительства новой хаты и сарая. Пример неплохой и для детей, и для подростков, и для взрослых.

И грянула Первая мировая...

Как гром среди ясного неба разнеслась весть о том, что Германия объявила войну России. Вспыхнула Первая мировая... Я наблюдал и воспринимал события, конечно, по-детски. А взрослые реагировали остро.

Отец говорил:

– На Россию пошел германец. Он силен и опасен. Он всегда приносил людям только горе.

Вот тогда впервые, еще неосознанно, я ощутил то, что является чувством любви к своим полям и лесам, к своим очагам, к своей стране. Доносившееся из глубины веков эхо битвы на Чудском озере, в которой Александр Невский сокрушил вторгшихся тевтонских рыцарей, давало себя знать. В нашей деревне мне тогда попала в руки иллюстрированная книжка о подвигах этого князя в сражениях с врагами земли Русской. Жива была в душе народа ненависть к захватчикам, жива была и вера в свои силы. Не потому ли легенды о богатырях – защитниках страны – никогда не забывались? Началась мобилизация. Взяли в армию и моего отца. Для него это была уже вторая война.

Уходивших на фронт провожали родные, друзья, соседи. Провожали со слезами и, конечно, под гармонь, которая, разумеется, навевала не веселье, а грустную думу: «Вернутся или не вернутся с полей сражений родные?» Сами рекруты держались достойно, даже храбрились. А если навернется слеза, то старались смахнуть ее незаметно. На проводах взрослые даже выпивали. У нас в деревне смотрели на спиртное скорее как на дань традиции, некое неизбежное сопутствующее большим событиям явление. Считалось, что вроде так и положено, иначе и быть не может. По существу же это было средство приглушить грусть по близким, которые, возможно, уходят навсегда.

Три года отслужил мой отец в одной из армий Юго-Западного фронта, которым командовал генерал А.А. Брусилов. После двухлетнего пребывания на фронте отца отпустили примерно на неделю на побывку к семье. Затем он снова вернулся в окопы, под огонь немецких пушек в районе Перемышля.

Поверья давних лет

Горожанину, может быть, нелегко понять, какой мир поверий и легенд окружал людей на селе, в особенности детвору моего возраста. Эти поверья и легенды, представлявшие собой как бы сплав суеверия и своего рода романтики, передавались из поколения в поколение, а их корни, видимо, уходили в глубокую древность. Обычно эти по-своему увлекательные истории затрагивали такие чувствительные струны человеческой души, как верность слову, человеколюбие, честность и благородство в поступках.

К примеру, ребята постарше часто говорили о том, что есть способы, позволяющие каждому человеку узнать свою судьбу. Как это сделать? Да очень просто. Надо пойти ночью в какой-либо одиноко стоящий сруб, обязательно за пределами деревни. Подходящим местом для этой цели могли быть и бани, которые обычно отделены от изб и дворов огородами. Ночь должна быть темной и еще лучше – ненастной.

С собой следовало захватить лучину и зеркало или хотя бы небольшой его осколок. Зеркало, в которое надлежало смотреть, нужно поставить таким образом, чтобы в нем отражалась входная дверь, причем обязательно открытая.

Ровно в полночь при этом у двери должно появиться видение девушки, если желающий узнать свою судьбу – парень, либо парня, если в зеркало смотрит девушка. Одним словом, там можно узнать суженую или суженого.

Требовались большая смелость и выдержка, чтобы испытать таким путем свою судьбу. На это решались только смельчаки.

Ребятишки семи – девятилетнего возраста не утруждали себя вопросом о том, удавалось ли кому-нибудь и когда-либо увидеть желаемое. И вот мой двоюродный брат Артемка, который был годом старше меня, и я вступили в сговор, чтобы в конце концов проверить, все ли тут так, как говорят. Дали друг другу что-то вроде клятвы: кому бы из нас ни пришлось сидеть в бане, он будет держаться достойно и с позором не сбежит. А баня, хотя и примитивная, у нашего деда имелась.

Для осуществления нашего «стратегического плана» следовало предварительно решить некоторые, так сказать, «штабные» вопросы. Во-первых, установить, кто из нас пойдет в баню и предстанет перед зеркалом, а кто будет ожидать результатов, спрятавшись неподалеку в кустах. Испытанным методом была жеребьевка.

На этом и согласились. Жребий быть храбрецом пал на меня. Наверное, в тот момент я выглядел так, будто и обо мне сказал друг Пушкина – декабрист Иван Пущин: «Половина России, покоряясь жребию, идет на смерть». Артемка тоже несколько взгрустнул, но ему оставалось лишь смириться со своей участью.

Во-вторых, надо было подготовиться на тот случай, если в бане вдруг произойдет что-то непредвиденное и вместо суженой появится нечистая сила. Условились, что Артемка, как только почувствует неладное, должен бежать ко мне на помощь. Ну хорошо, а как же быть со средствами защиты? Ведь никакого оружия у нас не было, да не имелось его и дома. Приняли решение еще под вечер незаметно для взрослых утащить из хаты какой-то железный прут неопределенного назначения. Эта «операция» удалась полностью.

Итак, Артемка забрался в кусты с этим «холодным оружием», а я устроился в бане перед зеркалом. Горела лучина. Часов у нас, конечно, не водилось, и точного времени знать мы не могли. Поэтому договорились посидеть подольше, чтобы наверняка не уйти из бани раньше полуночи.

Сидел я очень долго. Тишина стояла абсолютная, ни звука не раздавалось. Казалось, что даже собаки в деревне спят в это время непробудным сном. Ощущение было такое, что все черти через какие-то щели смотрят на меня. Единственное, что удерживало меня в бане,

так это слово, данное двоюродному брату. Я понимал, что если оставлю свою опасную вахту, то о моем позорном поступке станет известно всем, а значит, такого допустить никак нельзя.

Спустя какое-то время Артемка, видимо, решил, что сроки появления видения уже прошли и надо проведать друга и брата. А у меня и лучина погасла. Слышу, раздался его слабый, зовущий голос:

– Андрей, ты жив?

Я сразу же аккуратно снял зеркало и вышел из кромешной тьмы. Мы были разочарованы. Но вместе с тем где-то в глубине души притаилось и другое чувство – как хорошо, что не случилось в бане беды и я ушел от всех чертей невредимым, без единой царапины. Но этого чувства я не показывал брату, держал все переживания в себе. Разошлись мы по домам уже на рассвете.

В наших семьях знали, что мы иногда остаемся ночевать друг у друга. Так было и на этот раз: моя семья считала, что я ночую в семье Артемки, а в его семье думали, что он ночует у нас. Поэтому некоторое время нам удавалось хранить свой секрет, тем более что и похвастаться-то особенно было нечем. Потом родители об этом узнали, но за давностью нашей проделки никакого наказания мы не понесли. Все же иногда взрослые по этому поводу беззлобно над нами подтрунивали.

Многие попросту верили во всякие сверхъестественные явления, хотя практического значения в жизни это не имело никакого. Люди тяжким трудом добывали средства к существованию, к тому же на землях малоурожайных, и неудивительно, что им иногда хотелось рассказать друг другу различные загадочные, а то и веселые истории. Так сказать, для разрядки.

В общем-то в жизни сельского населения тогда не обходилось и без легенд с элементами мистики. И неизвестно, чего было больше в этих легендах – увлечения сверхъестественным или просто красивого вымысла, в котором юноши и девушки пытались найти выход необузданному воображению.

Бытовал у нас и такой обычай. В определенный день года, кажется, под Рождество, в некоторых дворах собирались группами девушки. Они перебрасывали свои обувки через перекладину ворот, а затем смотрели, в каком направлении повернут носок упавшего башмачка, в той стороне, согласно поверью, и ищи своего суженого. Основоположник русской классической лирики, замечательный поэт Василий Андреевич Жуковский как будто подсмотрел эту трогательную сценку в деревне Старые Громыки, прежде чем создать романтические образы гадающих девушек, запечатленных в первых строках его прекрасной баллады «Светлана»:

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали...

Наверное, каждый мальчишка в деревне пережил изрядное количество эпизодов странных, а иногда и опасных для себя. Я не был исключением. Меня лично всегда интересовала и интриговала охота. На зверя, на птицу, на все, что является ее объектом у взрослых.

Мне было восемь лет. Лявону Бурмакову – соседу и доброму другу – десять. Имя Лявон для тех, кто не проживал в наших краях, звучит необычно. А у меня на родине оно очень распространено. Вспомните знаменитый танец с песней «Лявони́ха». Начинается она:

А Лявоніху Лявон палюбіу,
Лявонісе чаравічкі купіу.

К тому же мы с ним состояли в родстве: его отец и мой дед – родные братья.

В тот день, о котором пойдет речь, бродили мы по заболоченному лесу.

– Давай поохотимся на диких уток, – сказал я Лявону.

– А как? – засомневался он. – Ружья-то у нас нет. И нет его ни у кого из наших родных...

Да, ружье в нашей деревне встречалось редко. Охотники, правда, как-то умели пользоваться охотничьими ружьями по очереди. Но наши попытки завладеть ими и уйти за несколько километров в лес и на славу поохотиться оставались всего лишь мечтой. Конечно, хотелось подстрелить разбойника-волка, которым детей с малых лет пугают взрослые. Однако предметы для охоты от нас прятали далеко.

Думали мы, думали и придумали.

– А что, если побродить по болоту и поискать утиные гнезда? – спросил я.

– Давай, – решительно поддержал меня Лявон.

Мы знали, что утка вьет свое гнездо не на дереве, а где-нибудь в зарослях на болоте, у берега речки или озера. Это – ее излюбленные места для гнездования.

– Пойдем туда, где погуще осока и камыши, обязательно найдем одно или два гнезда, – рассуждал Лявон. – Яйца сейчас по времени как раз еще не насиженные. Если мы их найдем, то возьмем и поджарим, сделаем яичницу.

Ходили мы в высокой болотной траве долго. Нам повезло.

– Гляди, – обрадованно закричал я, – вот оно здесь.

Лявон мигом оказался около меня. В гнезде лежало шесть больших утиных яиц и, как нам казалось, невероятно красивых. Мы их взяли.

Пошли дальше, но, как назло, больше ни одного гнезда нам не попало.

– Может, хватит ходить? – предложил Лявон. – Лучше сготовим яичницу из тех, что у нас есть.

– Ладно, – согласился я.

– Ну и пир будет! – обрадовался он. – На каждого приходится по три яйца!

Получалось совсем неплохо. Тем более что аппетит у обоих разыгрался волчий.

– А на чем будем жарить?

– Как на чем? – ответил Лявон. – На сковородке. Я побегу, возьму ее дома. А ты сбегай за маслом или за салом...

Так и сделали.

Костер разожгли небольшой, но сковороду подогрели основательно.

Разбить яйца в кипящее масло проще простого. А масла положили столько, сколько по нашему представлению надо было, чтобы яичница не подгорела.

И в тот момент, когда я одной рукой подправлял солону, из небольшого кулька, который находился в другой руке, выпали почти все комочки сосновой смолы, – я их собирал для себя, просто так. А упали они прямо в кипящее масло.

Моментально смола стала таять и растаяла быстро. Костер мы потушили и на миг замерли перед произведением нашего кулинарного искусства. От него несло терпким запахом соснового бора.

– Ну и что же, – тихо сказал Лявон. – Все равно, давай попробуем.

Мы стали есть. И когда практически все было съедено, я вдруг спросил:

– А что, если смола, которую мы съели, начнет там внутри твердеть?

Через некоторое время мы оба почувствовали себя плохо: нас сильно тошнило.

– Выживем или помрем? – спросил Лявон.

– Выживем, если не помрем, – ответил я.

«Помирать» пошли домой. Лег я на кровать и пролежал долго. Ночью меня вырвало. На следующий день встретил дружка. С ним приключилось то же самое.

- Знаешь что, – сказал он, – давай никому не говорить, как мы жарили эту яичницу.
- Давай, – откликнулся я.

Тошнота и побаливание у нас обоих появлялись еще в течение нескольких дней. А затем все пришло в норму.

Интересно то, что впоследствии ни Лявон, ни я не могли переносить запах смолы. Уже при виде этого дерева, особенно если оно с царапинами и с появившимися каплями смолы, нам становилось дурно. Мы поклялись, что больше никогда не только не будем ходить на добычу утиных яиц, но и вообще из таких яиц никогда не будем есть яичницу, даже приготовленную по всем правилам.

И много лет спустя, когда кто-нибудь заговаривал о смоле или я ее видел, то с улыбкой вспоминал детство и нашу яичницу, от которой шел аромат соснового бора.

Когда научился читать, то часто с книгой в руках в коротких перерывах между полевыми работами уходил в поле или в лесок, ложился на траву и мечтал. Обычно это было тогда, когда в школе не было занятий. Мечтал, задавал себе вопросы: «Что такое звезды? Почему они светятся ночью? Почему считается, что бог живет на небе? Кто его видел?» И сам себе отвечал: «Ведь его не видел никто из людей, которых я знаю».

Задавал я этот щекотливый вопрос и бабушке Марфе:

- Кто видел бога?

Она отвечала:

- Человек бога не может увидеть.

Тогда я задавал ей другой вопрос:

- А как же тогда можно о боге говорить, коли его никто не видел?

На это она заявляла просто:

- Будешь все знать – скоро состаришься.

И этим самым давала понять, что разговор о боге закончен.

Другие взрослые, свои и чужие, говорили примерно то же, однако чем моложе они были, тем добродушнее встречали детские вопросы. А некоторые заявляли, что человеку не дано все знать о боге, об этом тоже распорядился бог.

Один из жителей деревни, Михаил Шелютов, близкий наш сосед, придерживался вольнодумной точки зрения. Он заявлял и нам, малышам, и взрослым довольно мудро:

- Существование бога под вопросом, и многие ученые не верят в то, что он есть.

Михаил часто засиживался на завалинке какого-либо домика и толковал со взрослыми и подростками о разных «высоких материях» – солнце, луне, звездах – и о заморских странах. Все слушали его с огромным интересом и понимали, что он много читал, хотя особого образования не получил. Но частые поездки в далекие города – иногда он нанимался там на работу и задерживался – давали ему возможность расширять кругозор, узнавать много интересного и в какой-то мере приобщаться к культуре.

- Откуда ты, дядя Михаил, так много знаешь? – робея, спрашивали его ребята.

- Читать умею, – весело отвечал он.

Питал я к нему большое уважение. Пожалуй, не в последнюю очередь под его влиянием я и мой сосед Вася, который был на год старше меня, твердо решили, что мы должны перечитать все библиотеки, которые находились в пределах досягаемости. Всех библиотек мы, конечно, не перечитали, но в некоторых, доступных нам, брали немало книг и поглощали их без разбору. Школьными программами эти книги не были предусмотрены. Таким помню себя в начальной школе, а затем и в семилетке.

Может быть, тем, кто рос в других условиях, трудно поверить, какое огромное влияние на наше развитие оказывали в детстве чтение книг и беседы с людьми, умудренными жизненным опытом. Иногда взрослые и не подозревают, как быстро ребята усваивают то, что узнают от старших. Но главное даже не в этом. Главное в том, что пробуждалось самостоя-

тельное мышление у подростков, не говоря уже о юношах, притом задолго до того, как они начали слушать лекции преподавателей и профессоров.

Примерно лет с девяти я начал знакомиться с атеистической литературой. Брошюры на эту тему стали появляться уже через год-два после революции. Заполучить их было нелегко, так как в нашей деревне они еще широкого распространения не имели и попадали больше в волостные библиотеки.

И все же в простейшем, общедоступном виде понятия атеизма стали знакомы и мне, и моим друзьям. Даже семья, в которой я родился и вырос, в общем-то в прошлом религиозная, в этом вопросе как бы раскололась – по возрастам.

Дед и бабушка остались, безусловно, верующими. Их дети уже, как правило, не молились, ограничивались тем, что иногда крестились перед тем, как сесть за стол. Да и к этой привычке они постепенно охладевали.

Что касается третьего – моего поколения, то оно почти не крестилось, за исключением разве одного случая в году – Пасхи. Нам нравилось в этот день посещать церковную службу, во время которой красиво пел хор. Кто только подыскивал такие хорошие голоса!

Мальчишек привлекало в церковь и то, что там во время причастия давали попробовать чуть-чуть довольно вкусного, сладкого, как бы лекарственного кагора. Правда, как они считали, священник Василий Волтовский был человеком жадным, поскольку подносил лишь чайную ложку, да и то не всегда полную. Мальчишки перешептывались:

– Скупого священника, наверное, черт поддерживает.

У священника, или, как его в народе по-простому называли, попа, в нашей деревне имелась семья: попадья и две поповны – девочки приблизительно нашего возраста. Собрались мы, мальчишки, возле церкви и стали думать-гадать, как же ему «отплатить» за его скардность. Один из нас, мой сосед Иван, предлагал:

– Давайте ему яму выкопаем за церковью, прямо на той дорожке, где он ходит. Пойдет и провалится.

Я ему возражал:

– А что твои родители скажут? А что, если в эту яму провалится не он, а попадья или, может, даже его дочка?

Но видно, я убедить его не смог. Иван говорил непререкаемо:

– Ну и не надо, раз вы не хотите. Я сам все сделаю. Возьму лопату, приду сюда ночью и выкопаю яму.

На том мы и разошлись. Шли и гадали: отважится Иван на такое, покажет свою смелость или нет?

В ту ночь я почти не мог заснуть. Ворочался с боку на бок, лежал с открытыми глазами в темноте, но все думал: вот решительный Иван роет глубокую яму, вырыл, вот он, украдкой оглядываясь, уходит домой, вот сонный поп идет по тропинке и неожиданно проваливается куда-то в самую преисподнюю.

Утром, чуть свет, встал, вышел за ворота, смотрю, а там уже некоторые мои сверстники ждут меня. Тоже всю ночь, говорят, почти не спали.

Гурьбой мы бросились к церкви смотреть «ужасы», полагая, что там, в яме, уже сидит священник и зовет на помощь. Прибежали, но вокруг церкви стояла мертвая тишина. Царили мир и спокойствие. Ничего со вчерашнего дня не изменилось.

Видно, не решился храбрец Иван наказать священника, побоялся взять на душу такой грех...

Ленин и его помощники

...Октябрь 1917 года. Весть о революции разнеслась с быстротой молнии.

– Рабочие взяли власть в свои руки, – говорили крестьяне в нашей деревне. – Нам тоже надо идти по пути с ними, а помещикам теперь капут.

Детвора не понимала многих выражений. Что такое «власть»? Взрослые разъясняли. Как это – «идти по пути с рабочими»? Неужели по одной дороге, взявшись крепко за руки, пойдут дед Матвей и Михаил Шелютов, который для меня олицетворял образ рабочего человека? Зато что такое «капут», мы знали хорошо: шла война, германец стоял и передвигался неподалеку, некоторые немецкие слова использовались в обиходе.

Из Петрограда пришла новость, что революцией руководят «Ленин и его помощники».

Так я впервые услышал имя Ленина. И осталось оно в сердце на всю жизнь как самое светлое воспоминание детства. Ленин и его помощники, которые возглавили революцию, напоминали мне добрых молодцев, былинных богатырей, которые выступали на бой с врагами всегда вовремя и непременно побеждали.

Сразу после революции перемены у нас в деревне ощутились в том, что не слышно стало колокольчика станowego пристава, которого крестьяне по старой традиции боялись. На него смотрели как на пугало. Исчез и урядник, к нему относились тоже с опаской, но все-таки иногда разговаривали и даже спорили.

Самый большой страх крестьяне раньше постоянно испытывали перед царем. Поэтому после революции, когда уже вся жизнь строилась по-другому, когда в стране происходили такие перемены, что даже дух захватывало, бывало, кто-либо из крестьян вдруг выпаливал:

– А что же с нами будет, если вдруг вернется царь?

Вскоре наступил сложный и трудный период в жизни нашей деревни – германская оккупация, освобождение от оккупации, и прошло еще немало времени, прежде чем прочно закрепилась советская власть.

Бесчинства кайзеровских оккупантов

В начале 1918 года немецкие войска оккупировали западные районы страны, в том числе и Гомельщину. Они возникли как из-под земли. Все новые и новые части кайзеровской армии двигались на восток. Оправдалось то тревожное предчувствие, которое распространилось в народе уже при первой вести о войне с Германией.

Агрессор пришел с оружием в руках, как поработитель. Его остановил только Брестский мир (март 1918 г.), представлявший собой гениальный политический ход В.И. Ленина. Брестский мир хотя и был бременем для Советской республики, но не затронул коренных завоеваний Октябрьской революции, а это и нужно было стране.

Советская республика вышла из империалистической войны, получила мирную передышку, необходимую для решения сложных внутренних проблем, для создания Красной армии. Прошло всего восемь месяцев, и революция в Германии свергла власть императора Вильгельма II. 13 ноября 1918 года советское правительство аннулировало Брестский договор. Это было торжество ленинской позиции, ленинского предвидения.

Когда кайзеровские солдаты, обученные шагистике, рвались на восток, они не шли, а прямо-таки шагали. Но вот наступило время отступать на запад, и они позорно побежали. Оккупируя, а затем покидая нашу землю, захватчики бесчинствовали. Они грабили города и села, угоняли скот, грузили его на поезда, отправляющиеся в Германию. У населения отбирали лошадей для перевозки немецких солдат. Нашего соседа оккупанты избили до полусмерти только за то, что он не сказал им, кому принадлежала лошадь, которую они пытались поймать, но не смогли. Вообще избивали или убивали каждого, кто пробовал сопротивляться грабежу и разбою. Так было и в нашей деревне, и в близлежащих селах.

В Старых Громыках они шли по дворам и угоняли коров.

Как сейчас помню, трое вооруженных солдат начали уводить со двора и нашу корову. Мой отец и его братья, Николай и Иван, находились в то время в лесах, так что помочь ничем не могли. В хате старшим оставался дед Матвей. Он и бросился отнимать корову, смело, отчаянно. Один из солдат стал целиться из винтовки в деда. В этот момент корова, запутавшись в веревке, упала на землю. Минуты замешательства было достаточно для того, чтобы все мы – и женщины, и дети, в том числе я (мне было девять лет) и семилетняя сестренка – повисли на руках деда, удержали его от безнадежной борьбы.

Помню, как дед Матвей глубоко переживал, что оккупанты увели корову. Он после этого, можно сказать, не находил себе места. Человек от природы сдержанный, он обладал глубоким внутренним тактом. Не могу вспомнить, чтобы когда-нибудь он по-настоящему выругался с употреблением крепких крестьянских выражений. Дед горевал:

– Что этому проклятому германцу нужно? Зачем он увел последнюю корову? Даже детей оставил без молока.

Женщины нашей деревни, в том числе моя мать, долго еще потом выходили за околицу, поглядывали в ту сторону, куда ушли грабители, видимо надеясь, что те вдруг опомнятся и вернут коров. Но коровы так и не вернулись. Сарай, куда мы с сестренкой бегали по утрам, чтобы выпить парного молока, опустел.

Однажды утром вся деревня Старые Громыки оказалась в дыму. Его принес ветер из находившегося в тридцати километрах очень большого села Перелевка, которое было полностью сожжено. Та же участь постигла и многие другие села и деревни. Это была месть оккупантов за действия партизан, за неудачи в попытках их уничтожить.

Гнев и ненависть к грабителям и убийцам были настолько сильны, что даже мальчишки, подражая взрослым, объединялись в небольшие группы и уходили в окрестные леса.

Это явление возникало само собой, его не организовывали взрослые. Правда, родные искали детей, а найдя, даже наказывали, но конечно же со скидкой на вполне понятные настроения.

В одной такой группе был и я. Прятались мы во ржи и в кустарниках. Однажды, когда мы находились в середине большого ржаного поля, появился вражеский кавалерийский разъезд. Нас заметили, так как мы все же были ростом несколько выше ржи. Разъезд приостановился. Мы решили, что нам пришел конец, ведь ни у кого из нас не было ни винтовки, ни пистолета, только обыкновенные кухонные ножи, да и то не у всех. От отряда отделился всадник, подъехал к нам и... повернул назад. Он, видимо, информировал офицера о «стратегической» ситуации, и всадники последовали дальше, в соседнее большое село Железники.

Еще до того, как наша местность была захвачена оккупантами, через нее на повозках со скарбом ехало на восток много людей, которые бежали от немцев. Это продолжалось в течение ряда недель. В своем большинстве это были поляки и белорусы, в том числе проживавшие и на той территории, которая входила в состав Польши. По-русски беженцы часто говорили неважно, но население их понимало и относилось к ним хорошо. Иногда беженцы меняли кое-что из своих пожитков на продукты. С отступлением германских войск на запад беженцы стали возвращаться в родные места.

К январю 1919 года Гомельщина была очищена от немецких оккупантов.

В исторической литературе Запада, относящейся к событиям того периода, делается попытка как-то затушевать кровавые преступления кайзеровской солдатни на советской территории. Факты опровергают эту «лакировку» поведения оккупантов. Если по масштабам преступлений они и уступают кому-то, то только гитлеровцам.

Уже тогда в мое сознание глубоко запала мысль, что войны между государствами – великое зло и что германец, напавший на нашу страну, – это враг. Зачем ему наша земля, зачем ему убивать русских? Мы, мальчишки, часто устраивали импровизированные игры, в которых одна часть из нас представляла собой захватчиков, а другая – русских. Наши «стратегии» так организовывали ход «боевых действий», что почти всегда побеждали русские.

Какой же мальчишка тех лет не любил играть в войну? Перед началом всегда происходила одна и та же процедура – участники расхватывали имена полководцев. Делалось это быстро, с криком, наперебой:

- Я – Суворов!
- Я – Потемкин!
- Я – Александр Невский!
- А я – Дмитрий Донской!

Имена тех, с кем сражались эти герои, мы не всегда знали. Но вот кто-то выкрикивал:

- Я – Кутузов!
- Тут сразу же возникал вопрос:
- А кто же будет Наполеоном?

Быть Наполеоном не хотел никто. По рассказам взрослых и из книжек мы знали, что он – захватчик и сжег Москву. Имя Кутузова отвергали по простой причине:

- Наполеона нет. Кутузовым ты не будешь.
- Чингисханом и ханом Батыем тоже никто не хотел быть. Я почему-то выкрикивал:
- Я – Румянцев!

Уж очень хотелось дать отпор туркам. Старался прокричать поскорее, чтобы никто не перекричал меня. Это имя не собирался уступать никому.

Спроси меня тогда, кто такой Румянцев, вряд ли сказал бы что-либо вразумительное. Знал только, что он полководец и воевал с турками.

- И все же я изо всех сил, напрягаясь, чтобы услышали все-все вокруг, кричал:
- А я – Р-Р-Румянцев!

Мне нравился рыкающий пережат начала этого слова, да и вообще все его звучание. Оно напоминало о красоте поспевающих вишен, слив, казалось близким всему тому, что окружало наш дом, – садику, кленам с красноватыми листьями, багряному по осени лесу.

Нелегко было договориться о противнике, о его командирах. Споров рождалось немало. Тем не менее игры происходили.

Наступила осень, начались занятия в школе. Зима – неподходящее время, чтобы играть в войну. А за год ребята изменились, и прошлогодние мечтания детства как-то потускнели, а потом и отпали сами по себе. Весной мы еще пробовали называть друг друга громкими именами полководцев, но прежний энтузиазм уже не появлялся. Мы выросли.

Где вы, суворовы моего детства? Знаю, что в лихую годину все вы взяли в руки настоящее оружие. Почти никто не вернулся в родную деревню с полей Великой Отечественной... Могилы ваши разбросаны и по всей нашей стране, и за ее границами. Только, возможно, кое-где на табличках над теми могилами стоит ваша короткая настоящая фамилия.

Ликование охватило наш край после того, как его в первые годы после революции очистили от немецких войск, а органы советской власти стали крепнуть. Правда, по лесам кое-где еще бродили небольшие банды грабителей. Иногда их называли «зелеными», чаще – никак не называли. В самом деле, некоторые из них, не найдя места в мирной жизни, занимались просто грабежом. А население не всегда было в силах дать отпор – оружия ему не раздавали. Но это явление продолжалось недолго.

Постепенно хозяйственная политика советской власти совершенствовалась, у крестьянства появилась заинтересованность в налаживании и развитии сельскохозяйственного производства. Особым стимулом для этого явилась замена продразверстки продналогом. Ленинская идея о такой замене сработала хорошо.

Вспоминаю один случай. Как-то на сельском сходе выступал докладчик, задачей которого было не только пропагандировать политику новой власти, но и дать людям хотя бы общее представление о том, что такое теория Маркса – Ленина, на которой строится эта политика.

Докладчик старался объяснить в доходчивой форме:

– Маркс, разрабатывая свое учение на основе передовой мысли, критически использовал достижения других ученых, в частности Гегеля. У последнего Маркс взял все хорошее, то есть взял у него рациональное зерно, и ничего другого, неподходящего, не брал.

Оратору казалось, что все было ясно. Закончив доклад, он поинтересовался:

– Есть ли у кого вопросы и все ли понятно?

Один крестьянин, человек разбитной, но не очень грамотный, не слышавший до того даже имени Гегеля, спросил:

– Можно задать вопрос?

Ему это, естественно, разрешили. Однако вместо вопроса у него получилось скорее заявление. Крестьянин сказал:

– Вот вы говорите, что Маркс у Гегеля взял только рациональное зерно, а больше ничего не брал. У нас же на днях забрали решительно все зерно, почти не оставили на посев.

Докладчику пришлось вторично разъяснять разницу в философских воззрениях Маркса и Гегеля. Что же касается высказываний крестьянина, то за ними стояла простая вещь: при продразверстке под излишки иногда подводилось и то, что крестьяне оставляли себе, чтобы прокормиться и засеять поле.

Так было до введения продналога. Позже крестьянин уже знал, чего и сколько он должен сдать государству, а что останется в хозяйстве. У крестьян, таким образом, появилось больше уверенности, что новая власть его интересы уважает. А это не могло не сказаться положительно на производительности сельскохозяйственного труда. В свою очередь

у государства расширились возможности для снабжения продовольствием города, рабочего класса.

«Ночные университеты»

Незаметно – с каждым глотком родного воздуха, под звуки колыбельной песни матери, начиная с раннего детства, а позже под влиянием сказок, преданий, красивых и страшных, народных песен, возникших неизвестно в каких глубинах истории, – формируется духовный и нравственный мир человека.

А влияние истории, фактов из биографии выдающихся деятелей, не щадивших своей жизни при защите родной земли?

А бесценные памятники старины, пусть это будут даже простые руины, над которыми и сегодня ломают головы археологи?

А наскальные надписи, старинные соборы, часовни, скиты, книги и рукописи, даже неразгаданные обломки древних вещей, лежавших в земле века, – вещей, к которым много столетий назад прикасались руки наших далеких предков?

Разве все это при знакомстве с ним не западает в душу младенца, юноши, взрослого человека и не остается на всю жизнь?

Недостаточно в нашей литературе, особенно художественной, используются неисчерпаемые бесценные кладовые истории! А ведь настоящих патриотов и сегодня можно воспитывать, только используя всю гамму средств, воздействующих и на интеллект, и на чувства человека.

И тома истории, и художественная литература, посвященная памятным событиям, и книги, пером талантливых писателей населенные народными героями, будут читателя волновать, будут будить его симпатии и антипатии, будут обогащать его представления о добре и зле, о любви и ненависти, о правде и лжи, будут воспитывать чувство преданности родине – то чувство, с которым миллионы наших людей в жестокую годину войны защищали свой народ, свои поля и леса, свои города и села, свои очаги, построенные руками отцов и дедов.

Чувство патриотизма зарождается буквально с начала жизни. Тут и влечение к дому, где родился и произнес первое слово, тут и привязанность к родным и близким, тут и преданность своему городу, поселку, деревне, которые навсегда остаются в твоей памяти, холмам и рекам, с которыми ты рядом рос. Все это вместе и есть любовь к родине.

Сегодня мы по праву, говоря о патриотизме, употребляем это священное слово вместе со словом «советский». Оно выражает преданность всем ценностям нашего социалистического общества. В этом обществе оно неотделимо от любви к родине, приверженности к свободе, от презрения к эксплуатации человека человеком и к образу жизни того общества, господином которого является капитал.

Закономерно задать вопрос: как же все то, что я в детстве наблюдал, впитывал из окружающего мира, сказалось на моем складе ума, на формировании взглядов на мир, последующих привязанностях? Я бы ответил на него так: все это рождало пылливость, жажду знаний, стремление делать добро для людей, для своей страны. Это чувство было так сильно, что в мечтах я представлял себя часто в составе русской армии, защищающей страну от вражеских нашествий, сражающейся против врагов – монголо-татар, шведов, японцев, германцев.

Местность, где я родился и жил почти до пятнадцати лет, усеяна множеством древних курганов, происхождение которых никто не мог мне объяснить. Даже когда я и мои товарищи поступили в среднюю школу и стали задавать соответствующие вопросы своим учителям, убедительных ответов мы не получали.

Однажды группа подростков решила раскопать один из древних курганов на окраине Старых Громык. Несколько дней мы работали лопатами и частично раскопали курган. Но ничего особенного там не нашли, за исключением небольшого кусочка металла, – возможно, частицы конской сбруи. Однако никто из взрослых не заинтересовался нашей находкой.

В народе ходила молва, что курганы появились либо давным-давно, либо после нашествия поляков в начале XVII века, в период Смутного времени на Руси, либо в самом начале XVIII века, когда через территорию Гомельщины прошли шведские войска, направлявшиеся к месту роковой для них битвы под Полтавой. Бытовала версия и о том, что происхождение курганов относится ко времени наполеоновского нашествия на Россию в 1812 году. Но молва остается молвой. Как в действительности обстоит дело, сегодня историкам и археологам известно больше, чем прежде, но не все.

Загадка курганов послужила своего рода толчком, который усилил у меня интерес к истории страны.

Только те, кто проходил школу ночного, знают, какое значение оно имело для подростков и юношей. Нет, пожалуй, ни одного известного мифа и, добавлю, ни одного забавного анекдота, которые не были бы рассказаны в этом «университете». В ночном – с девяти или десяти часов вечера и до восьми утра – по два-три часа говорили рассказчики, недостатка в которых не было.

Должен сказать, что ночное давало не только какие-то знания, хотя и своеобразного свойства, но и обогащало житейскими сведениями, или, как теперь принято говорить, снабжало информацией молодых людей. Тот, кто испытал удовольствие от ночного, удовольствие в известном смысле, потому что это был труд, и притом нелегкий, – тот сожалеет, что этот «университет» сейчас канул в прошлое. Да, о нем сохранились одни лишь воспоминания. Трактор, комбайн, вообще техника не оставили простора для «ночных университетов».

Читать, читать, читать...

Да, я любил и люблю читать. С детства, когда научился складывать из букв слова, из слов фразы. Прочитанное заставляло думать. Так научился размышлять.

Бывало, спешишь домой из школы, а как только придешь, то сразу книгу в руки и стараешься найти какой-нибудь укромный угол, чтобы никто не мешал. Читаешь и обдумываешь все, что только сейчас узнал. А потом дальше читаешь и снова думаешь над строчками раскрытой страницы.

Книги попадались мне в основном случайные, системы в чтении не было никакой. Читал все подряд. Но подумать по поводу только что узнанного из книги старался.

Как-то при содействии друзей мне попала книга «Живописная астрономия». Том был дореволюционный. В тексте то и дело попадалась буква «ять». На обложке стояли имя и фамилия автора: Камилль Фламмарюнь. Ни за что не поверил бы этот французский астроном, если бы ему сказали, что где-то в деревне средней полосы России школьник штудировал его книгу по астрономии так, будто ему по ней предстоит сдавать экзамен.

Я почему-то на всю жизнь запомнил первый рисунок из той книги и четкую подпись под ним: «Земля наша несется на крыльях Времени, стремясь к неведомой цели...»

Через шестьдесят пять лет в ответ на мой запрос работники из библиотеки имени В.И. Ленина поинтересовались:

– А какое нужно издание книги Фламариона?

Я ответил:

– То, в котором имеется такая подпись под первым рисунком.

И я ее назвал. Они нашли это издание. Память не подвела. Все совпало.

Задавал я себе и такие вопросы: «А что такое люди? Что такое животные, домашние и дикие? Что такое птицы? Откуда это все?»

О Дарвине я тогда еще не слышал. Соответствующая литература пока еще просто под руку не попадалась.

Узнав о книге с интересным названием, готов был идти на дальние расстояния: пусть тридцать, пусть сорок километров лежало до нее – я никогда об этом не жалел. В конце концов возвращался домой с «добычей». Ходил за книгами и в соседние деревни и села, и в центр волости, где находилась, как мне тогда казалось, большущая библиотека. В ней как-то раз и напал я на труд немецкого ученого-естествоиспытателя Вильгельма Бёльше. Называлась книга «Любовь в природе». Подумал: «Вот тут, наверное, о многом можно вычитать. Что это за штука – любовь в природе?»

Опять штудировал книгу. Кое-что уяснил. Но многое осталось и непонятным. Работу автор проделал огромную, создал объемистый труд с подробными описаниями разных природных явлений как в мире растений, так и в мире животных. Поражала стройная система фактов, сгруппированных вокруг определенного феномена, и обилие иллюстраций, особенно относящихся к фауне.

Наряду с атеистической и природоведческой литературой я старался достать и литературу по истории России, о наших предках, а также о жизни и подвигах революционеров, в том числе народников. Меня увлекали рассказы о В. Засулич, С. Халтурине, шлиссельбуржце Н. Морозове, которого я встречал позже в Москве. С восторгом прочел брошюру о побеге из царской тюрьмы Дейча, Стефановича и Бохановского¹.

¹ В 1986 году экземпляр этой брошюры удалось найти только сотрудникам Государственной публичной исторической библиотеки. Вспоминая далекое отрочество, с интересом я читал на обложке: «М.Ф. Фроленко. «Побег Дейча, Стефановича и Бохановского». Москва, 1924 г. Издательство Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев». (Примеч. авт.)

Труднее всего было доставать книги по всеобщей истории. Из тех, которые были доступны, я особенно внимательно читал работу М.Н. Покровского. Объяснялось это, видимо, тем, что мне впервые попала такая солидная книга, хотя, как известно, ее автор защищал по ряду проблем концепции далеко не бесспорные.

Диапазон интересовавших меня тем расширился. Появилось увлечение книгами о путешествиях, географических открытиях. До сих пор помню, как был захвачен рассказами о морских путешествиях Джеймса Кука.

В течение нескольких лет, включая годы обучения в первых классах средней школы, я просто «глотал» книги и еще не мог определить, какой же все-таки должна стать моя будущая специальность. Одно время, например, мои симпатии завоевали геометрия и тригонометрия. Больше всего меня волновал вопрос, как люди догадались о существовании в математике, особенно в указанных областях, строгих законов. Допустим, не очень сложной является математическая закономерность: квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов. Тут даже экспериментально, путем измерений можно доказать правильность этого закона. Но как быть с более сложными вопросами?

Всем этим я так увлекся, что в летние каникулы уходил в лес, чтобы измерять расстояние между деревьями, узнавать высоту дерева, не забираясь на него, применяя и проверяя определенные геометрические и тригонометрические законы. Я знал, что эти законы давно установлены, но как-то не мог удержаться от того, чтобы самому не попробовать проверить их на практике. И это доставляло мне удовлетворение. Все же постепенно интерес к математике охладел, а к гуманитарным наукам возрос, хотя к моим старым знакомым – геометрии и тригонометрии – я еще много раз возвращался, даже в часы отдыха.

Поглощая историческую, художественную и другую литературу, я нередко задумывался над тем, что вот читаешь книги, восхищаешься ими, а ведь их пишут люди! Да, это, должно быть, какие-то особые люди! Они, наверное, уже рождаются на свет с таким талантом, иначе разве научишься писать книги? Размышляю так, а сам начинаю про себя читать наизусть что-нибудь из произведений А.С. Пушкина, или из романа И.А. Гончарова «Обломов», или из «Дворянского гнезда» И.С. Тургенева. Цитировал отдельные страницы, части страниц. Вообще-то заучивание наизусть давалось мне легко, без особых усилий.

Душевный трепет вызывали во мне строки наших классиков. Читал их много, часто по нескольку раз. Бывало, услышу, как кто-то произносит пушкинское: «Я к вам пишу, чего же боле...», и уже жду, будет ли говорить дальше. То же случалось, когда при мне звучали песни на тексты русских поэтов. За сердце хватало меткое и точное слово, музыка стиха, сама песня!

С произведениями Гоголя я познакомился сначала в пересказах старших. Его «Вий» и другие повести из «Вечеров на хуторе близ Диканьки», насыщенные романтикой и лиризмом, даже в устном воспроизведении казались и страшными, и в то же время красивыми. Потом я читал эту книгу и был как замороженный в мире белых хат, веселых чубатых казаков и сварливых шинкарок, тонкого гоголевского юмора. Народность и правдивость поражали настолько, что все страхи отступали на задний план и очень хотелось, чтобы все происшедшее у Гоголя, вся юдоль и озорство – вплоть до полетов его героев на метле и на черте в Петербург, – все-все было истинной правдой.

Через некоторое время я достал Одиссею в переводе В. Жуковского и Илиаду в переводе Н. Гнедича. Знал я В.А. Жуковского как поэта и очень удивился, узнав, что он еще к тому же и переводчик.

Сотканный из далекой были и легенд мир, населенный героями троянской эпопеи, находится на особом счету у человечества. Сколько бы ни спорили историки и археологи о деталях, относящихся к этой эпопее, творения гениального ахейца с течением времени не только не тускнеют, но светят еще ярче, чем прежде. Поражает энциклопедичность автора

Илиады и Одиссеи. Его поэтический дар бросил в наши руки само событие с такой силой красок и блеском граней, что оно и сегодня воспринимается как объемное и четкое.

И вовсе не важно, изображены ли в творениях Гомера события реальные или плоды могучей фантазии поэта, все они обогащают сокровищницу наших знаний о Древнем мире.

То же следует сказать и о самих героях эпопеи – Приаме и Менелее, Ахилле и Гекторе, Агамемноне и Парисе, Одиссее и Пенелопе, Елене и Кассандре, о многих других героях, независимо от того, являются ли они реальными историческими личностями, или их тоже сотворило воображение автора.

А чего стоит одна лишь легенда о «троянском коне»? Сегодня не только художественное слово, но и сама мысль людей была бы беднее, если бы не существовало этого литературного подарка, посланного нам из далекого прошлого.

Илиада и Одиссея остаются бесценным источником знаний о Древнем мире. Из них люди черпают сведения о жизни далеких предков, об их нравственных ценностях, о господствовавших у них понятиях добра и зла, любви и ненависти, чувства долга и коварства, о философии.

Со многими из богатств этой кладовой поэта человечество сроднилось настолько, что в наше время нелегко найти образованного, да и просто культурного человека, который не слышал бы о Гомере и его произведениях. Искусство, особенно живопись и театр, вообще нельзя себе представить вне связи со звонкой поэтической песней – Илиадой и Одиссеей, – прилетевшей к нам через тысячелетия.

Не скажу, чтобы легко читался древнегреческий гекзаметр. И стих, и слог, конечно, были для меня тяжелыми, хотя и переводили эти поэмы выдающиеся поэты-переводчики. Но фабула захватывала. Особенно пленили воображение такие герои, как Ахилл и Гектор. Как-то невольно сравнивал их с теми былинными русскими богатырями, которых уже знал по литературе.

Разве не об отваге и верности долгу говорит нам картина знаменитого французского художника Жака Луи Давида «Прощание Гектора и Андромахи», украшающая Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина в Москве?

И Гектор, и Андромаха знают, что защитник Трои идет на смерть. Так оно и случится: Гектор погибнет в схватке с Ахиллом. Но картина, как и сама Илиада – творение гениального поэта, вызывает не слезы, не страх перед смертью, а чувство уважения к человеку, который проявляет непреклонную волю выполнить патриотическое предназначение до конца. Знаменитая сцена прощания воина с любящей женщиной и в поэме, и в живописи утверждает бессмертие мужества.

Не могу смотреть на эту картину без глубокого волнения. Такое же чувство испытываю и тогда, когда перечитываю в Илиаде сцену, наполненную суровым драматизмом самопожертвования: жены – любовью, мужа – жизнью.

А потом познакомился с «Фаустом» И.В. Гёте. Сознаюсь, поначалу не вызвал он у меня большого интереса. Показался сложным и каким-то вычурным. Для меня было странным, что выведенным в качестве главного персонажа в нем оказался какой-то получеловек-полумиф. Лишь годы спустя и доктор Фауст, и особенно Мефистофель предстали передо мной в ином свете.

Чтение такого рода привело к тому, что однажды я сам себя спросил: «А почему бы мне не завести нечто вроде «альбома» и самому не попробовать писать кое-что? А почему бы не стихи?»

И начал. Вскоре появился добрый десяток собственных стихотворений. Рифмовал их, как мог, старался. Однако и хранил их как величайший секрет. Но все же собственное творчество рассматривал скептически. И наконец скептицизм одолел. Как писал скрытно и секретно, так и сжег все это скрытно и секретно. Действовал так, что никому из домашних

ничего не сказал. Успокаивал себя весьма своеобразно: «Ведь даже Гоголь сжег второй том «Мертвых душ», не понравились они ему. А он был великий писатель, не какой-то там неизвестный мальчуган».

Этот секрет я поведал только данной книге.

Иногда приходила в голову такая мысль: «А нормально ли я себя веду? Почему я иногда очень хочу побыть наедине и поразмышлять, как правило, над какой-либо интересной книгой?»

Постепенно возникшая тяга к раздумьям в одиночестве стала сочетаться с более активными, даже энергичными действиями. Хотелось работать для людей совместно с друзьями – теми, кто мог это сделать по уровню подготовки и был моим сверстником по возрасту. Появились друзья, у которых пробивалось то же стремление к знаниям. Хотя были и такие, которые не очень любили читать и вдумываться в прочитанное, считали, что полученных знаний и навыков в работе достаточно для будущей жизни.

Но все же учение и общественная работа открыли выход для нашей энергии, и юноши стали раскрывать свое «я». Каждый делал это по-своему. Но дня не проходило, чтобы мы не ходили «в народ» – так мы называли тогда выполнение той или иной общественной работы. Сами часто удивлялись: почему это взрослые прислушиваются к нам и даже, кажется, нас уважают?

Такое отношение со стороны старших по возрасту людей придавало нам еще больше энергии.

«Партия жива, с ней и будем жить»

Что касается общего взгляда на мир, на духовную жизнь человека, то до тех пор, пока в мои руки не стала попадать революционная литература, выпущенная после 1917–1918 годов, стройных воззрений в голове не было. Но какие-то их ростки созревали. Например, едет по селам священник Волтовский на подводе. Крестьяне выносят ему кто что может – преимущественно зерно или крупу. Сам он в дома не заходил, соблюдал «достоинство». Наблюдая все это, я задавал себе вопрос: «Если священник проповедует Бога, то и Бог должен помогать ему?» Но ведь не помогает почему-то. Значит, делал я вывод, скорее всего, Бога нет вообще! Взрослые эту болезненную тему в разговорах не затрагивали. Выслушивая вопросы, они, по обыкновению, отмахивались, как от надоедливой мухи.

Могу сказать одно: неосознанный материализм уже засел в головах мальчишек. Вот почему я, в тринадцать лет став комсомольцем, и некоторые мои друзья, тоже комсомольцы, уже выступали с докладами на антирелигиозные темы перед жителями села. Хорошо помню, как некоторые пожилые крестьянки, узнав, что в такой-то избе проходит комсомольское собрание и на нем один из комсомольцев делает доклад о том, будто Бога нет, проходя мимо, крестились.

С удовольствием вспоминаю, что никогда ни отец с матерью, ни другие родные и близкие не упрекали меня за антирелигиозные убеждения, хотя не все разделяли их.

Здесь стоит упомянуть о том, как мы, подростки, решили проявить себя на поприще искусства. После революции появилось немало разных брошюр, в которых публиковались и пьесы. В них отражался дух революционных событий, происходивших в стране после Великого Октября.

Мы набрали на пьесу, в которой в открытой форме сталкивались революционные идеи с идеями контрреволюции, ощущалось бурное время Гражданской войны.

Названия пьесы я уже не помню, но ее содержание засело в сознании. Главными персонажами в ней были «красный командир» и «офицер-белогвардеец». Между ними и происходил на сцене жестокий спор.

А как же быть с актерами?

Подобрали боевого парнишку, отчаянного по характеру, звали его Иван. Ему поручили роль «белого офицера».

Кто должен быть «красным командиром»? Мои друзья в один голос сказали:

– Андрей. Доклады делает, так пусть и сразится с «белым офицером».

Я не отказывался. Это доверие мне импонировало.

Были в пьесе и другие персонажи, но они не занимали видного места.

С жаром мы проводили репетиции. Помещение предоставила школа. В ее зале вполне могло поместиться человек сто – сто пятьдесят.

Костюмов и вообще необходимого театрального реквизита у нас не было никакого. Поэтому на сцену мы вышли в той же обычной одежде, в которой ходили дома. Старались только, чтобы она не оказалась рваной: все же предстояло выступать на сцене! «Белому офицеру» сделали что-то похожее на погоны. Он часто искоса посматривал на них, чтобы проверить, как они выглядят и не свалились ли с плеч. Но главным атрибутом его костюма были новые сапоги, которые он постарался начистить до блеска. Как-никак «офицер»! А у меня, наоборот, сапоги были поношенные, хотя и добротные, «настоящие пролетарские», как мы их называли. Еще и с металлическими подковками на каблуках. Да и всю мою одежду мы старались сделать с виду более скромной, но все же достойной – ведь носил ее «красный командир». На наших поясах висели настоящие кобуры, но пустые, без револьверов.

По ходу пьесы «красный командир» должен был проявлять храбрость, учитывая, что еще неизвестно, как будет вести себя «белый офицер».

Завязался спор. «Белый офицер», разумеется, защищал богатых. О бедных он говорил так:

– Ведь кто-то должен работать? Должен – и все тут! Вот пусть и работают люди на заводах, на фабриках, на полях, строят дороги, гоняют по рекам плоты. А другие люди должны всем руководить, в том числе и теми, кто работает.

В этом и состояла философия «белого офицера» Вовы – так именовался персонаж.

«Красный командир» возражал против того, чтобы всем руководили богатые, эксплуататоры.

– Все люди должны быть равными, – говорил он. – Все должны работать. Для этого и делали революцию рабочие и крестьяне во главе с Лениным.

Такую философию решительно отстаивал «красный командир» Кеша.

Другие персонажи осторожно вмешивались в спор и тоже делились на две группы, причем группа «красных» была более многочисленной.

Положенные слова «актеры» выучить как следует не успели. Посадили в углу под сцену суфлера. Его специально предупредили, чтобы свои обязанности исполнял честно. Но так как он разместился неудобно, то мы часто не могли его расслышать. Поэтому порой импровизировали, подбирая в этих случаях самые крепкие слова, хотя и соблюдали меру, чтобы не вызвать протесты взрослых зрителей. Кстати, среди них находилась и моя мать. Суфлер тоже старался вовсю. Говорил он порой громко, чтобы перекричать артистов, когда они произносили не то, что написано в тексте. А когда до нас доносились четкие слова суфлера, мы все же их повторяли.

Весь спектакль выглядел, конечно, весьма странно.

Но все сошло. Исполнители главных ролей даже не подрались, хотя на сцене в споре часто бывали близки к этому. Когда я пришел домой, то мать сказала:

– Я боялась, что он порвет на тебе новую рубашку.

Одним словом, все были довольны: и актеры, и организаторы спектакля, и публика, которая вела себя на редкость спокойно и, главное, терпеливо. Так происходило, наверно, потому, что она до этого никаких постановок в нашей деревне не видела.

На этом и закончилась моя «артистическая карьера».

Но и сейчас почему-то вспоминаю не только некоторые слова, что произносил я сам, но и то, что сказал, обращаясь к своему «денщику», «белый офицер»:

– Ах, черт возьми, парадокс! А сапоги-то мои вычищены, я тебя спрашиваю?

Услышав реплику, «денщик» побежал чистить запасные сапоги «офицера»... И, оступившись, угодил в «будку» суфлера. Последнему от этого не поздоровилось. Он рассердился и чуть не сбежал. Но в конце концов инцидент был улажен.

Позднее к такому виду общественной работы на селе, как постановка пьесы, мы больше не возвращались. Предпочитали другие, более активные и зрелые формы, разумеется, посильные.

В начале 1923 года комсомольцы избрали меня секретарем сельской комсомольской ячейки. Молодым комсомольским вожакам как воздух нужна была помощь и поддержка старших. Инструкции для ячеек в волости давались, естественно, волостным комитетом комсомола. Эти инструкции касались почти всех сторон жизни села. Комсомольцы должны были служить примером для крестьян, для сельской интеллигенции. Примером! Как много это значило для нас.

С каким энтузиазмом я читал получаемые из волостного комитета комсомола инструкции. Мне казалось, что я общаюсь чуть ли не с самим Карлом Марксом. Читал и вновь перечитывал их, и каждый раз получал огромное удовлетворение. Родные, как могли, содей-

ствовали моей работе в комсомоле. А когда они, как и другие односельчане, увидели, что при выборах в сельский совет комсомольцы добивались избрания тех кандидатов, которых выдвигала их ячейка, тогда к нам уже все взрослые стали относиться совсем по-серьезному.

Все эти события моей юности во многом наложили отпечаток на сознание и на формирование взглядов на жизнь. Разрозненные факты служили материалом для обобщений, учение – вплоть до окончания аспирантуры в 1936 году – обогатило память и в идейном, и в политическом отношении, полностью сформировало мою индивидуальность. В известном смысле благодарен я и сложным условиям материальным. Трудностей приходилось преодолевать немало, и я учился бороться с ними. Так формировался характер.

В юношеском возрасте часто приходилось быть одному в поле или на лугу недалеко от села. День жаркий. Ни души вокруг. Птицы и те попрятались от жары. Вдруг звон церковного колокола. Удары, скорее всего, на благовест. Каждый удар, как гром, рушит тишину. Рой мыслей в голове. Одна тяжелее другой. А вдруг похороны? Кладбища в Старых и Новых Громыках не так далеко. Мысли одна грустнее другой. Вдруг спохватишься, тряхнешь головой, скажешь сам себе:

– А ну-ка, друг, что-то ты размяк! Нельзя ли быть пободрее?

Ловишь себя на том, что сердце зачастило, да и в горле то ли першит, то ли его чем-то сдавливает. Видимо, сказывались какие-то особенности возраста. И тут даешь сам себе обещание: положить конец проявлению слабости. Пройдешься быстро взад-вперед или проскачешь верхом на лошади, пока все опять придет в норму.

Моменты, подобные этому, бывали и у других. О чем-то похожем рассказывали и некоторые мои сверстники.

В художественной литературе разных стран есть немало примеров, когда с проникновенностью описывается душевное состояние молодого человека, очутившегося на лоне природы наедине с самим собой. Есть это у Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева и у многих других художников слова. И не грешат они против истины.

Когда окидываешь взглядом пройденный путь, то приходишь к выводу, что каждый его значительный период имеет не только светлые стороны, но и трудные времена. Это, в частности, относится к периоду моего обучения, начиная с семилетки и до окончания аспирантуры. Конечно, родители делали все, чтобы помочь мне, хотя сами испытывали нужду. Не хватало продуктов. В этих условиях я сам должен был заниматься и физическим трудом, особенно в летнее время.

В январе 1924 года на страну обрушилось горе – умер Ленин. Стояла суровая зима. Мы шли, с трудом пробираясь через огромные сугробы, к школе – там состоялось траурное собрание. Выступали учителя, а мы слушали их и думали, как много этот человек, которого никто из нас никогда не видел, сделал для нас, сидящих в этой школе, за этими столами, на этих лавках, для всех рабочих и крестьян России.

Односельчане только и говорили что о смерти Владимира Ильича. Задавали много вопросов. Главный из них: «Что же теперь будет?»

Обращались и ко мне. Считали, если я комсомольский секретарь в ячейке, то обязан объяснять все.

– Ты – комсомол, – говорили мне. – Расскажи, как же мы жить-то будем без Ленина?

Что я мог им ответить? Я и сам хотел, чтобы мне кто-нибудь это толком рассказал. Но вспомнил все же тогда фразу, которую услышал о Ленине еще в первые дни Великого Октября: «Революцию сделали Ленин и его помощники». И придумал отвечать так:

– Ленин умер, но его помощники – партия – живы. Вот с ней и будем жить.

Большая озабоченность судьбами всей страны чувствовалась у крестьян деревни, но они верили в будущее, в то новое, которое началось при Ленине. Неверию не должно было быть места в нашей жизни!

К тому времени я уже прочитал речь Ленина на III съезде комсомола, всей душой воспринял его призыв «учиться, учиться и учиться». Ленин как будто в душу мне заглянул.

По окончании семилетки и профтехшколы в Гомеле я пошел учиться в техникум. Он находился в городе Борисове, недалеко от Минска.

Дом, в котором мне пришлось там жить, был деревянный, одноэтажный. Но построили его когда-то с определенным архитектурным вкусом. Этот дом был знаменит прежде всего тем, что в нем ночевал Наполеон Бонапарт. Случилось это в то время, когда император вместе с остатками своей разгромленной армии уносил ноги из России. От дома примерно в километре протекает вошедшая в историю река Березина.

Наполеон и его армия решили переправляться через нее у деревни Студенки. Переправа обернулась для них трагедией – пятьдесят тысяч французов нашли свой конец в ледяных водах Березины, о чем позаботились чудо-богатыри Кутузова. Именно здесь войско вторжения под ударами русского солдата перестало существовать. И по сей день на дне реки под толстым слоем ила и песка при поднятии донных пластов грунта находят различные предметы – остатки обозов Великой армии с награбленным российским добром.

Что касается дома, о котором я напомнил, то его все так и называли – «наполеоновский». Причем, именуя его таким образом, обычно вкладывали в это солидную порцию сарказма в адрес императора-банкрота, которого история породила, казалось, только для того, чтобы в назидание потомкам сначала поднять на вершину славы, а потом безжалостно сбросить вниз.

Нынешней молодежи мало что говорит так называемый «Дальтон-план»², но в мои студенческие годы в Борисове и Минске преподавание по методу, который лег в основу этого плана, практиковалось в учебных заведениях – и высших и средних. Заключался он в следующем. Курс разбивался на группы по четыре – шесть человек, и преподаватель, проверяя подготовку студентов, беседовал не с каждым из них, а как бы с группой в целом. Конкретные люди при таком методе фактически обезличивались. Оценка знаний всех иногда определялась по выступлениям тех, кого сама группа специально для этого выделяла. Поэтому случилось так, что те, кто ловчее, отделялись двумя-тремя фразами, которых, разумеется, было недостаточно, чтобы выявить глубину знаний того, кто эти фразы произнес. Я лично, да и большинство студентов и в средних учебных заведениях, и в высших эти педагогические эксперименты не одобряли. И очень хорошо, что скоро с ними было покончено.

В постановлении ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 года указывалось, что «Дальтон-план», или, как его еще тогда называли, «лабораторно-бригадный метод», привел к «извращениям в виде обезлички в учебной работе, к снижению роли педагога и игнорированию во многих случаях индивидуальной учебы каждого учащегося».

Вступил я в партию в 1931 году еще в Борисове. Стать коммунистом мечтал с тех пор, как услышал, что есть такая партия, которая выражает и отстаивает интересы народа, а это было в те годы, когда начал понимать разницу между бедняком и помещиком, между рабочим и капиталистом. Получил я партийный билет незадолго до отчетного собрания. А на нем меня, молодого коммуниста, сразу же избрали секретарем партийной ячейки.

Партийная работа захватила меня. Как и в ранней молодости, когда вступил в комсомол, так и сейчас приходилось работать с людьми, заниматься некоторыми проблемами того времени, находиться постоянно в гуще событий. Только работал уже не с молодежью, а с людьми взрослыми, разбиравшимися в жизни, в политике партии, – коммунистами.

Члены партии в тот период – впрочем, как и во все периоды истории нашего государства – были впереди, на самых важных, самых трудных участках. Мы не только вели

² «Д а л ь т о н – п л а н» – назван по имени городка в штате Массачусетс (США), где было впервые внедрено обучение в школе по новому методу. (Примеч. ред.)

разъяснительную работу, не только агитировали за политику партии. Тогда главной темой была коллективизация сельского хозяйства. Мы первыми шли на субботники и воскресники; когда надо, заготавливали дрова, разгружали вагоны, нас бросали туда, где требовались рабочие руки. С энтузиазмом мы брались за любое дело, на которое нас посылали. И никогда не гнушались никакой работой, не стеснялись ее. Партия, комсомол понимали трудности и поддерживали огонь коммунистической убежденности в молодых сердцах, преданных делу Ленина, делу народа.

Стипендию нам давали небольшую. Несмотря на трудности, я вспоминаю о том периоде с теплотой, хотя бы уже потому, что тогда была построена наша семейная жизнь с Лидией Дмитриевной Гриневиц, студенткой, дочерью белорусских крестьян. Родом она из деревни Каменки, чуть западнее Минска.

Обратил я на нее внимание случайно, а потом уже не думать о ней не мог. А мысли, как, вероятно, часто бывает в таких случаях, понеслись в определенном направлении: «Мне уже перевалило за двадцать. Пора подумать о том, как жить дальше».

Решения в таком возрасте, да еще и по таким вопросам, принимаются иногда с быстротой молнии. Я не был исключением. Быстро с ней познакомился.

Покорили меня красота, скромность, обаяние и еще что-то неуловимое, чему, возможно, нет и названия. Это, как мне кажется, – самое эффективное «оружие» женщины, и от него, наверное, мужчина никогда не научится обороняться. А может, и хорошо, что не научится. Тысячи дарвинов и ученых-психологов не смогут объяснить, откуда у женщины появляются такие качества. Это – тайна самой чародейки-природы.

Мы бродили ночи напролет, а они в конце весны – начале лета уже короткие. Ощущение было такое, будто несло нас, стремглав, куда-то все дальше и дальше на какой-то волшебной колеснице. В ту студенческую пору мы и поженились.

На первых порах, конечно, нам было трудно. Однако через некоторое время мы устроили все свои дела, в том числе и квартирные. К родным ездить приходилось все реже.

Из времен молодости помню некоторые эпизоды. Хотя они сами по себе мелкие, но все же проливают какой-то свет на тогдашнюю обстановку.

Студентам надоедало скудное питание. Они иногда в складчину покупали продукты на базаре, отдавая за это чуть ли не всю свою месячную стипендию, чтобы хоть два-три дня в месяц, но по-настоящему насытиться. Справедливо можно спросить: на что же они жили после этого?

А вот так и жили. Делились друг с другом тем, что иногда присылали родные. По вечерам подрабатывали. Или порой устраивались даже так: один продавал вроде бы «лишнее пальто», другой – вроде бы «лишние ботинки», третий еще что-то придумывал, называя «лишним». И так, помогая друг другу, выходили из положения. Брали верх молодость и энтузиазм.

С тех пор прошло более пятидесяти пяти лет. У нас двое детей: сын Анатолий и дочь Эмилия. К настоящему времени Анатолий стал профессором, доктором исторических наук, членом-корреспондентом Академии наук СССР. Он возглавляет Институт Африки АН СССР. Дочь – кандидат исторических наук, занимается редакторской работой. Так что детьми своими мы с женой довольны. Имеем трех внуков – Игоря, Андрея и Алексея – и двух внучек – Лидию и Анну. У одного из внуков – сын Олег. Моя сестра Евдокия здравствует и проживает в Гомеле со своей дочерью Софьей.

Жестокая коса войны не обошла моих близких. Погибли два родных брата, оба моложе меня, – Алексей и Федор, офицеры Красной армии. Один – в первый период войны, в Прибалтике.

Второй, командир артиллерийской батареи, – при переправе через Березину в районе Бобруйска, когда мощные колонны советских войск преследовали отступавших гитлеров-

цев. На долю третьего брата – Дмитрия выпало немало трудных испытаний. Во время войны он партизанил, позже был в армии. С фронта вернулся с подорванным здоровьем. Перенесенные военные невзгоды дали себя знать – он умер в 1977 году. Были у меня два дяди по линии матери – Федор и Матвей Бекаре-вичи: оба тоже были убиты во время войны. Лидия Дмитриевна очень любила своего единственного брата Аркадия. Он погиб под Москвой в дни ее обороны.

Годы учения в Минске

Период моей учебы после семилетней школы продолжался двенадцать лет: профтехшкола (Гомель), техникум (Борисов), институт (Минск), аспирантура (Минск – Москва). Запомнился он как сплошная напряженная работа. И сводился этот период не только к усвоению знаний, но и к выполнению многочисленных и разнообразных общественных заданий, впоследствии преимущественно по партийной линии.

Тот факт, что стал я уже коммунистом, а в техникуме даже секретарем партийного коллектива, способствовал тому, что командировки по заданиям вышестоящих партийных органов для меня превратились в довольно частое явление. Выезжать приходилось один, а то и два раза в месяц. Задачи ставились разные.

Когда выезжал из Борисова, то получал поручения содействовать коллективизации и укреплению колхозов, усилению партийной работы в новых условиях на селе.

Иногда командировки связывались с выполнением планов заготовок тех или иных продуктов сельского хозяйства. Например, льна, их называли льнозаготовками. В Минске студенты-коммунисты, в том числе и я, также продолжали выполнять эти обязанности так, как того требовали интересы партии и государства.

После того как я окончил два курса института, меня назначили директором средней школы неподалеку от Минска, в Дзержинском районе, где моя жена работала в совхозе зоотехником. В этих условиях я преподавал, вел административную работу в школе и одновременно продолжал учиться в институте, уже экстерном. Однажды ко мне приехал специальный представитель ЦК Компартии Белоруссии. Уведомление у него оказалось весьма неожиданным:

– Вам предлагается поступить в аспирантуру; конечно, если вы согласны.

– Но я же еще не сдал экзамены за оставшийся срок учебы в институте, – возразил я.

– Ничего. Сдадите экстерном и через несколько месяцев сразу же пойдете учиться в аспирантуру, – последовал ответ.

Не сразу я дал согласие, а попросил:

– Дайте отсрочку для размышлений.

Меня беспокоил вопрос о материальных условиях учебы в аспирантуре. На посту директора школы я получал сносный оклад. И опасался, что аспирантская стипендия приведет к ухудшению материального положения семьи, которая у меня к тому времени состояла уже из трех человек: у нас родился сын. Уполномоченный мне объяснял:

– Я не все знаю об условиях предстоящей учебы. Знаю лишь то, что за остающееся время до окончания института вам можно будет сдать соответствующие экзамены, не прекращая работы в школе. Неясные вопросы надо утрясти с Минском.

Я немедленно выехал в Минск. До него было рукой подать: езды всего минут тридцать. Адрес, по которому предстояло обратиться, уполномоченный мне дал.

Как выяснилось, в комиссию на меня уже была послана характеристика не только по учебной, но и по партийной линии. К тому времени мой партийный стаж исчислялся уже почти тремя годами.

Комиссия, которую возглавлял профессор И.М. Борисевич, по отношению ко мне проявила корректность. На заключительной встрече профессор заявил:

– Учитывая ваши показатели в учебной, производственной и общественной работе, комиссия приняла решение предложить вам поступить в аспирантуру, только что созданную в Минске. В аспирантуре вы будете изучать проблемы экономической науки.

Естественно, я задал вопрос:

– А какого рода специалистов будут готовить в аспирантуре?

Последовал ответ:

– Речь идет о подготовке специалистов-экономистов широкого профиля – и практиков, и теоретиков. Известно, что в Москве готовит преподавателей общественных наук для советской высшей школы Институт красной профессуры. И нечто подобное имеется в виду повторить также здесь, в аспирантуре, куда есть намерение вас зачислить.

И далее мне пояснили: необходимо сделать особый упор на те преимущества, которые несет нашему крестьянству советская власть, советская экономика, особенно реконструкция сельского хозяйства, его коллективизация по сравнению с доставшимся в наследство от дореволюционной России единоличным хозяйством. Короче говоря, надо будет с точки зрения экономической показать, что советская власть способна обеспечить несравненно лучшие условия для жизни народа, в том числе для крестьянства, чем прежний, буржуазно-помещичий строй.

Позже из разговоров с товарищами, которые тоже вызывались в комиссию для собеседования, я узнал, что они, в отличие от меня, сразу согласились поступить в эту аспирантуру. А я взял еще несколько дней на обдумывание.

– Надоело жить на стипендию, – так откровенно я и заявил на заседании комиссии.

В ответ меня успокоили:

– Через какое-то время аспирантам, видимо, будет предоставлена стипендия в размере так называемого партмаксимума, а это вполне прилично.

Борисевич сказал:

– Со сдачей экзаменов в институте у вас затруднений не будет. Вас хорошо знают и пойдут навстречу. А аспирантская группа начнет занятия примерно через полгода. Этого срока вам будет вполне достаточно.

В конце разговора профессор добавил:

– Насколько я знаю, вас все равно намечают взять на работу в Минск, если бы вы даже и не дали согласия на поступление в аспирантуру.

Это означало, что со школой и Дзержинским районом мне все равно пришлось бы распрощаться.

Взвесив все за и против, хотя времени на обдумывание было не так уж много, я сказал:

– С предложением согласен.

В итоге меня зачислили в аспирантуру.

Затем последовала поездка в Минск для сдачи экзаменов и решения вопроса с жильем. Экзамены за последний курс института я выдержал на «отлично» и строго по графику, названному комиссией. А после этого состоялось продолжительное собеседование в приемной комиссии аспирантуры. Через него прошли и другие товарищи.

Возглавлял нашу аспирантуру тот же профессор И.М. Борисевич. Его заместителем был профессор Г.Н. Климко, участник Гражданской войны. В боях за власть Советов он потерял руку.

Итак, я вместе с семьей, как мне казалось, основательно осел в Минске. Вначале снимали частную квартиру. Профессор оказался прав насчет партмаксимума: его нам выплачивали, и деньги эти по тем временам считались достаточными для такой семьи, как наша.

Началось серьезное и интенсивное изучение науки. Слово «аспирант», как нас стали именовать, звучало как-то неординарно. Как относиться к своему такому положению, мы и сами пока еще толком не знали. Мы – это семь человек, которые таким образом вошли в круг научных работников.

Центральный комитет Компартии Белоруссии увидел в нас тех, кто должен был трудиться в научно-исследовательской сфере. И мы пошли в Академию наук Белорусской ССР по призыву партии.

Через некоторое время в нашей академии отмечался какой-то юбилей. Сейчас уже и не скажу, с чем его связывали. Помню только, что мы, аспиранты, пришли на встречу с крупными учеными, солидными академиками и членами-корреспондентами. Каково же было наше удивление, когда нас посадили как равных за общий стол. И угощение за ним нам показалось весьма щедрым.

Не помню точно, о чем мы говорили между собой, но так или иначе разговор возвращался к уважительному отношению к аспирантам, впервые появившимся за общим столом, да еще почему-то на почетных местах, – отношению, которое мы ощутили со стороны маститых ученых. И мы для себя решили: нет, не зря Советское государство так хорошо относится к ученым. Видно, что науку уважают, а те, кто в ней работает, очень нужны стране.

Скажу честно, что именно после этой встречи с академиками, когда мы увидели, с каким вниманием относятся к нам эти люди, какой заботой государство окружает ученых, я понял, что идти в науку, если есть у тебя для этого какие-то данные, – значит сделать правильный выбор. Я тогда его сделал.

В первые полтора года учебы почти все внимание уделялось политической экономии, философии и английскому языку. Состав преподавателей у нас оказался довольно сильный.

Ведущим лектором и консультантом по философии был профессор И.С. Вольфсон, знаток марксистской философии, автор учебника по историческому материализму.

Главным нашим руководителем по курсу политической экономии являлся профессор А.И. Ноткин, человек больших способностей и глубоких знаний экономической теории Маркса.

Позже, когда И.В. Сталин стал уделять внимание разработке некоторых теоретических проблем экономики социализма, именно Ноткин обратился к нему с вопросом по этой проблематике. Вопрос А.И. Ноткина и ответ И.В. Сталина публиковались в советской печати. В последнее время Ноткин, уже член-корреспондент Академии наук СССР, работал в Институте экономики в Москве. Я в свое время любил обсуждать с ним вопросы политической экономии. Импонировала его глубокая эрудиция. Скончался он в 1982 году.

Переезд в Москву

В 1934 году произошло событие, повлиявшее на мой дальнейший жизненный путь. Неожиданно для нас, аспирантов, руководство института объявило:

– Ваша группа переводится в Москву в научно-исследовательский институт аналогичного профиля.

Вот так новость! Поразмыслив, все мы – и совместно, и в одиночку – решили, что популярная поговорка: «Назвался груздем – полезай в кузов», пожалуй, к нам применима. Не выражать же протест против решения о переводе.

Итак, мы направлялись в Москву. Все наше семейное домашнее хозяйство уместилось в трех чемоданах.

Жена в поезде задала мне вопрос:

– А ты не заметил ничего необычного в своем пиджаке?

Я удивился. Решил, что он где-то, возможно, порван.

– Нет, – отвечаю, – пока ничего не заметил.

Лидия Дмитриевна рассмеялась и сказала:

– У тебя кармашек сверху не на левой стороне, как у всех мужчин, а на правой.

Посмотрел – действительно, на правой. Лидия Дмитриевна объяснила:

– А я твой костюм перелицевала. Теперь потертой стороны не видно.

Я рассмеялся:

– Спасибо тебе за находчивость. Только очень наблюдательные люди могут заметить сделанное.

– Вот был бы конфуз, – добавила Лидия Дмитриевна, – если бы кто-то спросил у тебя: «Что это у вас за пиджак, у которого карман перебежал на неположенное место?»

– Если бы кто-нибудь спросил об этом, – прокомментировал я, – то мой ответ был бы таким: «А это новая мода пошла на мужские пиджаки».

Не могу забыть того ощущения, которое я испытывал по пути в Москву. Какое-то внутреннее чувство мне подсказывало, что вся дальнейшая жизнь сложится в зависимости от решений, которые будут приниматься уже в главном городе нашего государства. Кем, когда, на каком уровне – это, разумеется, было неизвестно.

Еще до отъезда я никак не мог свыкнуться с мыслью, что все больше отрываюсь от мест, где провел два с лишним десятка лет. Каждый человек связан невидимыми корнями с теми местами, где он родился, и они напоминают о родном и близком всегда. Тешил себя надеждой, что, возможно, еще поброжу по знакомым местам детства и юности.

Но старался отогнать всякие минорные думы. Внутренний голос мне как бы говорил: «Все-таки и тебе, и твоей семье вот-вот доведется очутиться не где-нибудь, а в столице нашей великой страны».

Воображение иной раз уносило меня даже в Кремль. Неужели когда-нибудь я похожу по его знаменитой брусчатке, увижу вблизи, а не на картинке его стены? Неужели я смогу скоро пойти на Красную площадь? Неужели эта мечта станет реальностью?

Затрудняюсь объяснить почему, но когда я думаю о Москве, о ее прошлом – а так обычно бывало с тех пор, как стал осознанно воспринимать действительность, – то мне почему-то в первую очередь приходят в голову факты из истории этого великого города, и самые трагические, и самые радостные. Скорее всего потому, что они глубоко проникли в сознание еще с детских и юношеских лет. Сделало свое дело постоянное чтение, любовь к литературе.

Да, Москва горела. Но жадные степные ханы жестоко поплатились за свои злодеяния в период ига. Поле Куликово вошло в историю навеки.

Звонницы всей России, а с ними сотни колоколов Москвы славили полтавскую победу над шведской армией Карла XII. Гром и блеск той баталии вознес российского солдата на пьедестал почета, а державу поставил в ряд великих.

А разве не в Кремле померкла звезда Наполеона, которая вскоре после его похода на Москву закатилась полностью?

Когда я ехал в столицу, до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз оставалось еще семь лет. Величайший в истории подвиг советскому народу еще предстояло совершить. Еще одиннадцать лет было до того момента, когда военные штандарты армий Третьего рейха были брошены на камни Красной площади во время Парада Победы советского народа над фашистской Германией. На трибунах у стен священного Кремля в тот памятный день находились и представители наших союзников по оружию – официальные гости из США, Англии, Франции и других стран антигитлеровской коалиции.

Итак, мы сошли с поезда. Я и моя семья стали москвичами. Осознали это с гордостью.

Поселили нас в Алексеевском студгородке, на северо-восточной окраине города. Здесь когда-то находился дворец второго из династии Романовых – самодержца Алексея Михайловича. К моменту нашего приезда дворца уже не было и в помине. Осталось только «царское» название – Алексеевский, да и то оно было не от царя, а скорее от села Алексеевское, которое разрослось там, где некогда возвышался царский терем.

Место это находится неподалеку от Останкина, где и по сей день стоит Шереметевский дворец – бывшее владение известного графа, а ныне музей – одна из достопримечательностей столицы. Рядом с ним находится теперь знаменитая Останкинская телебашня и огромное здание нашего всесоюзного телецентра, известного во всем мире.

Позже я узнал, что и Алексеевское, и Шереметево, как и примыкающий к ним район Ростокино, притягивали царские семьи и крупных вельмож отчасти еще и потому, что рядом проходила дорога в Загорск, к Троицкому монастырю (в 1744 г. его стали называть Троице-Сергиевой лаврой), куда монархи и их приближенные ездили на богомолье.

Когда мы приехали в Москву, в Алексеевском студгородке проживало много студентов и аспирантов. Можно смело сказать, что тогда это была молодежная часть города: бывало, выйдешь из дому, и повсюду в этом районе встретишь только юношей и девушек, жизнерадостных, полных оптимизма, что, впрочем, свойственно всем поколениям советских студентов.

Мы переехали в Москву ранней весной – в марте. Познакомились с институтом, который возглавлял профессор М.А. Лурье, видный экономист-теоретик. С жильем устроились быстро. Чувствовалось, что заботу о нас проявлял ЦК партии. В Алексеевском студенческом городке в более или менее сносных условиях я жил до тех пор, пока не получил от Академии наук СССР вполне приличную квартиру в новом доме на улице Чкалова.

Моим соседом по квартире был молодой ученый-вирусолог Михаил Петрович Чумаков. Ныне это ученый с мировым именем. Он внес неоценимый вклад в победу над таким тяжелым недугом, как полиомиелит. Сколько жизней, и прежде всего детских, спасла разработанная им совместно с А.А. Смородинцевым противополиомиелитная вакцина, которая оказалась наиболее удачной из всех созданных в мире.

В тридцатых годах этот ученый занимался изучением проблемы борьбы с другой болезнью – энцефалитом. Рискуя здоровьем и даже жизнью, он работал на Дальнем Востоке в составе экспедиции вирусологов, в задачу которой входило выяснить, отчего и как люди заболевают энцефалитом. В тех краях во время поездки Чумаков сам стал жертвой этой болезни, в результате которой у него серьезно пострадал слух и оказалась парализованной рука.

Однако это не сломило ученого. Яркое подтверждение тому – вся его дальнейшая деятельность.

14 ноября 1984 года, в день, когда лауреату Ленинской и Государственной премий, действительному члену Академии медицинских наук СССР М.П. Чумакову исполнилось семьдесят пять лет, ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда за большие заслуги в развитии медицинской науки, народного здравоохранения и подготовке научных кадров. Я от всей души поздравил моего давнего знакомого, бывшего соседа по квартире, и с радостью получил от него теплый ответ.

Мои занятия в аспирантуре в Москве мало чем отличались от занятий в Минске. Разве что было еще больше командировок по поручению партийных органов, хотя и во время пребывания в Борисове и Минске таких командировок хватало. Цели командировок и теперь были различными: связанными с раскулачиванием в период коллективизации, укреплением колхозов и разъяснением колхозникам политики партии, международной обстановки. Читал я лекции на разные темы в Малоярославце, Наро-Фоминске, Орехово-Зуеве, других городах Подмосковья. Много приходилось выступать и перед тружениками деревни.

Правда, к беседам в районных комитетах партии и лекциям в различных коллективах прибавились задания, направленные на ликвидацию неграмотности, контроль за положением дел на месте. Надо было выяснять, например, понятен ли колхозникам устав колхозов, нет ли у них какой-нибудь путаницы в этом вопросе. Было немало выездов и с лекциями по теоретическим вопросам, например по книге В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и по другому его труду – «Развитие капитализма в России».

Помню такой случай. Во время одной из командировок, когда надо было устраиваться на ночлег, председатель местного сельсовета предложил мне:

– Можете ночевать в домике, где проживает многодетная семья и, возможно, будут из-за этого некоторые неудобства, либо размещайтесь в амбаре на сене, где и раньше останавливались командированные.

– Предпочитаю второй вариант, – сказал я в ответ.

Сразу вспомнилось, что прежде, когда водил лошадей в ночное, мне доводилось ночевать в похожих условиях и спать на сене.

Председатель повел меня на место ночевки. Уже во дворе, куда мы пришли, он как бы между прочим заметил:

– Неподалеку, тоже в амбаре, враги советской власти убили недавно одного командированного к нам.

Вот тебе и на! Это брошенное вскользь замечание, конечно, меня не вдохновило. Не скажу, чтобы спал крепко, но переночевал я без приключений.

В целом все мои командировки заканчивались благополучно и с пользой, как мне говорили в партийных организациях.

Примерно в то же время я решил без отрыва от научной работы поступить в летную школу. Небо стало мечтой многих моих сверстников. В тот период в Советском Союзе существовал своеобразный культ авиации, развивавшейся семимильными шагами. Самолеты уже летали над Арктикой, осваивали ее. Меня, однако, ожидало разочарование. Начальник летной школы встретил меня так:

– Как ваши имя и фамилия?

– Андрей Громыко.

– Какая у вас просьба? Пожалуйста, изложите.

– Хочу стать курсантом вашей школы, хочу летать. Прошу принять заявление.

– Сколько вам лет?

– Двадцать пять.

– Уже исполнилось?

– Да.

– Мы принимаем до двадцати пяти. А вам уже пошел двадцать шестой. К сожалению, принять не можем. Искренне сожалеем. Такова строгая инструкция.

Оказалось, опоздал я со своим желанием научиться летать. Сильно переживал эту прерванность судьбы. Очень уж хотелось летать. Но стать летчиками тогда стремились многие молодые люди, и руководители летных школ имели большие возможности для выбора. Пришлось смириться с положением и сказать себе: «Прощай, авиация. Видимо, мне с тобой не по пути».

Слушая старых большевиков

На всю жизнь врезались в мою память встречи в Москве с некоторыми выдающимися революционерами во Всесоюзном обществе старых большевиков. Оно было создано еще при жизни В.И. Ленина, а организационно оформилось в начале тридцатых годов. Образование этого общества стало следствием естественной тяги старых большевиков общаться между собой, поговорить о прошлом и кое о чем в настоящем.

Принимались в общество коммунисты с партийным стажем не менее восемнадцати лет. К январю 1934 года оно объединяло свыше двух тысяч человек. Целью общества, согласно уставу, утвержденному в 1931 году, являлось использование революционного опыта старых большевиков в помощь партии для воспитания молодежи, сбор историко-революционных материалов.

И мне, и моим товарищам по аспирантуре были хорошо известны имена старых членов партии, близких к Ленину, его единомышленников. В то время эти люди по возрасту или здоровью уже отошли от активной работы. Среди них находились прославленные революционеры, некоторые из них выросли из народнического движения и представляли собой как бы мост от народников к партии большевиков, программу и цели борьбы которой они разделяли и принимали.

Члены общества собирались нечасто, если судить по количеству их собраний, на которых мы, молодые люди, тоже имели возможность присутствовать по пригласительным билетам. Конечно же кроме таких собраний они общались друг с другом и в более узком кругу, хотя условия для этого были тогда далеко не идеальные.

Клуб Общества старых большевиков находился на 1-й Мещанской улице (ныне проспект Мира). С волнением каждый раз мы входили в зал, где проводились собрания. И это объяснялось очень просто. Молодое поколение, приобщившееся к образованию, с упоением читало издававшиеся брошюры, а то и солидные книги о старых революционерах ленинского поколения, их борьбе против царизма, во имя дела революции. Мы буквально зачитывались книгами, пронизанными духом романтики подпольной работы и мужества людей, которые ее вели. Огонь революционной борьбы, зажженный Лениным и руководимой им партией, захватывал воображение молодежи. Она хотела знать, как все происходило, как складывались судьбы людей, посвятивших жизнь борьбе за свободу народа.

Вот одно из собраний. В его президиуме – люди, о которых уже давно слагались легенды, на примерах их героических жизней многие годы воспитывалась молодежь.

Одним из первых появился Николай Александрович Морозов, отважный революционер, в прошлом член тайного революционного общества «Земля и воля», а затем исполкома «Народной воли». Он в молодости встречался с самим Карлом Марксом. У них состоялась продолжительная беседа. Маркс дорожил контактами с передовыми людьми России. Но так и не сумел тогда юный Морозов воспринять марксизм. Он стал народовольцем. В 1882 году царизм его приговорил к вечной каторге за участие в покушениях на Александра II. Морозову тогда исполнилось двадцать восемь лет, а потом без малого четверть века провел он в заточении в камерах-одиночках Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей.

После многолетнего пребывания в каменных мешках Петропавловки и Шлиссельбурга ему разрешили вдохнуть воздух свободы. Казематы крепостей не сломили его волю, и он, как настоящий борец за идеалы народа, снова включился в революционную борьбу. Царские сатрапы вновь заточили его, на этот раз в стены Двинской крепости, из «объятий» которой освободила его уже только революция.

Здоровье его оказалось подорванным. Но он всецело отдался научной работе, и с успехом. О многогранности талантов Николая Александровича Морозова красноречиво говорит

и то, что он почти всю жизнь занимался наукой. Физика, химия, астрономия, математика и история – это области, в которых он сказал свое слово.

Через некоторое время Академия наук СССР избрала его своим почетным членом. А астрономы в знак признания заслуг большого ученого одну из звезд назвали его именем.

В годы моей молодости он помимо большой научной работы осуществлял деятельность и в Обществе старых большевиков, где я и видел его.

Кажется, сама природа способствовала тому, чтобы сделать этого человека более заметным, чем остальные. Уже внешний вид Морозова внушал к нему уважение. Его украшали почти белая шевелюра и седая роскошная борода. Горячо встретили его и остальных членов президиума участники собрания.

Морозов вел себя живо, активно общался с соседями за столом президиума. Все мы обратили внимание на свежий, даже с признаками румянца цвет его лица. Но в то же время кожа казалась тонкой, как бы просвечивала. Сидел я близко к сцене и видел всех находившихся в президиуме очень хорошо. Впечатление соседей, с которыми я обменивался своими наблюдениями, совпало с моим.

Мы ждали его выступления, однако Морозов на этом собрании не выступал.

Слово предоставили Бела Куну, выдающемуся деятелю венгерского и международного коммунистического движения, одному из основателей и руководителей Коммунистической партии Венгрии, наркому иностранных дел и наркому военных дел Венгерской советской республики в 1919 году. После того как буржуазии и помещикам удалось подавить революцию в Венгрии, он, спасаясь от верной гибели, эмигрировал в 1920 году в Советскую Россию.

Говорил Кун хорошо, убедительно. Хотя он пользовался услугами переводчика, по ходу его выступления стало понятно, что русский язык он, вероятно, основательно изучил. Воспоминания его относились ко времени существования Венгерской советской республики.

Главная мысль, которая проходила через все выступление Куна, состояла в том, что буржуазия и помещики являются заклятыми врагами рабочих. Одолеть этих врагов можно только при хорошей организации рабочего класса, во главе которого должна стоять его партия. Оратор выразил уверенность в том, что трудовой народ Венгрии завоюет свободу.

– Вдохновляющим примером для меня, – говорил Кун, – является Страна Советов и партия Ленина.

О Сталине он хотя и упомянул, но вскользь. Кун производил впечатление боевого революционера, хорошо знающего положение у себя на родине. Он свободно оперировал фактами, говорил экспромтом. Ход мыслей и манера высказывать их не оставляли сомнений в том, что Кун весьма образованный, с сильным характером человек. Таким он и запечатлелся в моей памяти.

На этом собрании выступил Вильгельм Георгиевич Кнорин. Латыш по национальности, профессиональный революционер по призванию, участник революционного движения в России с 1905 года, он работал в то время в Исполкоме Коминтерна. Его выступление посвящалось в основном международной обстановке. Упор при этом делался на задачи, стоящие перед коммунистическими партиями. Кнорин говорил:

– Приход к власти фашизма в Германии сильно осложнил положение в Европе, внес еще большую остроту в международную обстановку. Но коммунисты, если они будут учитывать прошлое и избегать новых ошибок, могут рассчитывать на успех.

Кнорин, говоря о Германии, старался не делать каких-либо прогнозов. Все присутствовавшие в зале на это обратили внимание. В общем, его выступление прозвучало как взвешенное и свободное от легковесных, недостаточно обоснованных предположений о будущем в Европе и мире в целом. Даже там, где другой, может быть, и сказал бы кое-что о военных планах Гитлера, Кнорин говорил сдержанно. И это в какой-то степени объяснимо, так как еще не все планы подготовки агрессии пришедшими к власти фашистами были тогда

ясны. В книгах, брошюрах бесноватого фюрера захватнические устремления фашизма излагались, но до их осуществления в практической политике гитлеровской Германии дело еще не дошло. Однако уже в скором времени весь мир содрогнулся, когда увидел, как фашистское чудовище подкралось к соседним странам и совершило агрессию.

Личность Кнорина представлялась внушительной. Как опытный оратор, он формулировал мысли четко. Мне он напоминал выдавшего виды профессора. Нетрудно было заметить, что это человек большой культуры, остроумный, в карман за словом он не полезет. Его отличала способность полемизировать с оппонентом, что придавало особую живость речи.

Нас, членов партии, вступивших в ее ряды всего лишь за несколько лет до этого, как магнитом тянуло на встречи с профессиональными революционерами. На одном из собраний в Обществе старых большевиков выступал Емельян Михайлович Ярославский, активный участник революции 1905–1907 годов и Октябрьской революции. Разве могло оставить равнодушным обращение к молодежи этого человека – старосты Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, а с 1931 года – председателя Всесоюзного общества старых большевиков?! Его выступление посвящалось идеологическому воспитанию коммунистов, особенно молодых.

Сидел в президиуме также старый большевик Мартын Николаевич Лядов, член партии с 1893 года, участник баррикадных боев в Москве в 1905 году. При первом же взгляде на него невольно возникало и уже не покидало ощущение того, что перед тобой рабочий, который только что оторвался от станка и пришел, чтобы поприветствовать собравшихся. В его фигуре, в манере держаться чувствовалась какая-то истинно рабочая хватка.

Почти все, кто выступал на собрании, отмечали значение разгрома партией троцкистской оппозиции. Воспринималось это как должное, ибо враждебная партии и социализму природа троцкизма была к тому времени уже достаточно вскрыта.

На собраниях в клубе опоздавший никогда не мог найти свободного места. Гости, попадавшие сюда, стояли вдоль стен, битком набивались в проходах. Многие шли в этот зал встретиться с самой историей, и ораторы это знали.

В 1935 году Общество старых большевиков прекратило свое существование, а его клуб закрыли. Произошло это в обстановке складывавшегося культа личности Сталина, что и является понятным тому объяснением. А тот факт, что имена некоторых участников клуба перестали появляться в печати, внес еще большую ясность на этот счет.

В стенах Академии наук

После окончания аспирантуры, на которую ушло четыре года, включая написание кандидатской диссертации, и после защиты этой диссертации в 1936 году я был направлен на работу в Институт экономики Академии наук СССР в качестве старшего научного сотрудника. В то время возглавлял институт академик М.А. Савельев, старый большевик, соратник В.И. Ленина.

Тогда я считал, что положение мое как научного работника определится всерьез и надолго. По совместительству начал преподавать политэкономии в Московском институте инженеров коммунального строительства. Между прочим, в число студентов группы, с которой я работал, входили и лица, занявшие впоследствии видное положение в стране. Был студентом, например, Иван Васильевич Капитонов. Студенты в те годы нередко по возрасту почти не отличались от преподавателей, отчего последние – во всяком случае, это относится ко мне – чувствовали себя иногда несколько неловко. Хотелось выглядеть постарше.

Кроме того, на протяжении всего времени работы в Институте экономики у меня было постоянное партийное поручение – руководить в сети партийно-политического просвещения кружком научно-технических работников на одном из крупных предприятий Москвы. Это было моей общественной работой.

Занятия, как для меня, так и для слушателей этого кружка, проводились в нерабочее время. Всего на них собиралось человек тридцать. Темы занятий касались как внутренней, так и внешней политики нашей страны. Как выяснилось впоследствии, комиссия ЦК партии, которая подбирала кандидатов для использования на дипломатической службе, учла и эту страницу в моей биографии.

С конца 1938 года мне пришлось некоторое время исполнять обязанности ученого секретаря в Институте экономики. И вот однажды вызывает меня к себе тогдашний президент Академии наук СССР Владимир Леонтьевич Комаров. Я был озадачен. Пришел к этому выдающемуся ученому, а он мне заявил:

– Хотим назначить вас ученым секретарем Дальневосточного филиала Академии наук.

Не скажу, чтобы я встретил с энтузиазмом это предложение. Полагал, что на такую крупную работу нужен маститый ученый. И своего мнения не скрывал:

– Я ведь молодой научный работник. А на том посту, который мне предлагается, видимо, нужен по меньшей мере доктор наук.

Говорил так, а про себя думал: «Если бы президент академии был психологом, а не ботаником, он, наверное, одержал бы верх надо мной, и я поехал бы во Владивосток». Но мои доводы показались убедительными.

Как бы то ни было, президент, учитывая мое мнение, согласился оставить все, как было, хотя и сказал на всякий случай:

– Но вы все-таки подумайте.

Однако поработать тогда долго на ниве науки мне не удалось. Позже, находясь уже в Вашингтоне на посту посла Советского Союза, я начал, а затем, будучи послом в Лондоне, закончил и в 1957 году опубликовал книгу «Экспорт американского капитала» (под псевдонимом Г. Андреев), за которую ученый совет Московского государственного университета присвоил мне ученую степень доктора экономических наук. Некоторое время спустя мною была написана и в 1961 году опубликована монография «Экспансия доллара» (под тем же псевдонимом).

Делу разработки темы, которой посвящены две указанные книги, я сохранил верность и позже. В конце 1982 года вышла в свет новая монография – «Внешняя экспансия капитала:

история и современность»³. Исследовательская работа на этом важном направлении экономической науки в значительной степени помогала и моей практической деятельности.

³ За книгу «Внешняя экспансия капитала: история и современность» А.А. Громько в 1984 году была присуждена Государственная премия СССР. *(Примеч. ред.)*

Пашуканис против Вышинского

Когда я в начале тридцатых годов приехал в Москву, то не только в Академии наук СССР, но и в других кругах столичной интеллигенции много толковали об отношениях между Пашуканисом и Вышинским. Да и в целом информация об их серьезных столкновениях в области понимания права находила широкое распространение.

Кем же был Пашуканис?

Правовед Евгений Брониславович Пашуканис в двадцатых и тридцатых годах пользовался большим авторитетом в среде ученых-юристов. Его имя было известно также практическим работникам прокуратуры и суда.

Член партии с 1918 года, он стал заместителем наркома юстиции СССР в 1936 году. В своих трудах по общей теории права он блистал отточенной юридической мыслью, фундаментальностью аргументации. Немногие специалисты могли сравниться с ним по познаниям в этой области. То же можно сказать и о его заслугах в сфере государственного и международного права. Ни один профессор или преподаватель юридических дисциплин в высших учебных заведениях не мог выступать перед студентами, не ознакомившись с работами Пашуканиса. Его труды в то время считались последним словом юридической науки и по существу являлись учебниками.

Когда в 1936 году я оказался в стенах Академии наук СССР, то, не являясь специалистом в области юриспруденции, часто встречал правоведов, которые хорошо знали Пашуканиса и давали ему самую высокую оценку как ученому-юристу. Знал я его и лично.

На протяжении ряда лет между ним и прокурором СССР А.Я. Вышинским существовала самая настоящая вражда. Я редко встречал людей, которые высказывались бы одобрительно о взглядах Вышинского. Зато труды Пашуканиса оценивались высоко.

Надо учесть, что все это происходило во время поляризации мнений в науках, имевших отношение к праву. Все больше давал о себе знать культ личности Сталина.

После одной из лекций Пашуканиса ему задали вопрос:

– Как вы оцениваете кредо Вышинского: признание – царица доказательства вины?

Пашуканис ответил:

– К истине иногда ведет долгий путь, даже тогда, когда обвиняемый, кажется, сложил оружие и ему нечего больше привести в доказательство своей правоты.

Такой ответ, конечно, не представлял собой категоричное осуждение позиции Вышинского, но ведь надо учесть, что тогда было за время. В судебных процессах меч карал не тех, кто совершал преступления в угоду культу личности, а тех, кто искал справедливости.

С той кафедры ответ Пашуканиса прозвучал все же как вызов организаторам необоснованных репрессий.

Перед учеными-правоведами встал вопрос, с кем они.

Пашуканис не покривил душой. Свою принципиальность, научную добросовестность он не стал приносить в жертву антинаучной преступной концепции, которой присягнул Вышинский. Жестоко за это поплатился честный ученый Евгений Брониславович Пашуканис – своей жизнью.

Позже я узнал, что труды Пашуканиса высоко оценивались и за рубежом. Специфика тогдашней советской действительности не помешала ученым других стран увидеть в работах Пашуканиса много ценного для мировой юридической науки, особенно по общей теории права, а также по истории права и политических учений.

Глава 2

Перед военной грозой

Тридцатые годы... Это был сложный период жизни Советской страны, народ которой строил социализм. Грандиозная мирная работа по созданию в СССР нового общества протекала, особенно во второй половине десятилетия, в напряженной международной атмосфере. В воздухе уже отчетливо пахло порохом. По всему чувствовалось, что на страну надвигались тяжелые свинцовые тучи войны. Не хотелось верить! Но дело обстояло именно так, и советские люди это понимали.

Тучи сгущаются

Один за другим народы, многие страны становились жертвами агрессии гитлеровской Германии, фашистской Италии и милитаристской Японии, вставших на путь развязывания Второй мировой войны. С учетом такого положения Англия, Франция и США проводили политику «умиротворения» этих государств, всячески пытаясь отвести от себя острие агрессии и направить его против СССР. Все это сейчас хорошо известно. Никто этих мрачных и тревожных страниц из книги истории изъять не может.

Такая политика, венцом которой явился состоявшийся в сентябре 1938 года мюнхенский сговор правящих кругов Англии и Франции с германским фашизмом, не только послужила поощрением агрессоров на новые авантюры, но и обернулась прежде всего против тех, кто потворствовал им. Не прошло и года со времени сделки в Мюнхене, как пожар мировой войны перекинулся и на обе эти страны – Англия и Франция оказались ее участниками. На глазах всего мира развалилась созданная определенными кругами стран Запада концепция, согласно которой агрессия фашизма может оставить страны Запада в стороне.

Что касается Советского Союза, то он на протяжении тридцатых годов настойчиво боролся за создание системы коллективной безопасности в Европе, использовал свой вес и влияние для обуздания агрессоров и предотвращения катастрофы. Однако, чтобы добиться этого, одних его усилий было недостаточно. Англия и Франция отвергли соответствующие советские предложения и не проявляли желания оказать совместно с нашей страной отпор фашистским агрессорам.

Становилось все более очевидным, что народы, прежде всего европейские, находятся на пороге мировой трагедии. В складывавшейся международной обстановке СССР всемерно добивался того, чтобы по крайней мере отсрочить начало войны, выиграть время для подготовки к отражению гитлеровской агрессии.

Необходимость решения стоявших перед нашим государством сложнейших задач предъявляла особые требования и к советской дипломатии. Она должна была использовать для этого все имевшиеся в ее распоряжении возможности и средства. Борьба за сохранение мира, которую вел в то время Советский Союз на внешнеполитическом фронте, является фактом, признанным историей.

Мой обет

И по возрасту, и по подготовке я тогда мог только жадно впитывать информацию о мировых событиях в той мере, в которой она была доступна. Шагая в ногу со своим поколением, приобщался к работе, которая выпала на долю молодого человека. Каждый раз, когда я по дороге жизни оглядывался, видел, что иду вроде правильно. Проходили соревнования на получение звания «Ворошиловский стрелок». Мне это подходит, решил. И получил его. На значок «Готов к труду и обороне» тоже сдавал нормы. И получил его. Стали обычными выезды в командировки в районы. При этом я всегда точно выполнял поручения.

В те дни беседы на заводах и фабриках о тревожной международной обстановке стали частым явлением. Я отчетливо почувствовал, что знания, полученные мною в ходе изучения трудов Маркса, Энгельса, Ленина, открыли глаза на многое, что происходит в мире. И тогда по-настоящему понял, что изучение трудов основоположников марксизма-ленинизма, в том числе настойчивое преодоление трудностей в понимании отдельных положений в этих трудах, принесло мне большую пользу.

В этой связи уместно привести дополнительно некоторые факты из моей молодости. Тягу к чтению трудов Ленина я почувствовал еще в юношеском возрасте. Читал вначале брошюры, которые были более доступны. Постоянно поражался глубине взглядов вождя революции. Но попадались незнакомые слова и понятия. Я сознавал, что не хватает образования. Техникум, институт и аспирантура были еще впереди.

И вот тогда я дал себе обет: «Если что неясно, читай, перечитай, думай над прочитанным, ищи, узнавай, спрашивай у тех, кто знает, делай так до тех пор, пока все не станет ясным».

Этому обету обращения к Ленину, его настойчивого изучения и остался верен всю жизнь.

Часто с юношами-комсомольцами мы обменивались мнениями. Спорили, как лучше изучать труды Ленина, спорили и по существу вопросов. В дискуссии родилось решение: «Надо как-то добыть полное собрание его сочинений. Чего мы стоим, если не можем достать эти труды?»

Однако, несмотря на все наши старания, раздобыть их сразу не удалось. А вот в районной библиотеке они вскоре появились. Мы могли ими пользоваться, получая отдельные тома на дом.

Встал вопрос: «С чего же начинать изучение работ Ленина?»

Тут мы действовали по принципу кто во что горазд. Каждый считал, что он прав.

А я остановился на том, что Ленина следует изучать начиная с первого тома. Мне тогда казалось, что такой метод является оправданным. «Ведь начинать надо обязательно с начала», – думал я.

Так стал штудировать ленинский труд «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Уяснил из него достаточно твердо, что рабочие беспощадно эксплуатируются капиталистами, которые их бессовестно облагают различными штрафами и поборами.

Долго сидел над первым томом, а затем и над вторым томом собрания сочинений В.И. Ленина. Увидел меня как-то за этим занятием опытный преподаватель.

– Что делаешь, Андрей? – спросил он.

– Ленина хочу знать. Изучаю его произведения, – ответил я.

– А как ты их изучаешь?

– Да вот, читаю с первого тома все подряд. Сейчас уже начал второй.

Тогда он подал такую мысль:

– Ленина лучше изучать не просто том за томом, начиная с первого, а выделяя отдельные труды, познание которых помогает пониманию и других его произведений, и наследия Владимира Ильича в целом.

Совет оказался ценным. Да и проникновение в идеи Ленина пошло как-то лучше. Я старался находить время после выполнения уроков, чтобы проштудировать такие работы, как «Государство и революция», «О кооперации», и ряд других. Мне казалось, что после чтения и перечитывания каждого ленинского труда я рос не только духовно, но как бы и физически. Вместе с тем повышалось сознание того, что хоть и стал я шире смотреть на проблемы, глубже в них вникать, но мои знания пока еще крупница по сравнению с тем, что содержит учение Ленина.

Постепенно я чувствовал еще большее стремление к познанию общественных наук. Присягнул на верность гуманитарным наукам после того, как несколько позже прочел «Анти-Дюринг» Фридриха Энгельса. Мне и раньше было известно, что существует такой труд друга Маркса. Но я считал, что все же, видимо, надо повзрослеть, чтобы эту книгу понять. Лишь когда мне пошел шестнадцатый год, я решил прочитать «Анти-Дюринг». И не просто прочитать, а изучить этот труд. Чего бы это ни стоило! А подстегивало меня то обстоятельство, что я стал уже руководить серьезными молодежными политкружками. Да к тому же меня избрали секретарем комсомольского коллектива.

Начав читать «Анти-Дюринг», я не мог остановиться. Как же удивился, когда нашел эту книгу менее трудной для понимания, чем предполагал!

Книга поражала ясностью изложения марксистской философии. Именно этому посвящен первый раздел труда. Понятен был и второй раздел, разъяснявший проблемы политической экономии. И еще более ясным показалось мне изложение марксистского учения о социализме в третьем разделе. Когда я прочитал книгу до конца, то задумался: «А не слишком ли я высокого мнения о себе по поводу того, что так быстро все усвоил?» И стал медленно, составляя краткий конспект наиболее ярких мест в книге, более основательно штудировать ее.

Наверное, именно тогда и оформилось мое желание всерьез заняться политической экономией. Она притягивала меня своей математической строгостью в суждениях, глубиной анализа, касающегося соответствующих фактов и явлений в условиях капитализма. Меня подкупала стройность понятий, аргументов, примеров, выводов.

Позже, проходя курс института и аспирантуры, я с захватывающим интересом изучал труды Ленина, Маркса и Энгельса, в которых анализировались вопросы политической экономии. Особенно основательно продвинулся в аспирантуре, где этой науке отводилось первое место.

Впервые я услышал, что есть такая книга – «Капитал» Карла Маркса, – вскоре после вступления в комсомол. По тому, как о ней говорили старшие и писали газеты, понял, что это – главный труд Маркса. Я решил во что бы то ни стало достать его. Несколько месяцев ушло, прежде чем я его приобрел.

Сначала познакомился с книгой в городской библиотеке Гомеля. Затем удалось ее купить, как позже и тома сочинений Ленина. Понял, что книга трудная и многое в ней мне непонятно. Сложные места отмечал. Надеялся, что в будущем, «когда стану умнее», смогу в них разобраться.

Немало было размышлений во время чтения «Капитала».

Эта книга сопровождала меня как драгоценная реликвия в течение тридцати лет. Но затем погибла вместе с вещами нашей семьи во время пожара на пароходе «Победа» в Черном море, когда мы переправляли их из США на Родину.

Сильное впечатление на меня еще в юношеском возрасте произвело знакомство с некоторыми трудами Г.В. Плеханова, особенно с его книгой «К вопросу о развитии монистиче-

ского взгляда на историю». Я считаю, что это произведение ничуть не утратило своего значения и сейчас. Глубина мысли в нем так сочетается с ясностью и живостью изложения сути учения Маркса, что без восхищения читать эту книгу невозможно.

Было бы, наверное, нескромно сказать, что полученных мной теоретических знаний оказалось вполне достаточно и все было абсолютно ясно. Нет того строго определенного уровня, который, как и на каждой работе, отделяет достаточное от недостаточного. Всегда требовалось продолжать работу над собой, и всегда я это ощущал. Но одно можно сказать уверенно: приобретенные ранее знания были необходимы и являлись основой для того, чтобы быть затем полезным обществу.

Марксизм-ленинизм – вот та наука, которой должен руководствоваться советский человек. Это касается как внутренней жизни во всей ее многогранности, так и внешних дел. Глубина знаний может быть разной, но суть, душу этого учения должен понимать каждый.

Назначение в Наркоминдел

В начале 1939 года меня пригласили в комиссию ЦК партии, подбиравшую из числа коммунистов новых работников, которые могли бы быть направлены на внешнеполитическую, дипломатическую работу. Эта комиссия заседала на Кузнецком Мосту в здании Наркомата иностранных дел. Вместе со мной были вызваны в тот день и другие кандидаты. Все мы, явившись на Кузнецкий Мост, ожидали, куда повернет нашу судьбу фортуна. Вызывали приглашенных поочередно.

Вошел и предстал перед членами комиссии. В ее составе сразу узнал В.М. Молотова и Г.М. Маленкова. Мне сказали:

– Речь идет о возможности вашего перевода на работу внешнеполитического характера, скорее всего дипломатическую.

Трудно сейчас точно определить, что заставило членов комиссии остановить свой выбор на мне. Думаю, немалую роль сыграло то, что с первых дней комсомольской, а затем партийной работы я активно участвовал в научно-пропагандистской деятельности: читал лекции, выступал с докладами, вел семинары, кружки в учреждениях и на промышленных предприятиях. Моими слушателями в кружках и на собраниях были преимущественно инженерно-технические работники.

Безусловно, значение имело еще и то, что я непрерывно выезжал в командировки по партийной линии, выполняя те же задания по пропаганде нашей внутренней и внешней политики.

Сыграло свою роль, очевидно, и то, что в аспирантуре я продвинулся вперед в овладении английским языком, хотя знания, конечно, были еще далеки от совершенства. Меня спросили:

– Что вы читали на английском языке?

Назвал некоторые книги, а потом добавил еще одну, которая меня заинтересовала по профилю научной работы:

– Труд американского экономиста Стюарта Чейза «Богатая земля, бедная земля».

Я почувствовал расположение комиссии, хотя решения мне не объявили.

На этом беседа закончилась.

Через несколько дней меня вызвали в Центральный комитет партии. Мне просто объявили:

– Вы из Академии наук переводитесь на дипломатическую работу, если вы согласны.

Последовал короткий разговор. В конце его я дал согласие.

Так весной 1939 года меня назначили в Наркоминдел СССР на должность заведующего американским отделом. Не скрою, на новую работу шел с каким-то неопределенным чувством. Уж очень все было неожиданно.

Хотелось как можно скорее войти в курс дела, чтобы уверенно трудиться на доверенном мне участке.

Началась текущая дипломатическая работа. Состоялись первые встречи с сотрудниками американского посольства. Внимательно присматривался к дипломатам США.

Послом США в СССР в то время был Лоуренс Штейнгардт, деятельность которого заметной пользы развитию советско-американских отношений не принесла. Помню даже, что у меня позже не раз возникал вопрос: «Почему президент Рузвельт, при его широте взглядов, а также учитывая значение советско-американских отношений, остановил свой выбор именно на этом человеке?»

Сама жизнь скорректировала такое решение. Штейнгардт в Москве долго не задержался, и, судя по всему, к удовлетворению обеих сторон.

С момента установления дипломатических отношений между СССР и США в 1933 году и до Штейнгардта в Москве уже побывало два посла.

Первым – с 1933 по 1936 год – был Уильям Буллит.

Да, тот самый Буллит, который приезжал в нашу страну еще в 1919 году с ведома президента США В. Вильсона и премьер-министра Великобритании Д. Ллойд Джорджа. Тогда, в разгар наступления Красной армии, ему поручили договориться об условиях прекращения военных действий в России.

В.И. Ленин пошел на переговоры с Буллитом, но в ходе их опрокинул все предложения, которые нацеливались в общем-то на реставрацию в стране капиталистических порядков.

Согласованный в Москве проект западные державы так и не послали советскому правительству, посчитав, что начавшееся наступление Колчака восстановит старую Россию военным путем.

Но просчитались и Антанта, и США. Красная армия разбила полчища Колчака, а сам он был расстрелян. Белая гвардия была разгромлена по всей стране, а иностранные интервенты изгнаны за пределы территории нашего государства. Советская власть утвердилась в нашей стране повсеместно.

Наверное, не случайно после установления дипломатических отношений с Советским Союзом Рузвельт направил первым послом США в нашу страну Буллита. Этот дипломат, по мнению американской администрации того времени, уже имел опыт общения и контактов с советским правительством.

Будучи послом в Москве, Буллит проводил в отношении СССР, конечно, недружественную линию. Он всячески пытался создать в Вашингтоне впечатление слабости Советского Союза. В годы своей работы стремился изображать все, что видел и слышал в Москве, тенденциозно. Свои настроения Буллит сохранил и после того, как его перевели из Москвы послом в Париж, а также в дальнейшей деятельности. В частности, в годы Второй мировой войны Буллит вступил во французскую армию. Одновременно он являлся официальным корреспондентом американского журнала «Лайф», известного своими антисоветскими настроениями. В этом же ключе писал свои статьи и новоявленный журналист Уильям Буллит. В 1944 году, когда во времена Рузвельта на американской почве начал всходить посев добрых отношений к советскому союзнику, Буллит опубликовал в журнале «Лайф» враждебную статью «Мир, каким он кажется из Рима». Она вызвала возмущение в рядах прогрессивных сил США. На этих же антисоветских позициях Буллит остался и впоследствии.

Его преемник – Джозеф Дэвис оказался иным человеком. Он внушал администрации Рузвельта, что необходимо развивать отношения с СССР, в частности в области торговли. Он работал в Советском Союзе с января 1937 года по июнь 1938 года и являлся фигурой колоритной и положительной. Известностью пользовалась и его жена – Марджери Пост. Президент Рузвельт, конечно, не зря остановился на кандидатуре Дэвиса, который был видным и пользующимся уважением деятелем Демократической партии и, следовательно, мог сыграть определенную роль в развитии советско-американских отношений.

Относительно прибытия Дэвиса в советскую столицу в Вашингтоне ходили добродушные анекдоты. Надо иметь в виду, что и в то время в США велась недружественная Советскому Союзу пропаганда. Буржуазная пресса, политические деятели не только поносили советский строй, образ жизни, но и распространяли множество небылиц, в том числе о том, будто советский народ голодает, будто живет он в условиях разрухи. Во всем обвиняли революцию, советскую власть.

Вот и решил новый посол на всякий случай обзавестись своим хозяйством. Погреб и кладовые американской резиденции в Спасо-Песковском переулке не пустовали. В Москву доставили немало всяких продуктов: раз говорят, что мало сахара, так лучше привезти с собой полтонны сахара, мало крупы и масла – так лучше привезти и их в солидном количе-

стве. Пусть знают большевики, что и чай американский посол пьет с американским сахаром, и кашу ест, приготовленную из американской крупы и сдобренную американским маслом.

Слухи, возможно, отчасти были преувеличены, но стали довольно широко известны в столицах обоих государств.

Замечу, что Дэвис был человеком порядочным, да к тому же посланцем Рузвельта, ставшего на путь развития отношений с СССР, что полностью подтвердилось и в последующем.

Дэвис неизменно проявлял дружественный подход к нашей стране. Его отношение к Советскому Союзу и руководству государства, где он аккредитовался, резко отличалось от настроений его предшественника Буллита. Дэвис был убежден, что правительства Англии и Франции совершают ошибку, «умиротворяя» Гитлера и пытаясь изолировать Советский Союз. Нечасто такие голоса раздавались тогда в политических кругах США.

Как-то сразу у Дэвиса установился нормальный деловой контакт со Сталиным, о котором он и впоследствии в беседах с советскими представителями, в том числе со мной, отзывался неизменно уважительно и даже тепло. Дэвис излагал в общем правильную точку зрения:

– Надо исходить из того, что идеологические расхождения и различия в общественном строе обоих наших государств должны быть оставлены в стороне при рассмотрении практических вопросов развития отношений между ними.

Такое мнение импонировало и Рузвельту. Все большая агрессивность германского фашизма укрепляла у влиятельных кругов США именно такой подход к отношениям с Советским Союзом.

Полезная деятельность Дэвиса в интересах развития отношений между США и СССР имела свое активное продолжение, особенно в годы Второй мировой войны. Мне хотелось бы плотнее коснуться этой темы.

Джозеф Дэвис – БЫВШИЙ ПОСОЛ

С Дэвисом я познакомился уже на работе в США, где мы нередко встречались, бывали друг у друга в гостях. Словом, поддерживали добрые отношения.

Особняк Дэвиса на окраине Вашингтона выглядел солидно. Он представлял собой, можно сказать, типичный дом американского богача. В жизни мне довелось много раз бывать в резиденциях коронованных особ разных стран. Дворцы эти строились, как правило, в те времена, когда средств на их сооружение не жалели. Миллионы людей могли владеть жалкое существование, но монархи считали для себя обязательным иметь роскошные чертоги. Иначе какие же они монархи? Делалось все это для того, чтобы у обыкновенного человека, который смотрит на дворец его или ее величества, захватывало дух: «Вот это да!»

Америка освободилась из-под власти английской короны еще в 1776 году, короли здесь не признавались, но у местных представителей бизнеса средств накопилось больше, чем у иных монархов в Европе, и эти американцы стали успешно подражать в роскоши дворцам Старого Света. Правда, вовсе не обязательно, чтобы дворцы бизнесменов внешне выглядели внушительно. Иногда даже наоборот. Их внешнюю архитектуру сознательно по виду «демократизировали». Зато внутреннее убранство, считалось, должно не подкачать. Впрочем, это часто можно наблюдать и сегодня.

Примером осуществления таких воззрений может служить загородная резиденция президентов США – Кэмп-Дэвид. Расположенные на ее территории дома представляют собой совсем небольшие приземистые строения. Иногда даже казалось, что они вросли в землю. Но внешность обманчива. Войдя вовнутрь, удивляешься роскоши интерьера. Сразу узнаешь американскую деловитость в архитектуре, отделке интерьера: и роскошно, и удобно, а главное – порядочно спрятано от взгляда извне.

Особняк Дэвиса в этом отношении чем-то напоминал Кэмп-Дэвид. В особняке не было скульптурных изваяний львов, драконов, мадонн. Пренебрегли хозяева и фонтанами. Что же касается собственно интерьера, то, как говорится, у гостей глаза разбегались. При чем преобладали предметы обстановки и произведения искусства не американского, а европейского происхождения. Значительная часть их оказалась вывезенной из Советского Союза.

Здесь мы увидели уникальную мебель, атрибуты будуаров русских императриц, золотую посуду – вещи баснословной цены. Помню, как Лидия Дмитриевна во время одного из обедов пыталась воспользоваться солонкой, дотронулась до нее, а та не пожелала сдвинуться с места. Я заметил некоторое смущение жены.

– Что с тобой? – спросил ее.

– Да вот не могу справиться с солонкой. Она, наверное, прикреплена наглухо, а мне к другой тянуться далеко...

Вещь была массивной. Она оказалась из чистейшего золота и принадлежала когда-то Екатерине II. Словно прикованная, она стояла на столе. Когда тайну веса мы разгадали, борьба с солонкой закончилась решительной победой моей супруги.

Хозяева пригласили нас посмотреть так называемую «русскую избу», находившуюся вблизи от основного дома. Всю ее заполняли дорогие, уникальные вещи, а сама она походила на что-то среднее между музеем и складом драгоценностей. Дэвисы, показывая «экспонаты», вспоминали, когда и где, в каком городе Советского Союза та или иная вещь была приобретена. Что касается времени приобретения, то оно датировалось преимущественно тридцатыми годами, то есть периодом, когда Дэвис был послом США в Москве. Тогда у нас существовали магазины Торгсин (полное название – Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами), через которые много вещей, представлявших художественную и материальную ценность, сбывалось за валюту. Все покупалось законно, и хозяева, что было совер-

шенно очевидно, не испытывали чувства неудобства. Они с гордостью расхваливали вещи, приобретенные ими в СССР.

Осматривая все эти ценности, мы не могли отделаться от мысли: «Где же в конце концов все это осядет?» Не скрою, жалел, что шедевры искусства, главным образом ювелирного, созданные руками мастеров нашего народа, скорее всего, разлетятся по местам совершенно случайным в далекой заокеанской стране.

Приходилось мне с женой бывать в гостях у Дэвиса и в те дни, когда он устраивал большие приемы. Имя бывшего посла в Москве и богатство его семьи притягивали представителей «высшего общества», в основном из кругов администрации, конгресса и большого бизнеса. В этом обществе, по всему было видно, в вопросах материального порядка больше понимала толк хозяйка, чем хозяин.

Часто среди гостей мы видели сенатора Томаса Коннели и конгрессмена Сола Блюма, являвшихся председателями комиссий по иностранным делам американского конгресса – соответственно сенатской и палаты представителей. У меня нередко завязывались с ними беседы.

Сенатор Коннели был во многих отношениях интересным человеком. Он относился к числу последовательных рузвельтовцев. Именно президент предложил его кандидатуру на пост председателя комиссии по иностранным делам сената. Во время первых контактов с ним я обратил внимание на здравость его суждений по ряду крупных вопросов политики, относящихся к войне с фашистской Германией. Однажды в гостях у Джозефа Дэвиса Коннели довольно смело высказался за открытие второго фронта в Западной Европе. Это происходило тогда, когда в Вашингтоне на эту тему предпочитали говорить только шепотом. Администрация еще не сформулировала своей позиции по данному вопросу. Даже Дэвис соблюдал осторожность в высказываниях, хотя считал себя сторонником высадки англо-американских войск в Западной Европе. Защищая свою мысль, Коннели заявил:

– Совсем нехорошо, если США примут готовую победу из рук Красной армии. С точки зрения своих национальных интересов США должны сами проявить себя как военная сила. А путь к этому лежит не только через ленд-лиз, но и через участие в военных действиях. Ведь уже выявилось, что Красная армия начала одерживать победы и Гитлера ожидает «капут».

Мягче и осторожнее вел себя Коннели позже на конференции в Сан-Франциско. Он оказался намного ближе к трезвой оценке ситуации по основным вопросам устава и роли новой международной организации, чем многие другие члены американской делегации. Это относится и к вопросу о принципе единогласия пяти держав.

Случались с Коннели и занятные истории. На первой половине первой сессии Генеральной Ассамблеи обсуждался вопрос о создании всемирной организации по сотрудничеству государств в области науки, культуры и образования. По ряду вопросов, естественно, имелись несовпадения мнений, главным образом между Советским Союзом и его друзьями, с одной стороны, и странами Запада – с другой. Дошла очередь выступить и Коннели. Он начал так:

– Вот здесь говорили о разных странах – больших и малых. Мое мнение – нужно сделать все для защиты интересов малых стран и в этой области. Например, ораторы упоминали ЮНЕСКО. Эту малую страну нельзя обижать. Ее надо защитить!

Он сказал это энергично.

Конечно, в зале раздался добродушный смех. Коннели просто не успел еще усвоить, что такое ЮНЕСКО. Он и сам потом, когда узнал о своей оплошности, громко смеялся, как умеют смеяться только американские сенаторы.

В довоенные и военные годы и Коннели, и Блум активно поддерживали курс Рузвельта в отношении СССР.

Встречался я у Дэвиса и с «королями» Голливуда, в частности с Гарри Уорнером – влиятельным местным кинопромышленником. Кинокомпания «Уорнер бразерс» считалась одной из крупнейших в США. Дэвис представил мне Гарри Уорнера следующим образом:

– Разрешите мне познакомить вас с человеком, который дружелюбно относится к Советскому Союзу и не раз доказывал это.

Мы стояли только вдвоем, тем не менее он помолчал и с улыбкой добавил для меня лично тихо:

– В отличие от его брата Майерса.

Такому американскому богачу, как Дэвис – так уж заведено в Штатах, – надо показывать себя должным образом в свете. Какой же американец с капиталом не имеет, например, яхты? Она является своего рода визитной карточкой, чтобы быть принятым в «порядочное общество». Дэвисы тоже владели роскошной яхтой. Если не свирепствовал шторм, то пассажиры в ней могли чувствовать себя отлично. Налицо были все удобства, даже какие-то таинственные таблетки, чтобы не укачивало. Поплавали однажды по приглашению Дэвисов и мы с Лидией Дмитриевной на этой яхте. Правда, совсем немного, особенно далеко от Нью-Йорка не отрывались. Осмотрели побережье. Остались в памяти от того плавания хорошие виды на огромный город и в то же время грязь и кучи мусора на берегу, местами нефтяная пленка на поверхности прибрежных вод, масса картонных коробок, битого стекла на причалах порта.

Дэвис выглядел всегда подтянутым, собранным. Ему были чужды показная бравада и своеобразное паясничанье, которыми часто грешат в США некоторые богатые представители делового мира и чиновничества средней руки. Таким, например, ничего не стоило в разговоре положить ноги на стол – вот и смотри на подошвы их ботинок.

Дэвис, не в пример подобным американцам, обладал иными привычками. Ему нравилось на манер знатных англосаксов погарцевать верхом на лошади. В английской столице на такого человека, даже не зная, кто он такой, смотрят с известным уважением, так как только люди с положением в обществе могут себе позволить подобный вид прогулки. Да еще в Гайд-парке или в Кенсингтонском парке...

В американских городах человека, прогуливающегося верхом на лошади, почти не встретишь. Но ведь дом и большой участок земли у Дэвиса находились за городом, и верховой ездой он мог заниматься. К сожалению, в конце пятидесятых годов во время одной из таких прогулок Дэвис неудачно упал с лошади. Он прожил еще некоторое время, но оправиться полностью от этого падения так и не смог. Его жена Марджери пережила своего супруга на несколько лет. Правда, за эти годы она успела вновь побывать замужем, и не раз, в чем ей помогли миллионы.

Наверное, нелегко найти в США книгу, посвященную вопросам внешней политики в период войны, да и после нее, в которой не упоминалась бы фамилия Дэвиса. В 1941 году он возглавил созданный при президенте комитет по объединению деятельности всех организаций, занимавшихся вопросами помощи союзникам во время войны.

Через два дня после нападения Германии на СССР Дэвис заявил:

– Мир будет удивлен размерами сопротивления, которое окажет Россия.

Что это – сила интуиции? А может быть, основательное знание того, что такое Советский Союз? Думаю, и первое, и второе. Но пожалуй, самое главное – второе.

Дэвис выступал в печати, по радио, на многочисленных митингах, призывая американцев отказаться от предрассудков в отношении Советского Союза и его народа. Настойчиво требовал он и открытия второго фронта. Вышедшие в 1942 году его книга «Миссия в Москву» и фильм под тем же названием способствовали укреплению симпатий к СССР в американском народе. Дэвис был также одним из организаторов Национального совета американско-советской дружбы и почетным его председателем.

Принадлежал он к числу активных сторонников линии Рузвельта на укрепление союзнических отношений между США и Советским Союзом. В мае 1946 года Дэвис заявил:

– Мир можно обеспечить лишь посредством всеобщего признания завета Рузвельта – единства Англии, США и СССР.

За успешную деятельность, способствовавшую укреплению дружественных советско-американских отношений и содействовавшую росту взаимного понимания и доверия между народами обеих стран, Дэвис в мае 1945 года был награжден высшим советским орденом – орденом Ленина.

Этот человек имеет право на то, чтобы память о нем надолго осталась жить в США и в Советском Союзе. Она и живет.

Первая встреча в Кремле

Однако вернемся в 1939 год. Возглавлять работу американского отдела НКВД мне пришлось недолго, всего около полугода. Однажды меня позвал к себе в кабинет один из руководителей наркомата и сообщил:

– Вас вызывают в Кремль, к Сталину.

Новость неожиданная... И.В. Сталина я до этого видел только на расстоянии. Это было на Красной площади, где он приветствовал демонстрантов. И лишь однажды – в президиуме торжественного заседания в Большом Кремлевском дворце, куда меня пригласили вместе с другими представителями предприятий и учреждений, в том числе научных.

В считанные минуты я прибыл в Кремль. В приемной, рядом с кабинетом Сталина, находился невысокий подтянутый человек. Я представился. В ответ он сказал:

– Поскребышев.

Это был помощник и секретарь Сталина. Он вошел в кабинет и доложил о моем приходе.

И вот я в кабинете у Сталина. Спокойная строгая обстановка. Все настраивало только на деловой лад. Небольшой письменный стол, за которым он работал, когда оставался в кабинете один. И стол побольше – для совещаний. За ним в последующем я буду сидеть много раз. Здесь обычно проводились заседания, в том числе и Политбюро.

Сталин сидел за этим вторым столом. Сбоку за этим же столом находился Молотов, тогдашний народный комиссар иностранных дел, с которым я уже встречался в наркомате.

Сталин, а затем Молотов поздоровались со мной. Разговор начал Сталин:

– Товарищ Громыко, имеется в виду послать вас на работу в посольство СССР в США в качестве советника.

Откровенно говоря, меня несколько удивило это решение, хотя уже тогда считалось, что дипломаты, как и военные, должны быть готовы к неожиданным перемещениям. Недаром ходило выражение: «Дипломаты как солдаты».

Сталин кратко, как он это хорошо умел делать, назвал области, которым следовало бы придать особое значение в советско-американских отношениях.

– С такой крупной страной, как Соединенные Штаты Америки, – говорил он, – Советский Союз мог бы поддерживать неплохие отношения, прежде всего с учетом возрастания фашистской угрозы.

Тут Сталин дал некоторые советы по конкретным вопросам. Я их воспринял с большим удовлетворением.

Молотов при этом подавал реплики, поддерживая мысли Сталина.

– Вас мы хотим направить в США не на месяц и, возможно, не на год, – добавил Сталин и внимательно посмотрел на меня. Сразу же он поинтересовался: – А в каких вы отношениях с английским языком?

Я ответил:

– Веду с ним борьбу и, кажется, постепенно одолеваю, хотя процесс изучения сложный, особенно когда отсутствует необходимая разговорная практика.

И тут Сталин дал совет, который меня несколько озадачил, одновременно развеселил и, что главное, помог быть мне менее скованным в разговоре. Он сказал:

– А почему бы вам временами не заходить в американские церкви, соборы и не слушать проповеди церковных пастырей? Они ведь говорят четко на чистом английском языке. И дикция у них хорошая. Ведь недаром многие русские революционеры, находясь за рубежом, прибегали к такому методу для совершенствования знаний иностранного языка.

Я несколько смутился. Подумал, как это Сталин, атеист, и вдруг рекомендует мне, тоже атеисту, посещать американские церкви? Не испытывает ли он меня, так сказать, на прочность? Я едва не спросил: «А вы, товарищ Сталин, прибегали к этому методу?» Но удержался и вопроса не задал, так как знал, что иностранными языками Сталин не владел, и мой вопрос был бы, в общем, неуместен. Я, как говорят, «сам себе язык прикусил» и хорошо сделал. Конечно, услышав такой вопрос, Сталин, наверное, превратил бы свой ответ в шутку, он в аналогичных случаях нередко прибегал к ней, как я убеждался впоследствии. Но тогда, в ту первую встречу, искушать судьбу мне не хотелось.

В США в церкви и соборы я, конечно, не ходил. Это был, вероятно, единственный случай, когда советский дипломат не выполнил указание Сталина. Можно себе представить, какое впечатление произвело бы на проворных американских журналистов посещение советским послом церквей и других храмов в США. Они, безусловно, растерялись бы. Мог сбить с толку, заставить строить догадки вопрос:

– Почему посол-безбожник посещает соборы, может быть, он вовсе и не безбожник?

Так произошла моя первая встреча со Сталиным.

Ехал я после нее из Кремля и по привычке анализировать пережитое думал. Вспомнил, что в Москву незадолго до этого был вызван посол СССР в США К.А. Уманский, который, видимо, не вполне удовлетворял требованиям центра. Значит, напрашивался вывод: мне доверяют, дают важное поручение.

Как я понял позже, претензии к послу имелись и у Сталина, и у Молотова. И хотя Уманский в США возвратился, тем не менее по всему было видно, что его работа подходила к концу. После нападения гитлеровской Германии на СССР возникло мнение, что, может быть, Рузвельту будет импонировать, если послом в США станет дипломат, получивший широкую международную известность своей работой в Лиге Наций и в связи с ней. Потому на пост посла СССР в США назначили М.М. Литвинова. Однако на короткое время. Из последующих событий стало видно, что и эта мера для улучшения советско-американских отношений рассматривалась Сталиным как временная.

Вскоре заменить Литвинова на посту посла в США пришлось автору этой книги.

На протяжении почти шести лет пребывания в Москве, до отъезда осенью 1939 года в США, я жил в обстановке энтузиазма и сам был переполнен им. Обучение в аспирантуре, работа над кандидатской диссертацией, ее защита, преподавательская деятельность и, наконец, научные исследования, к которым я приступил в Академии наук СССР (Институт экономики), – все это требовало постоянного напряжения.

Однако на все хватало сил, в том числе на многочисленные командировки в районы Московской области и общественную работу в городе. Был я свидетелем того, как советские люди всю свою энергию и талант отдавали развитию промышленности и укреплению колхозного строя. Видел это каждодневно.

Ударом грома среди ясного неба явилось известие о том, что 1 декабря 1934 года убит Сергей Миронович Киров. Не хотелось верить, что такое могло случиться. Мы читали официальные сообщения. Но вместе с тем задавали друг другу вопросы, которые оставались без ответов. Говорили и громко, и шепотом, но в этих разговорах всегда превалировали вопросы. И самый главный среди них:

– Как это могло случиться в социалистическом государстве, как это в нашей великой стране никто не смог отвести преступную руку убийцы?

А затем добавляли к нему и второй, вытекающий из первого, вопрос:

– Если это случилось, то кто же все-таки не помешал этому или не желал помешать?

Ответы на эти вопросы в те дни никто из нас не знал. Газеты писали о «врагах народа». Других официальных ответов не существовало.

На пути в США

После встречи со Сталиным я и семья сразу же стали собираться в дорогу. До направления на работу в США мне не доводилось бывать за рубежом. Поэтому наше путешествие поездом из Москвы в Геную, где мы должны были пересесть на пароход, чтобы отправиться в США, оказалось наполненным яркими по тому времени для меня впечатлениями.

За пределами СССР и до прибытия в Геную мы пересекли территорию Румынии (здесь остановились на сутки), Болгарии и Югославии.

Италия, по существу, была первой капиталистической страной, где я получил возможность поближе познакомиться с зарубежной жизнью. На каждом шагу в глаза бросались резкие социальные контрасты, особенно в одежде людей.

Обратило на себя внимание и то, что если собирались вместе по крайней мере два итальянца, то впечатление складывалось такое, что один произносил перед другим речь, а этот, другой, не дослушав, начинал сам произносить речь перед первым. И казалось, будто вокруг происходят какие-то митинги или собрания, хотя участвовало в каждом из них часто всего по два-три человека.

Запомнилась и такая типичная итальянская картинка: белье, вывешенное у всех на виду на балконах и в узких улочках, через всю ширину которых протянуты веревки. Невольно напрашивался вопрос: «А как итальянцы отличают свое белье от чужого?» Но выходит, отличают. У нас бы, я думал, запутались, нужен опыт.

В Генуе за недостатком времени многое из того, что обычно осматривают туристы, увидеть не удалось.

Запомнилось, однако, посещение известного своими памятниками кладбища. Мы были там с К.А. Уманским, который возвращался в США. Гид водил нас от одного памятника к другому, энергично, с жаром рассказывая разные истории, которыми оваян чуть ли не каждый камень на этом кладбище. И чем больше слов он произносил, чем дольше мы его слушали, тем рассказы эти становились красивее, если вообще на кладбище можно говорить о красоте.

Своеобразным центром кладбища-музея была скульптура старой итальянки. Каждый, кто впервые приходил на кладбище, считал необходимым подойти к этой «старушке». От гида мы узнали, что с молодого возраста простая набожная генуэзка копила из своих скудных доходов средства на памятник, который должны были соорудить на ее могиле. А сама продавала маленькие булочки – бриоши. Когда же старушка умерла, то денег, которые она завещала на создание надгробия, оказалось ровно столько, сколько нужно для этой цели. В результате и появился монумент – скромный по размерам, но впечатляющий. Религиозная сторона этой истории давно уже отступила на задний план. Зато скульптура на протяжении длительного времени притягивала к себе внимание туристов всех возрастов.

Погрузились в Генуе на итальянский лайнер «Рекс»⁴. Пароход отправился в путь. С борта лайнера мы увидели остров Капри, где немало времени провел Максим Горький. Вскоре прибыли в Неаполь.

Раньше мне казалось, что в этом городе все поют. Но ни одной песни нам так и не довелось услышать. Как нарочно, неаполитанцы не пели.

Находясь в окрестностях Неаполя, мы поехали к Везувию. Нас было трое: К.А. Уманский, мой семилетний сын Анатолий и я. Как только гид произнес название этой горы, я сразу же вспомнил «Везувий» моего детства – спичечную фабрику в Гомеле, которая пора-

⁴ Позже во время войны «Рекс» был отправлен англичанами на морское дно в районе итальянского порта Бари. (Примеч. авт.)

жала тогда воображение. Почему ее владельцы называли «Везувием», до сих пор для меня остается загадкой. Быть может, потому, что хотели показать: их товар вспыхивает, как итальянский вулкан.

И вот теперь я находился у подножия настоящего Везувия. Мы посетили раскопки погребенных под пеплом после извержения вулкана древних Помпей.

Так вот они какие – Помпеи! С огромным интересом слушали увлекательный рассказ гида о том, как жили и как погибли обитатели античного города трагической судьбы.

Гид столь подробно и сочно описывал быт и нравы его древних жителей, что те, наверное, вряд ли столько знали о себе сами. Ходили мы по улицам и переулкам Помпей с каким-то волнующим чувством. Поскольку они были лишь частично расчищены от всякого рода обломков, камней, щебня, то археологи местами проложили среди развалин специальные проходы, воссоздав довольно четко схему погибшего города. Работы по его раскопке и расчистке ведутся непрерывно фактически вот уже более двух веков. И никто не знает, как долго еще будут продолжаться. Историки внимательно изучают Помпеи, чтобы больше узнать о том, какими были древние римляне, каков был их быт.

Но даже несмотря на то, что кое-где на местах раскопок беспорядочно громоздятся развалины, общая их картина воспринимается как-то по-особому. Проходишь мимо руин виллы какого-нибудь патриция или домика, где обитали плебеи, и не можешь освободиться от мысли: «А ведь здесь жили не кто-либо, а римляне, с которыми связана яркая полоса не только европейской, но и всемирной истории». Трудно представить, хотя это так, что почти все население города погибло волею беспощадных и слепых сил природы.

Подходя к одному месту, гид несколько приглушенно, напуская на себя уже закрепленную опытом таинственность, сказал:

– А вот сейчас вы увидите нечто трогательное.

Он медленно подвел нас к каким-то развалинам, явно в расчете на то, что его услуга в данном случае будет оценена по-особому.

Мы приблизились к двум окаменелым скелетам людей. В это время гид произнес только одну фразу:

– Об остальном вы догадывайтесь сами. – Некоторое время помолчал, любуясь произведенным эффектом, а затем добавил: – Через века они, погребенные под пеплом и лавой, как бы подадут своеобразный пример всем последующим поколениям: любовь сильнее смерти.

Сказано было небанально и в общем ясно.

На окраине города сохранились остатки форума. Мы его посетили. Пепел и лава, поглотившие амфитеатр во время катастрофы, все же кое в чем его и сберегли: и сегодня вполне можно представить себе общий вид этого памятника Античности. Когда смотришь на него в наше время, то думаешь, что, наверное, немало рабов-гладиаторов встретили свой смертный час на этой древней арене. Словом, перед каждым, кто побывал на раскопках Помпей, как бы открывается одна из трагических страниц многотомной истории человечества.

Мы обратили внимание на то, что не только на улицах Генуи и Неаполя, но и на дорогах страны попадалось множество военных. Куда ни посмотри, везде встретишь человека в армейской форме.

Создавалось впечатление, что они непрерывно подносили руку к голове и отдавали друг другу честь, стремились даже в обычной обстановке на улице отбивать шаг, хотя всем известно, что итальянцу, как правило, больше свойственны раскованность и вольность в движениях. Я заметил Уманскому:

– Вам не кажется, что итальянские военные своим поведением уж очень хотят быть похожими на немцев?

– Да, пожалуй, это так, – ответил он.

Нам казалось, что если бы любой из тех военных групп, которых мы видели, дать команду немедленно затянуть лирическую песню или знаменитую Ave Maria, то солдаты и офицеры запели бы ее с удовольствием как обыкновенные гражданские лица, забыв о всякой армейской дисциплине и армейской форме, в которую их облачил режим Муссолини.

Однако те дни были уже фактически временем войны, а до нападения фашистской Германии на Советский Союз оставалось меньше двух лет.

...И снова – в путь, по волнам, покидая Неаполь. Запомнился один примечательный эпизод на борту лайнера. Он имел место в то время, когда мы пересекали Атлантический океан.

Капитан корабля пригласил К.А. Уманского и меня к себе в каюту. Приглашение это было сделано, видимо, из соображений этикета, состоялось оно 7 ноября – в день 22-й годовщины Великого Октября. Угощая нас отменным итальянским вином, капитан негромко провозгласил тост:

– За Октябрьскую революцию в России, за Ленина!

Мы, конечно, были тронуты таким проявлением внимания и горячо поддержали хозяина. А ведь было все это во времена господства фашизма в Италии.

Мы потом не раз вспоминали этот тост. Говорили, что если бы итальянский дуче про него узнал, то нашему капитану, скорее всего, не поздоровилось бы. Как видно, и в то суровое время были в Италии подлинные патриоты своей страны, презиравшие фашизм, фашистские порядки. Одним из них являлся капитан большого судна «Рекс» итальянского гражданского флота.

Через несколько дней, изведав в Атлантике первый раз в жизни сильный шторм, мы с Лидией Дмитриевной и детьми – семилетним Анатолием и двухлетней Эмилией – достигли американских берегов.

В современном Вавилоне

Мы оставили океанский великан лайнер и сразу же очутились в объятиях огромного города. Впрочем, «в объятиях» – это не то выражение, которое может передать наши ощущения того момента. Нас окружали непрерывный грохот и безостановочное движение. Казалось, что все и вся, что находилось в городе, грохотало и двигалось, за исключением самих небоскребов. А то, что способно было издавать звуки, шумело, гудело, кричало, скрипело, завывало.

Со всех сторон теснились каменные и металлические громады домов. Даже нормальные для Европы улицы здесь казались узкими. Смещались общепринятые пропорции между шириной улиц и высотой домов. Неудивительно, что наш сын Анатолий спросил с интересом:

– А что, в этом городе американцы живут всегда или только днем?

Пришлось ему объяснить:

– Да, всегда. Однако в нем живут не только американцы, здесь, на 61-й улице Нью-Йорка, находится советское генеральное консульство, на машинах которого мы сейчас едем. В этом городе, таким образом, живут и советские люди.

Не скажу, что мое первое впечатление от этого современного Вавилона намного отличалось от того представления, которое сложилось по литературе, в том числе после знакомства с произведениями американских авторов – Т. Драйзера, Д. Лондона, Э. Хемингуэя и других. Но все же, очутившись, как говорят, в чреве этого громадного чудовища, намного яснее и рельефнее отдаешь себе отчет в том, что человек с помощью техники может создавать то, что, по существу, его природе враждебно. А ведь, казалось бы, надо стремиться строить то, что ласкает взгляд, позволяет наслаждаться силой ума и мастерством рук.

Тяжелые, грустные картины, нарисованные К. Марксом и Ф. Энгельсом при описании жизни рабочих в английских городах, намного уступают тем, что предстают перед людьми, которые впервые прибывают в США из Старого Света. В городах, особенно в рабочих кварталах, остро ощущаешь, что здесь попирается само человеческое достоинство. Виноват в этом капитал со своим ненасытным стремлением к наживе. В последующие месяцы и годы, как и все находившиеся в Америке по долгу службы советские люди, я убедился, что Нью-Йорк – не исключение. Увиденное и услышанное в нем в той или иной мере характерно для всех американских городов, особенно крупных.

В консульстве мы провели менее суток. Пользовались гостеприимством его сотрудников во главе с генеральным консулом СССР Виктором Александровичем Федюшиным. Затем отправились в Вашингтон, куда после пятичасового путешествия поездом в пульмановском вагоне и прибыли.

Итак, столица США. В то время Вашингтон, если судить по городскому шуму и уличному движению, был в сравнении с Нью-Йорком гораздо более спокойным городом. Так, впрочем, дело обстоит и сегодня. В Вашингтоне нет крупной промышленности. Доминируют мелкие предприятия, всякого рода мастерские, представляющие собой симбиоз фабрики и магазина. Уже тогда цветное население составляло около половины жителей города.

Столица США была, да и сейчас остается, в основном городом чиновного люда. Чтобы из Вашингтона управлять огромным государством, правящему классу требуется механизм – многочисленный штат служащих разных ступеней действующей иерархии.

Важной частью этого механизма является его внешнеполитическая и дипломатическая служба. Именно с ней советскому посольству необходимо иметь дело прежде всего. У меня сразу же начались визиты, в первую очередь в Государственный департамент.

Бросилось в глаза, что с организацией визитов для меня как нового дипломата, занимающего второе по положению место в посольстве, дело шло довольно гладко.

Тут я должен сделать оговорку, что к Уманскому со стороны официального аппарата Вашингтона проявлялось какое-то настороженное отношение. Вначале я считал, что кто-то в Государственном департаменте его невзлюбил и решил «насолить» советскому послу. Не случайно американская пресса не переставала распространять разные выдумки, носившие персональный характер. Короче говоря, общего языка между послом и представителями администрации из числа тех, кто занимался внешнеполитическими делами, так и не было найдено. Все это приходилось учитывать и мне, как новому человеку, очутившемуся на поверхности бурного океана политической жизни. К тому же все происходило в то время, когда опасность фашистской агрессии против Советского Союза стала приобретать все более рельефные очертания.

Президента Франклина Рузвельта впервые я увидел в Вашингтоне на открытии национальной художественной галереи. Несмотря на физический недуг, он выступал с речью стоя, опираясь на соответствующие приспособления, аккуратно скрытые за трибуной.

Смотрел я на него и думал о его мужестве и воле. Постоянно борющийся с тяжелейшим заболеванием человек, он выглядел на трибуне спокойным, уверенным.

Нет, не мог я тогда предполагать, что судьба подарит мне несколько лет частых встреч с ним. Все это будет в период суровой войны с германским фашизмом.

Десять дней по дорогам америки

Любой иностранец, оказавшийся в чужой стране по долгу службы или в связи с иными обстоятельствами, всегда стремится познакомиться с местными достопримечательностями и помимо столицы побывать в других городах, посетить различные районы. И это естественно. Ведь столицы всех стран мира в каком-то смысле похожи. Они – центры, где сосредоточены главные органы государственной власти.

Знакомство со страной пребывания, ее изучение – важное направление в работе дипломата. Он обязан возможно полнее информировать свое правительство о политике и других сторонах жизни данной страны.

Уже вскоре после прибытия в США я воспользовался первой же возможностью, чтобы посетить некоторые промышленные города этой страны. Была тому и другая причина – ознакомиться с условиями работы советских специалистов, стажировавшихся на некоторых американских заводах. Поездка состоялась в середине 1940 года.

Вместе с одним из сотрудников посольства, Владимиром Ивановичем Базыкиным, мы посетили Чикаго, Детройт, Кливленд, Буффало, Цинциннати, Милуоки, Вустер, Камден. В каждом из этих городов мы побывали по крайней мере на одном заводе. Там, где находились советские специалисты, беседовали с ними.

Чувствовалось, что и они были рады такому случаю. Находившиеся в отрыве от Родины советские люди жадно слушали информацию о нашей стране, ее внешней политике, о советско-американских отношениях, которые тогда были натянутыми. Правящие круги США по-своему, в антисоветском духе, трактовали итоги только что закончившейся советско-финской войны. Недружелюбно встретили они и воссоединение с СССР Прибалтийских республик.

Поездка дала солидный фактический материал об американской глубинке. Из газет и журналов не все можно вычитать. А получать нужную информацию от государственных служащих, официальных деятелей, с которыми обычно общаешься в Вашингтоне, не всегда легко. В дальнейшем, правда, положение в этом отношении несколько изменилось.

Хотелось бы обратить внимание на некоторые факты в связи с этой поездкой.

Крупный завод Форда в Детройте по производству автомобилей. Встречаемся с руководством завода, спрашиваем:

– Можно посетить и осмотреть ваше предприятие?

– Пожалуйста, – говорят.

С готовностью показали нам ряд цехов. Объяснения с точки зрения технической давались квалифицированно, толково. Задержались мы у конвейера, с которого сходили двигатели для автомобилей, наблюдали, как после десятков операций из отдельных деталей рождался мотор.

Мы увидели рабочих, выполнявших поистине каторжный труд. Вручную они поднимали огромной тяжести узлы и детали моторов, переворачивали их, что-то доделывали, подвинчивали. Нетрудно было заметить, что рабочие, в основном негры, явно отбирались для такой работы – все они обладали большой физической силой. Когда мы проходили рядом с ними, было видно, что даже их привыкшие к такому труду мускулы испытывали огромное напряжение. С их лиц градом катил пот. Конвейер делал свое дело.

То, что мы видели, было живой иллюстрацией к учению Маркса, описавшего процесс капиталистического производства в бессмертном «Капитале». Сегодня методы эксплуатации стали тоньше, но суть ее сохранилась прежней. Конвейеры военно-промышленного комплекса, оснащенные новейшей техникой, дают возможность использовать еще более изощренные формы этой эксплуатации.

Мы – гости съезда Демократической партии

Во время той же поездки нам довелось побывать на съезде Демократической партии, который проходил в Чикаго и на котором партия должна была выдвинуть Ф. Рузвельта кандидатом в президенты на третий срок. Приглашение присутствовать на съезде в качестве гостей было получено нами еще в Вашингтоне.

Съезды Демократической и Республиканской партий являют собой довольно необычную и в известном смысле уникальную картину.

В зале несколько тысяч человек. Бесчисленное количество плакатов и лозунгов. А так как они прикреплены к металлическим или деревянным рукояткам и почти каждый из присутствующих держит их в руках, то считается само собой разумеющимся и даже необходимым размахивать этими плакатами и лозунгами, притом еще и кричать. Предполагается, что весь этот крик – в пользу демократов. Но что касается самого содержания криков, сливающихся временами в сплошной гул, будто где-то рядом начинается землетрясение, то никто ничего не может понять. Председатель съезда сенатор Албен Бэркли непрерывно стучит молотком, пытаясь выполнить свой долг – добиться более спокойной обстановки. Но тщетно. Если бы не громкоговорители, то ни стука председательского молотка, ни голоса самого Бэркли вообще не было бы слышно. Вот на трибуну выходит сенатор от штата Алабама. Он – человек пожилой, полностью растерявший волосы с головы, – простирает руки кверху. Стоит минуту, другую, затем начинает говорить. Нарочито прочувствованно. Ничего понять, естественно, нельзя. Говорит, судя по жестам, все более энергично. Затем останавливается, вновь поднимает руки и туда же вверх устремляет свои очи. Стоит и вроде ожидает, а вдруг публика смилостивится. Но признаков милости нет. Его по-прежнему никто не слушает, все остается без изменений.

Наклоняюсь и спрашиваю какого-то сидящего рядом с нами делегата (мы были в президиуме). Стараюсь говорить громче, чтобы и мой голос не утонул в крике всех тех, кто продолжает неистовствовать:

– Почему сенатор на трибуне так странно себя ведет? Какой толк он видит в этих карикатурных приемах?

В ответ слышу:

– Да это известно. Сенатор изучал ораторское искусство Древней Греции. Потому и применяет такие необычные приемы. Древние говорили по-другому. Не так, как мы. – И мой собеседник засмеялся.

Но, странное дело, публика в зале не очень-то удивилась этим «изысканным» приемам оратора.

Подумалось, если бы этот человек с вздетыми к потолку руками вышел на трибуну партийного съезда в какой-нибудь европейской стране, то, наверное, те, кто следит за порядком, позвали бы на помощь врача, чтобы удостовериться, нормальный ли он. А тут подобные выходы на трибуне считались в порядке вещей, почти обычным, заурядным явлением.

За шумом все же нетрудно было заметить, что упоминание имени Рузвельта вызывало у делегатов взрывы одобрения. Зал явно хотел показать, что его выдвижение на третий срок обеспечено.

Мы высидели на заседании от начала и до конца. А потом вышли из помещения и стали оживленно обмениваться впечатлениями. Каждый из нас вспоминал какую-нибудь забавную сцену из только что увиденного грандиозного представления. Потом Базыкин сказал:

– Для того чтобы участвовать в таком предвыборном зрелище или даже присутствовать на нем, нужны крепкие нервы.

Мы все с этим согласились. А я добавил:

– Но главное, по-моему, мы увидели на съезде, что успех Рузвельта на предстоящих выборах предрешен.

Этого желало большинство народа США.

Посольство продолжало следить за пульсом политической жизни США, особенно в связи с приближением президентских выборов 1940 года. Как и ожидалось, Рузвельт одержал на них внушительную победу и сохранил за собой пост президента.

Итак, началась моя работа в советском посольстве. Когда я приехал в Вашингтон, мне было тридцать.

В то время в Бостоне студент Джон Кеннеди изучал в Гарвардском университете юриспруденцию и механизм деятельности буржуазного государства. Ему было двадцать два.

А на другом конце Америки в Голливуде восходила звезда киноактера Рональда Рейгана. И он только что снялся в фильме «Адская кухня».

Никто из троих тогда, конечно, не думал, что через много лет нам придется повстречаться в ином качестве...

Глава 3

На посту посла в суровые дни войны

Вашингтон, 16-я стрит...

Обычно, когда читатель встречается в советской книге какой-нибудь американский адрес, это связано с некой загадкой или определенным детективным сюжетом. Однако в приведенном адресе нет абсолютно ничего загадочного. Данные слова – это просто адрес советского посольства в столице Соединенных Штатов Америки.

Здесь в напряженные годы войны находился эпицентр деятельности посла и всего коллектива советских работников. Другими словами, это адрес маленькой или, быть может, даже миниатюрной по сравнению со всем государством части нашего великого и могучего Союза Советских Социалистических Республик.

По всем канонам международного права на территорию посольства и на его работников распространяется суверенитет государства, которое они представляют. Это уже само по себе вдохновляло и вдохновляет советских людей, вселяет в них гордость, что именно им доверено отстаивать интересы далекой по расстоянию, но бесконечно близкой по чувствам родной страны. Во имя ее они находятся за рубежом, отдают все свои силы, знания и умение для ее блага.

В официальных кругах Вашингтона, которые несли ответственность за внешнюю политику США накануне и во время Второй мировой войны, в послевоенный период и несут ее в наши дни, никогда не давалось точного и исчерпывающего ответа на вопрос о том, что предприняла их страна, чтобы не дать вспыхнуть пожару этой войны.

Многие историки и политики по-разному отвечают на указанный – несомненно, законный – вопрос.

США на распутье

В речах и мемуарах западных политиков, в буржуазной исторической науке всячески подчеркивалось и теперь подчеркивается, что США якобы выполнили свой долг тем, что осуждали накануне Второй мировой войны экспансионистские устремления германского фашизма и его союзников. Но и до сих пор не сделано серьезных попыток ни со стороны политиков, бывших и настоящих, ни со стороны буржуазных историков в странах Запада осмыслить, какой оборот приняло бы развитие обстановки, если бы США выступили совместно с государствами, стоявшими на позициях мира, прежде всего с Советским Союзом, и заявили о своей решимости участвовать в создании могучей объединенной силы, противостоящей агрессорам.

Этого западные политики и историки не делали и не делают сознательно, потому что в предвоенные годы Соединенными Штатами Америки не планировались и не предпринимались шаги по оказанию отпора странам, вставшим на путь агрессии. Осуждение действий этих стран выражалось главным образом в эпизодических и весьма вялых по сути и форме выступлениях государственных деятелей с трибуны конгресса или на страницах печати США. Это, конечно, вряд ли можно истолковать иначе, как показатель отсутствия у тогдашнего Вашингтона желания занять активную позицию, чтобы воспрепятствовать реализации агрессивных планов Гитлера и его сообщников.

Между тем фашистская Германия лихорадочно и фактически открыто вела подготовку к войне. Такая подготовка включала в себя не только военно-стратегические, но и в значительной мере экономические мероприятия. И США, если бы того пожелали, могли бы, учитывая их экономический и промышленный потенциал, многое сделать, чтобы заставить задуматься руководителей гитлеровского рейха над тем, что их ожидает в случае развязывания Второй мировой войны.

Америка долго находилась как бы на распутье. Выжидала и колебалась. Ее правящие круги, казалось, все еще не вполне отдавали себе отчет в том, какие истинные цели преследуют фашистские захватчики, какие беды они несут Европе и миру в целом. По существу, курс этих кругов в международных делах накануне войны мало чем отличался от политики руководящих кругов Англии и Франции, которые были вовсе не против того, чтобы фашистская Германия канализировала свою агрессию на Восток, чтобы она обрушилась на Советский Союз.

Перелом в настроениях Вашингтона обозначился лишь тогда, когда обжигающее дыхание войны стало доходить и до США. После нападения Германии на СССР перед каждым американцем встал во всем своем суровом виде вопрос: «Какая страна будет очередным объектом гитлеровской агрессии?»

И все же, как это ни странно, даже коварный удар союзника Германии – милитаристской Японии по американской военно-морской базе Пёрл-Харбор (декабрь 1941 года), обернувшийся для США крупной военной катастрофой, открыл глаза далеко не всем американцам на то, сколь грозную опасность создали для мирной жизни и свободы народов германский фашизм и его восточный сообщник.

Более того, находились в США и такие политики, которые хотели бы видеть, как Советский Союз и Германия друг друга обескровливают и соответственно, по мнению этих политиков, увеличивают шансы на то, что последнее слово при подведении итогов войны останется за Соединенными Штатами.

Разве можно обо всем этом забыть? Конечно нет. Советский Союз, наш народ по достоинству оценивают тот вклад, который США внесли в победу над гитлеровской Германией

и милитаристской Японией. Не раз об этом заявляли советские руководители. Но США не сделали того, что они могли и должны были сделать для предотвращения мировой войны.

Все это, понятно, привносило в предвоенный период огромную сложность в отношении между Советским Союзом и Соединенными Штатами, в том числе создавало трудности и для советской дипломатии, о чем могу судить по личному опыту. Инерция прошлого в мышлении кругов, определявших внешнюю политику США, сказывалась во многих случаях и в ходе войны.

Война – протокол побоку

Летом 1941 года Вашингтон жил своей размеренной, спокойной жизнью: конгресс был распущен на каникулы, сонными казались министерства и ведомства, чиновники дружно отправлялись из города на уик-энд – проводить в приятном семейном кругу субботу и воскресенье. До нападения японцев на Пёрл-Харбор, а значит, и до вступления США во Вторую мировую войну оставалось еще полгода. Но в советском посольстве, куда поступала достоверная информация из Москвы и частично от американской администрации, напряженность уже ощущалась. Обилие информации требовало ее внимательного анализа: мы стали выходить на работу и в субботу, и в воскресенье.

В Москве было четыре часа утра, в Вашингтоне – еще восемь часов вечера вчерашнего дня. Поэтому, когда гитлеровские люфтваффе бомбили Минск, Киев, Каунас и другие советские города, когда в Брестской крепости уже рвались снаряды, в Вашингтоне был еще вечер 21 июня.

В поздний час того же дня американские радиостанции со ссылками на европейские источники сообщили: «Германские войска перешли границу Советского Союза...»

Ранним утром 22 июня мы в Вашингтоне слушали по радио из Москвы сообщение о том, что Германия, вероломно нарушив договор о ненападении, напала на Советский Союз.

Началась война.

Героически защищая свою независимость и свободу, свои социалистические завоевания, советский народ, наши доблестные вооруженные силы вступили в смертельную схватку с германским фашизмом, с его мощной военной машиной.

В ряде европейских стран, оккупированных гитлеровскими войсками, развернулось движение Сопротивления, сыгравшее большую роль в антифашистской борьбе.

Не могу не сказать о тех чувствах, которые испытывали советские люди, находившиеся в США в период войны. Она застала тогда в Америке многих наших граждан. Часть из них вернулась на родину.

Правда, возвращение это было часто связано не только с дорожными трудностями, но и с риском для жизни. Бывало, направлявшиеся на родину по морю семьи полностью погибали, когда торпедированные или разбомбленные фашистами транспорты тонули и в Тихом океане, и в Атлантике, и в северных водах на пути из Великобритании в Мурманск.

И тем не менее каждый советский человек, на каком бы посту он ни находился и какую бы работу ни выполнял, получая извещение о том, что ему необходимо выезжать на родину, с большим душевным подъемом стремился поскорее уехать. Каждому казалось, что там, на родине, он нужнее и сможет внести более весомый и конкретный вклад в победу.

В США оставались лишь те, кому было доверено выполнять важные поручения Родины в военное время. Среди них были работники посольства, консульств, государственной закупочной комиссии в Вашингтоне, «Амторга» – находившейся в Нью-Йорке корпорации, которая юридически считалась американской, но по существу занималась вопросами советско-американской торговли.

Можно определенно сказать, что советские учреждения в США продолжали четко вести свои дела. Каждый сотрудник старался наилучшим образом выполнить данное ему задание. Все исходило из того, что Родина ждет от них только хорошей работы.

Конечно, люди получали и сообщения о гибели родных и близких. Зато позже общей радостью становились сообщения об успехах нашей армии на фронте.

С первых дней Великой Отечественной войны основополагающей задачей внешней политики СССР стало всемерное содействие обеспечению наиболее благоприятных международных условий для организации отпора врагу, а в дальнейшем – для полного раз-

грома фашистских агрессоров и освобождения из-под их ига народов Европы. Советский Союз и его дипломатия добивались упрочения антигитлеровской коалиции, открытия второго фронта, хотя путь к этому был еще долгим и трудным.

Вообще тот первый период войны, предшествовавший разгрому немецко-фашистских войск под Москвой, стал временем тревожного ожидания. Не только мы, но и американцы жили в напряжении – куда повернется ход событий на советско-германском фронте. Можно было уловить трезвую тенденцию в общественном мнении. Многие в США рассуждали так:

– Ваша страна – великая и могучая. Не раз за свою историю она, пройдя через тяжелые времена иностранного нашествия, в конечном счете выживала. То же произошло и не так давно – после иностранной интервенции врагов Октябрьской революции 1917 года.

Но тем не менее основная масса населения США находилась вначале в состоянии шока из-за быстрого продвижения гитлеровских войск на восток, в глубь Советского Союза. А когда захватчики очутились у западных окраин Москвы, то пессимистические настроения среди американцев стали преобладающими.

Однако даже и в то тяжелое для нашей страны время находились в Америке люди, которые верили в решимость советского народа и в его ресурсы, считали, что он в состоянии выстоять, а затем и повернуть события на фронте в ином направлении.

Время осени и зимы 1941 года можно назвать суровым и жестоким. Вести из Москвы в Вашингтон поступали одна тревожнее другой. С 19 октября в столице ввели осадное положение. Одно время (в конце октября – начале ноября) казалось, что наступление захватчиков захлебнулось. Однако в середине ноября гитлеровцы его возобновили.

Но на этот раз продвинулся вермахт вперед совсем немного. Защитники города остановили врага, а 5 декабря начали контрнаступление.

Однако, прежде чем до Вашингтона дошло сообщение об этом радостном для нас событии, поступило другое – и тоже огромного по своим последствиям значения. Америка выдохнула в едином порыве: «Пёрл-Харбор». Собственно, в переводе оно означало «жемчужная гавань». Но в один миг страна забыла о красоте названия: с того момента оно стало наименованием национальной трагедии.

7 декабря внезапно, без объявления войны, японские вооруженные силы напали на эту американскую военно-морскую базу на Гавайских островах и потопили значительную часть Тихоокеанского флота США. Япония начала войну против США и Англии на Тихом океане. 11 декабря Германия и Италия объявили войну Соединенным Штатам. Америка вступила в войну, но ничего хорошего сообщения тех первых дней с театра военных действий американцу не приносили. Япония, используя фактор внезапности, стала высаживать десанты на островах Тихого океана и занимать их. Америка посуровела и начала больше прислушиваться к гулу войны в Европе.

А через два дня в столице нашей родины Совинформбюро сообщило о провале немецко-фашистского плана окружения и взятия Москвы и первых важных победах Красной армии. Контрнаступление наших войск продолжалось до начала января.

В конце декабря 1941 года и начале января 1942 года в наше посольство не раз приходили американцы – группами и в одиночку, поздравляли с успехами наших войск под Москвой. Правда, в этих поздравлениях легко угадывались горечь от того, что происходит в Тихом океане, и в целом тревога в связи с войной в Европе.

Так Соединенные Штаты и Советский Союз волею истории оказались по одну линию фронта, плечом к плечу против общего врага.

У Рузвельта и его окружения своих забот хватало выше головы. Война требовала мобилизации всех сил нации на отпор врагу. Однако, узнав о победе под Москвой, президент и его кабинет стали смотреть на положение Советского Союза по-иному. Сам Рузвельт, его

министры уже более трезво оценивали дальнейшие возможности Советского Союза в ходе войны.

Военные круги США также делали новые выводы относительно оборонительного потенциала нашей страны. Они поняли, что германская армия и ее командование вовсе не такие уж непобедимые, как представлялось до этого. Если Советский Союз сумел после страшной силы первого удара нанести вермахту ответный удар под Москвой, то это говорило о многом. Конечно, правительство США и американский генералитет понимали, что Советский Союз прилагает колоссальные усилия по формированию в своем глубоком тылу новых дивизий, организации производства вооружений, особенно тяжелых, что на особом счету у него танки и авиация.

У нас в те дни происходили частые встречи с американскими официальными представителями. В ходе их разрабатывалась и готовилась к подписанию Вашингтонская декларация. Каждый раз американские партнеры старались сделать нам своеобразный комплимент. Мы понимали, что за ним стояло и чем он вызван. Если коротко – то победа под Москвой.

Американцы говорили:

– В советском руководстве нет панического настроения. Нас это радует. Ваши лидеры – и мы это видим – не только полны внутренней решимости продолжать войну до победного конца, но делают все возможное для разгрома нацистских агрессоров. Ваша победа под Москвой произвела сильное впечатление на официальные круги в Вашингтоне, а также на наших военных.

Разумеется, все эти настроения находили отражение в средствах массовой информации. Появившиеся в первый период войны пессимистические прогнозы стали со страниц прессы исчезать под напором реалий, фактов.

Еще шли тяжелые наступательные бои под Москвой, а в Вашингтоне в первый день нового, 1942 года была подписана Декларация 26 государств. Она вошла в историю как Декларация Объединенных Наций. Так впервые появился термин, существующий и по сей день, прочно вошедший ныне в язык международного обихода, – Объединенные Нации.

По настойчивому предложению нашей страны во вступительную часть декларации было внесено положение о том, что полная победа над врагом необходима для защиты жизни, свободы, независимости и для сохранения человеческих прав и справедливости во всех странах.

Правительства государств, подписавших эту декларацию, обязались:

– употребить все свои экономические и военные ресурсы для победы над врагом, – сотрудничать друг с другом и не заключать сепаратного мира или перемирия с общими врагами.

Так начала оформляться широкая антигитлеровская коалиция.

В битве с фашизмом по исторической логике событий нашими союзниками вместе с Англией стали и США. Налаживание, а также развитие союзнических связей между СССР и США было в годы войны исключительно важным участком внешнеполитической деятельности Советской страны.

В напряженных условиях военного времени и через советское посольство в Вашингтоне осуществлялась систематическая связь, шел активный обмен посланиями между руководителями СССР и США. Это явление было новым. Ничего подобного не было ранее в отношениях между двумя странами. По документам, которыми обменивались столицы обеих стран и которые теперь опубликованы, можно отчетливо представить, насколько жизненно важными были вопросы, поднимавшиеся и согласовывавшиеся в этой переписке.

Как правило, при получении письма от Сталина в адрес Рузвельта в советское посольство в Вашингтоне на 16-й стрит к послу приезжал военный помощник президента генерал Эдвин Уотсон. Об этом было условлено с Рузвельтом. Все делалось срочно и архисрочно.

Несрочных вопросов тогда почти не было. Получив от меня, тогда еще поверенного в делах, послание Сталина, генерал немедленно доставлял его президенту. На это уходило не более пятнадцати – двадцати минут, а иногда и меньше.

Однажды в беседе со мной Рузвельт в шутку заметил:

– Уотсон, наверное, не дает вам покоя своими частыми визитами?

Я ответил:

– Господин президент, мы рады этим визитам, и, кроме того, в Москве ведь проделывается то же самое, только в обратном порядке, при передаче ваших посланий Сталину.

На беседах с Рузвельтом всегда обсуждались вопросы, касавшиеся существа проблем того времени. И прежде всего главный – как ускорить достижение победы над гитлеровской Германией.

Глубоко запали в мое сознание встречи с Рузвельтом. Твердо придерживаюсь и сейчас того мнения, что он являлся одним из самых выдающихся государственных деятелей США. Это был умный политик, человек широкого кругозора и незаурядных личных достоинств.

Вспоминаю, что при вручении верительных грамот президенту я подчеркнул:

– Как посол СССР в США, я буду работать на благо сотрудничества между нашими странами, укрепления союзнических отношений между ними.

Рузвельт в ответ заявил:

– Считаю развитие дружественных советско-американских отношений делом абсолютно необходимым и соответствующим интересам народов обеих стран.

Впрочем, обмена речами, обычными при вручении верительных грамот иностранными послами, тогда не было, и слова, которые приведены выше, были сказаны в беседе в ходе встречи. А при встрече президент сразу же со свойственной ему непосредственностью предложил:

– Дайте, пожалуйста, мне вашу речь, а вот вам моя. Завтра они будут напечатаны в газетах. А теперь лучше перейдем к разговору о возможностях организации совещания руководителей США, СССР и Англии.

Речь шла о предстоявшей Тегеранской конференции этих держав. Так мы и поступили.

Не скрою, на меня произвели сильное впечатление этот деловой стиль и непосредственность президента. Мне они понравились. Протокол побоку, идет война, так рассуждал Рузвельт. Он как будто прочел мои мысли. И мне подумалось тогда, что хозяин Белого дома – не аристократ, заботящийся больше всего о том, чтобы облечь свои мысли во внешне изящную форму и тем произвести на собеседника впечатление, а человек дела, с характером, которому может позавидовать любой генерал.

Рузвельт – человек и президент

В целом эта встреча с Рузвельтом, в ходе которой я действовал уже в качестве советского посла в США, оставила у меня хорошее впечатление. В отношениях со мной от имени США официально выступал человек, обладающий способностью вести разговор свободно, без видимой натянутости. Затронув какую-то тему, он не торопил собеседника немедленно реагировать на высказанную им мысль или предложение. Чувствовалось, что у него было желание пояснить свою точку зрения, даже если она могла показаться в общем-то ясной. Ему просто нравилось возвращаться к ней, преподнося ее каждый раз в ином словесном обрамлении и в новых ракурсах. Эти первоначальные наблюдения получали подтверждение и в моих последующих с ним беседах.

Не мог я не заметить и того, что президент старался прибегать к оригинальным выражениям, которые давались ему легко. Он любил шутку. В свою очередь Рузвельту нравилось, когда и его собеседник оживлял свои высказывания шуткой либо ироническими замечаниями, если они, конечно, не относились к самому президенту.

В то же время, беседуя с Рузвельтом, если внимательно к нему приглядеться – а я такую возможность имел на протяжении почти пятилетнего знакомства, – можно было уловить в его глазах, выражении лица налет грусти. Улыбка, иногда веселость в поведении президента казались скорее следствием каких-то внутренних усилий, призванных скрыть, а может быть, в какой-то мере и подавить тоску, таящуюся где-то в глубине души. Причиной тому служил тяжкий недуг.

Еще в 1921 году Рузвельта постигло несчастье. Он перенес болезнь, лишившую его ноги подвижности. Случилось это, когда Рузвельт отдыхал летом вместе с семьей на острове Кампобелло в штате Мэн. Однажды, вернувшись после купания в океане домой, он почувствовал недомогание и сильный озноб. Наутро у него поднялась температура. Отнялась левая, а через два дня и правая нога.

Вызванный из Нью-Йорка профессор констатировал, что у Рузвельта редкое среди взрослых инфекционное заболевание – полиомиелит (детский паралич), который получил тогда распространение в США. Через некоторое время врачи заявили, что они бессильны улучшить его состояние, и Рузвельт понял, что тяжелые последствия этого недуга он будет ощущать всю жизнь.

Однако Рузвельт и не помышлял сдаваться. Благодаря недюжинной воле он развил в своем характере качества, которые позволяли ему, особенно во время публичных выступлений, выглядеть бодрым, волевым и даже здоровым человеком.

Рузвельту много приходилось публично выступать и перед различными аудиториями, и по телевидению – его первое обращение к зрителям с голубого экрана состоялось в 1938 году, еще до того, как в 1941 году в США начался регулярный выход в эфир телевизионных передач. Традиционными были также получасовые радиообращения президента к американцам из Овального кабинета Белого дома – так называемые «Беседы у камина», которые он проводил несколько раз в году. Рузвельт умел мобилизовать необходимый резерв своей воли и сил, для того чтобы выглядеть хорошо. И ему в этом сопутствовал успех.

Во время митингов, выступлений по радио и телевидению президент говорил медленно, произносил слова четко, мысли свои излагал ясно. К жестам прибегать не любил. Выражение его лица было одухотворенным и волевым. В целом все выступления Рузвельта создавали у американцев благоприятное впечатление, вызывали к нему симпатии. И не без оснований его еще при жизни называли «величайшим трибуном из всех современных ораторов Америки». Это произошло на одной из конференций американской Национальной ассоциации преподавателей ораторского искусства.

В последующем я не знал ни одного президента Соединенных Штатов, который в этом отношении сравнился бы с Рузвельтом. Отмечу еще одну черту, которую я и сам замечал во время встреч с президентом и о которой мне не раз рассказывали американские деятели, часто общавшиеся с ним. Он не имел манеры употреблять резкие слова по адресу своих собеседников или даже прямых политических противников. Разумеется, это не относилось к деятелям тех стран, с которыми США находились в состоянии войны.

В случаях, когда возникала такая необходимость, Рузвельт давал простор скорее своей способности ответить оппоненту с юмором. И те, по чьему адресу президент проходил основательно, имели, как говорится, «тот вид». Юмористические стрелы, выпущенные Рузвельтом, ранили больно. Это качество отмечали даже его политические противники.

Следует сказать и о том, как вел себя Рузвельт, участвуя в переговорах, и прежде всего, конечно, на Тегеранской и Крымской конференциях руководителей трех союзных держав – СССР, США и Англии. Основываясь на собственных наблюдениях за президентом во время Крымской конференции, должен подчеркнуть, что он проявлял стойкую выдержку, стремился даже в самые напряженные моменты работы этой конференции привносить в атмосферу переговоров нотки примирения и деловитости.

В этом смысле американский президент определенно в лучшую сторону отличался от английского премьер-министра Черчилля. Вообще они были людьми во многом разными и по характеру, и по темпераменту. Известно, что на конференциях в Тегеране и Ялте Черчилль не раз приходил в состояние раздражения при обсуждении тех или иных вопросов, хотя и старался оставаться перед собеседниками в рамках общепринятых норм. Таким он предстает и перед читателем в своих мемуарах.

По манере ведения дискуссии Рузвельт скорее приближался к Сталину. У последнего слова никогда не обгоняли мысль, чего нельзя сказать о Черчилле, который подчас не мог сладить с эмоциями, давал волю чувствам. В такие моменты президент США пытался разрядить обстановку, примирить спорящих, пуская в оборот соответствующие слова и фразы.

Понятно, речь тут не идет о какой-то чрезмерной уступчивости Рузвельта. Он также настойчиво отстаивал интересы США, добивался возможного, но делал это тоньше и тактичнее Черчилля.

Нелишне напомнить, что Рузвельт, как представитель класса буржуазии, выражал, конечно, ее интересы. Однако он принадлежал к тем кругам правящего класса Америки, которые более трезво подходили к оценке международной обстановки и к вопросам развития советско-американских отношений. Ведь это же не простая случайность, что именно при нем в 1933 году Советский Союз и Соединенные Штаты Америки установили дипломатические отношения.

То, что Рузвельт сумел в период войны немало сделать для укрепления доверия между Вашингтоном и Москвой, сознавал и ценил гигантский, по его определению, вклад СССР в битву с фашизмом, причем не боясь об этом сказать открыто, лишь подчеркивает его реализм как политического деятеля.

Говоря о встречах американского президента с представителями Советского Союза, следует иметь в виду, что характер и атмосфера этих встреч представляли собой явление особое. Несмотря на ограничительные рамки в отношениях СССР и США, связанные с коренным различием в их общественном строе, оставалось довольно широкое поле для достижения взаимопонимания между ними по проблемам, которые затрагивали общие интересы в борьбе против фашизма, в деле налаживания и развития сотрудничества этих великих держав.

Для тех вашингтонских деятелей, которые забывают это, вовсе не мешало бы обратиться к опыту, накопленному в советско-американских связях, когда у руля политики в Вашингтоне стоял президент Франклин Делано Рузвельт.

О Рузвельте в США написано немало статей и даже книг. Главным образом после его смерти. Подавляющее большинство их посвящено его политической деятельности в период пребывания на посту президента. Это и понятно.

Авторы трудов, как и в целом общественное мнение США, могут быть разделены на две группы. Одна – это те, кто дает характеристику политической деятельности президента как выдающегося лидера, снискавшего глубокое уважение большинства американцев. К другой относятся его противники, которые во многом не разделяют взглядов президента и даже их критикуют. Разумеется, эти вторые тяготеют к Республиканской партии.

В настоящее время, по истечении более сорока лет после смерти этого выдающегося американца, осталось не так уже много современников Рузвельта, которые хорошо знали его лично.

Поэтому появляющаяся сейчас литература на эту тему представляет собой в основном пересказ того, что было напечатано несколько лет, а то и десятилетий назад.

Оценки авторов разнятся примерно по прежней линии, но, пожалуй, лишь с тем отличием, что увеличивается число неточностей в приведении фактов, относящихся как к внутреннему курсу администрации, так и к ее внешней политике в рузвельтовский период.

Выше я изложил некоторые оценки политических проблем, которые интересовали и США, и Советский Союз. Разумеется, это сделано экономно, даже скупно, учитывая жанр настоящей книги – воспоминания. Такие оценки нужны, так как речь идет о крупнейших проблемах войны и мира. Ведь Сталиным и Рузвельтом обсуждались вопросы структуры будущего мира. Как он должен выглядеть? Речь шла о том, чтобы, помня о тех десятках миллионов людей, которые сложили головы в борьбе против фашизма, создать эффективную международную организацию, способную обеспечить мир.

Но сейчас в литературе почти не появляются объективные материалы, воссоздающие образ президента Рузвельта как человека. Фотографий и кинокадров для этого недостаточно. Поэтому я позволю себе добавить некоторые штрихи к его портрету, не претендуя на полноту.

Наверное, будет правильным следующее замечание. Политикам, от которых во многом зависит решение крупнейших проблем, затрагивающих так или иначе жизнь миллионов людей, очень трудно играть роль «раздвоенной личности». Не может человек, занимающий позицию, враждебную миру, выглядеть носителем великих идеалов мира и дружбы, человеческой доброты в каждодневном общении с людьми, в том числе с крупными деятелями других государств. Не может без риска обнаружить свое подлинное лицо.

История дает тому немало примеров. Один из них – бесноватый фюрер. Только слепые могли не видеть агрессивную философию нациста еще задолго до того, как германский президент Гинденбург принял присягу у нового канцлера.

А каким был Франклин Рузвельт? Открытый взгляд. Приветливость и уважительность в общении. Всегда он находил доброе слово по адресу собеседника и его страны. Если разговор происходил в его кабинете, то он вел себя непринужденно, мог обратить внимание на портреты на стенах, правда их было немного.

Конечно, с начала и до конца беседы из-за своего недуга он сидел. Но в то же время умел вести себя так, что окружающие даже забывали о его физической скованности. Сидя за столом, он был подвижен, поворачивался, иногда что-то чертил или брал нужную бумагу.

Разумеется, беседу разнообразило и то, что он вызывал помощников, наводил у них справки или давал им поручения. В свое время я встречал людей, которые утверждали, что по лицу Рузвельта можно было догадаться, как он настроен по тому или иному обсуждаемому вопросу. Полностью с этим согласен.

Наблюдал я, с каким уважением он отзывался о Сталине. Произносил он слово «Сталин» с ударением на «и». Я его не поправлял, так как знал, что когда это пытались делать другие, то он на подобные замечания просто не обращал внимания.

Не берусь судить, испытывал ли Рузвельт физическую боль во время заседаний, конференций или двусторонних бесед с ним в Белом доме. Скорее всего, испытывал, несмотря на лекарства. Но внешне это трудно было заметить. Видимо, помогало большое самообладание и, конечно, незаурядная сила воли.

Но все же не ускользала от взгляда какая-то его усталость, а точнее, отрешенность. Впрочем, это можно было наблюдать лишь в последний период жизни Рузвельта.

Во время бесед перед Крымской конференцией я обратил внимание на то, что Рузвельт, произнося имя Черчилля, слегка улыбался. Объяснялось это, скорее всего, тем, что в активной переписке, которая велась между тремя лидерами, Черчилль подбрасывал Рузвельту разного рода идеи по польскому вопросу, по вопросу о германских репарациях. Рузвельт, конечно, знал точку зрения Сталина на проблему репараций с Германии. Она была иной, отличной от мнения Черчилля.

Не раз я слышал, как и американские деятели, и представители других стран пытались сопоставлять историческую роль Рузвельта со значением для США его предшественников, причем обычно начинали экскурсы с Джорджа Вашингтона. Однако, на мой взгляд, такие сопоставления или сравнения не оправданны.

К примеру, президент Вашингтон возглавил борьбу Штатов за независимость. Он стал первым главой государства после того, как были сброшены английские колониальные оковы.

Все это верно. Но как можно сравнивать эти события с участием США во Второй мировой войне, когда эта страна вступила в союз с СССР – социалистическим государством? А как можно сравнивать Авраама Линкольна с тем же Рузвельтом, да и с любым другим президентом США более поздних времен? При таком сопоставлении невозможно найти соответствующие эквиваленты, которые позволяли бы сравнивать заслуги или минусы в деятельности такого рода исторических фигур. Только определенная эпоха и дает возможность оценить место каждой из них при учете специфических черт данного конкретного времени.

Нельзя сравнивать несравнимое. Как нельзя на одну чашу весов положить, скажем, время, а на другую – пространство и взвешивать – что важнее.

Если бы не было Рузвельта в канун войны, когда СССР нормализовал отношения с США, если бы его не было и в тяжелые годы войны, то положение оказалось бы совсем иное. Это относится и к подведению итогов самой тяжелой и кровопролитной в истории войны, поскольку основы послевоенного устройства закладывались еще на конференциях в Тегеране и Ялте с участием президента Рузвельта.

Ему нужны были умные люди

У президента США был узкий круг деятелей, с которыми он систематически советовался по вопросам как внутренней жизни страны, так и внешней политики. Представление, которое бытовало и в годы его президентства, и после его кончины, будто он почти все решал сам и не испытывал нужды в углубленном обсуждении проблем с другими, по крайней мере наиболее близкими, людьми, является примитивным. Верно то, что Рузвельт не колебался в принятии решений, в обоснованности которых у него не было сомнений. Но прежде чем прийти к убежденности в этом, он заставлял и других высказывать свои суждения, что особенно относилось к тем деятелям или его друзьям, которым он верил и на чью компетентность полагался. Президент любил людей компетентных.

Однажды в беседе со мной он сказал:

– Голова идет кругом, столько проблем. И нужны умные люди, чтобы решать их правильно.

Рузвельт не был исключением из правила, освященного опытом многих веков. Президент действовал в этом плане так же, как поступали и другие крупные деятели в древние или более поздние периоды истории.

Связи, которые поддерживал Рузвельт с теми или иными лицами, были уже в силу его положения и некоторых присущих ему особенностей характера в общем-то на виду. Он и не пытался их скрывать. Например, нередко Рузвельт на протяжении своего президентства рекомендовал советским послам, в том числе и мне:

– Побеседуйте по этому щекотливому вопросу с Гарри Гопкинсом. Он, возможно, не все вопросы может решить, но докладывать их мне будет точно.

С этими советами президента советские послы, разумеется, считались. Бывали иногда и осечки, хотя скорее в результате недоразумений. Например, посол Уманский в одной из бесед с Гопкинсом на завтраке в нашем посольстве прибег при изложении советской позиции по важному вопросу к такой тональности разговора, которая собеседнику показалась слишком строгой. Американец вспылил. Разговор уже трудно было поправить, он был свернут. Уманский сообщил об этом инциденте в Москву самокритично. Поскольку дело касалось формы изложения позиции, а не ее содержания, каких-то серьезных последствий данный случай не имел, хотя, как говорят, след все же оставил.

Гопкинса считали человеком умным, но в то же время и сложным. Не занимая крупных постов в администрации, если не считать короткого периода (1938–1940) пребывания на посту министра торговли, он был у Рузвельта на подхвате. Его политические взгляды совпадали со взглядами самого Рузвельта по всем основным вопросам войны и мира. Это – главный секрет того веса, который имел Гопкинс в Вашингтоне и администрации.

Гарри Гопкинс являл собой необычный феномен на политическом небосводе США. Он пришел в Белый дом в сорок три года и в течение последующих двенадцати лет неизменно находился при Рузвельте. В тот период никто из государственных деятелей не был так близок к президенту, как Гопкинс.

Все знали, что он – отец четверых детей и жил в общем-то по американским меркам довольно скромно. Его ежегодный доход в течение пребывания в Белом доме был ниже того, который он получал до 1937 года.

Неофициально его называли «заместителем президента», «начальником штаба Белого дома», «главным советником по вопросам национальной безопасности». Он был и тем, и другим, и третьим. Но что больше всего поражало американцев, так это отсутствие у Гопкинса желания наживаться на своей близости к высшей власти, извлекать из своего положения личную выгоду.

Зная его влияние, премьер-министры и президенты зарубежных стран, приезжавшие в Америку, стремились с ним увидеться. Магнаты американского бизнеса поражались его хладнокровию в периоды самых сложных кризисных ситуаций, умению ясно и четко мыслить, излагать свои воззрения.

Гопкинс являлся не только глазами и ушами президента, но, фигурально выражаясь, и его ногами. В решающие для американской истории моменты Рузвельт направлял с самыми важными миссиями за рубеж именно его, Гопкинса.

В январе 1941 года, когда в Европе уже бушевал пожар Второй мировой войны, Гопкинс прилетел в Лондон к Черчиллю. В июне 1941 года нацистская Германия напала на Советский Союз, а уже в июле того же года Гопкинс беседовал в Москве со Сталиным. Доверие к этому человеку Рузвельт испытывал настолько большое, что никогда не давал своему эмиссару никаких инструкций в письменном виде.

В последние годы жизни Гопкинс был тяжело болен. Когда самолет приземлился в Лондоне, то он не смог самостоятельно расстегнуть привязные ремни, настолько ослаб. Врачи так и не смогли определить, чем он болел. Пища, которую он употреблял, ему впрок не шла, жил он в основном на уколах и переливаниях крови.

После смерти Рузвельта Гопкинс сразу же подал в отставку. Единственным его желанием было написать книгу о президенте, с которым он в течение многих лет работал бок о бок. Но сделать это не успел: он скончался через девять месяцев после смерти Рузвельта.

У меня состоялось немало доверительных бесед с Гопкинсом, в частности в нашем посольстве, куда он приходил иногда со своей супругой. Нам с Лидией Дмитриевной всегда доставляло большое удовольствие провести с ними время. Гопкинс любил узкие по составу встречи. Из бесед с ним я не могу припомнить случая, чтобы сказанное Гопкинсом расходилось с мнением Рузвельта.

Мне особенно запомнилась одна из бесед с Гопкинсом в нашем посольстве. Его очень интересовала проблема будущего, и он по своей инициативе завел разговор:

– Как все-таки будут складываться отношения между США и Советским Союзом после окончания войны? То, что Германия будет поставлена на колени, яснее ясного. У президента Рузвельта в этом нет ни малейшего сомнения.

Этот разговор происходил задолго до Ялтинской конференции, но Красная армия шла уже вперед, на запад, и многие американцы понимали, что остановить ее не сможет никто.

– Рузвельт, – заявил Гопкинс, – затрагивал этот вопрос не один раз, пытаясь заглянуть в будущее. И не случайно затрагивал. Об этом же его спрашивают представители разных кругов. Правда, больше политики, чем представители бизнеса.

Гопкинс считался весьма осведомленным человеком, поэтому его мнение всегда представляло интерес.

– У самого Рузвельта, – говорил Гопкинс, – пока еще нет устоявшихся взглядов на этот вопрос, так как для точного ответа надо учесть возможное влияние многих факторов. Главный из них, конечно, – это политика Советского Союза как великой страны.

Слова «великая держава» тогда еще не употреблялись, и Гопкинс пользовался старомодным лексиконом, с точки зрения современных политиков.

– Но из скупых высказываний президента, – продолжал он, – все же я улавливаю, что США должны сделать все возможное, чтобы и в будущем ладить с Советской Россией.

В ответ я сказал:

– Все послания Сталина, которые я доставлял президенту, в том числе и через вас, мистер Гопкинс, проникнуты уважением не только к президенту, но и к вашей стране. Если у обоих лидеров сходные взгляды, разве уже это не говорит о многом? Конечно, Сталин не всегда получал благоприятные ответы на высказанные пожелания, даже настоятельные просьбы.

Тут я сослался на один факт, который на Гопкинса произвел впечатление, хотя он, казалось бы, должен был о нем знать.

– Через несколько дней после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, – рассказал я, – советское посольство в Вашингтоне получило за подписью Сталина телеграмму, в которой он просил правительство США поставить Советскому Союзу бронированные плиты для танков. У нас в них испытывалась острая нехватка. Однако положительного ответа на эту просьбу мы не получили. США не поставили тогда ничего. Конечно, и в Москве, и в посольстве осталось от этого лишь одно чувство горечи.

– Да, – сказал Гопкинс, – я знаю; не все, что делала администрация Рузвельта, удовлетворяло Москву. Но затем все же дело выправилось: мы поставляли и военные самолеты, и грузовые автомашины, и морские суда, и немало продовольствия.

Вступать с ним в спор и что-то доказывать не хотелось. И без всяких доказательств и у нас в стране, и в США знали, что в самый тяжелый период Великой Отечественной войны – в ее первый год – США не поставили почти ничего, как бы выжидая, выстоит ли Советский Союз или нет. И только когда выяснили, что он выстоял – один на один, – только тогда начали постепенно осуществлять кое-какие поставки.

– Как-то так повелось в Вашингтоне, – говорил Гопкинс, – что до войны президент больше времени уделял внутреннему положению в стране. В ходе войны, особенно после нападения Японии на Пёрл-Харбор и вступления США в войну против Германии, он все больше стал задумываться над будущей обстановкой в мире и над вопросом отношений между нашими странами после окончания войны.

Он много знал, этот приближенный к Рузвельту политический деятель. И не скрывая, а, наоборот, гордясь своей близостью к вышке власти, Гопкинс рассказывал о президенте всякие подробности. Например:

– Раньше Рузвельт, как боец, несмотря на свой физический недуг, громил республиканцев. Они часто подставляли ему свои бока, ибо в тактике политической борьбы не могли соревноваться с президентом. А в накале страстей он допускал и резкости. Например, однажды он назвал республиканцев «конокрадами». Отвечая на их резкую реакцию, Рузвельт заявил: «Я вовсе не утверждаю, что все республиканцы являются конокрадами, я лишь утверждаю, что все конокрады являются республиканцами».

Гопкинс, рассуждая о Рузвельте как специалисте в области внутривнутриполитической борьбы, перешел и к характеристике его взглядов в области внешней политики.

– С течением времени, дальше – больше, – заявил Гопкинс, – президента стали заботить и внешние дела. Он занимался ими намного активнее, чем ранее.

В свою очередь я вспомнил некоторые послания Сталина и при этом подчеркнул такую мысль:

– Скупые слова Сталина, обращенные к будущему наших отношений, не оставляют сомнений в том, что советское руководство стремится строить хорошие отношения с США, если и они этого хотят.

Гопкинс высказал свои мысли о будущем советско-американских отношений, не ссылаясь на прямое поручение Рузвельта. Зная Гопкинса, я испытывал уверенность, что его мысли – это мысли президента. В этом приходилось убеждаться всегда – и раньше, и позже.

Так состоялся один из последних наших разговоров с Гопкинсом.

Конечно, душой и телом он был предан капиталистическим порядкам, американской демократии. И в вопросах идеологических он оставался представителем своего класса. К тому же к разговорам о теории он вкуса не испытывал.

Однако этот внешне хилый человек вершил большие дела, как доверенное лицо Рузвельта и как патриот, на пользу развития советско-американских отношений в годы войны, а значит, и во имя великой Победы над фашизмом.

Политические взгляды Гопкинса во многом разделял Генри Моргентау, занимавший пост министра финансов. У меня сложились отличные отношения с этим деятелем рузвельтовского направления. Не раз я убеждался, что мысли, которые он высказывал в ходе наших бесед, тоже отражали мнение президента. Да и сам Моргентау этого не скрывал.

Особенно смело министр финансов рассуждал о послевоенном устройстве мира.

– Германия, – говорил он, – должна быть лишена возможности вновь встать после окончания войны на путь агрессии. Хватит тех преступлений, которые она совершила при Гитлере. И наши и ваши люди впредь не должны этого допускать.

Он не считал, что такой курс политики встретит сопротивление в США со стороны каких-либо влиятельных кругов.

– Военные, – утверждал он, – настроены довольно решительно. Американский бизнес – тем более. Ведь он не заинтересован в существовании сильного конкурента на международном рынке.

Остается большой загадкой, почему министр делал такие категорические высказывания. Ведь в его обязанности входило знать, что на протяжении всей войны американские монополии своими капиталами помогали германской промышленности производить оружие для гитлеровской армии.

Многие факты, которые свидетельствовали об этом, выплеснулись на страницы печати сразу же после окончания военных действий и капитуляции Германии. Трудно допустить, чтобы до моего собеседника никаких сведений в этом плане не доходило в годы войны. Но с другой стороны, тайники политики США в военное время оказывались порой настолько труднодоступными, что многие, даже высокопоставленные деятели администрации, не представляли себе масштабов сотрудничества американского и германского капиталов в годы войны. Неудивительно поэтому, что расследование фактов такого сотрудничества, начатое было конгрессом после окончания войны, сразу же было свернуто. Вполне вероятно, что и Моргентау не представлял себе масштабов сотрудничества американских и германских монополий в военное время. По поводу будущего Германии Моргентау рассуждал так:

– Наиболее надежным путем предотвратить агрессию в Европе было бы расчленение Германии и даже переселение определенной части ее населения в иные районы мира, например в Северную Африку.

Правда, каждый раз он делал при этом оговорку:

– Сам президент еще не рассматривал этого плана по существу, хотя и знает, что такие идеи есть.

Моргентау стоял, пожалуй, на самых радикальных позициях в отношении решения судьбы Германии после окончания войны. Однако, во что конкретно предстояло вылиться такому решению, никто до Потсдама точно и авторитетно сказать не мог. Даже Рузвельт не спешил с определением окончательной позиции. Тем более что отнюдь не по всем вопросам, связанным с судьбой побежденного врага, у союзников вырисовывались одинаковые взгляды.

Весьма близким человеком к Рузвельту считался и Гарольд Икес – министр внутренних дел. Мои контакты с ним оставались все время также дружественными и полезными.

Гопкинс, Моргентау и Икес, являвшиеся авторитетными деятелями, решительно высказывались, как и Рузвельт, в том духе, что различия в социальном строе СССР и США не должны служить барьером, препятствующим сотрудничеству двух стран в борьбе против общего врага и потом, после победы над ним, в строительстве мирной жизни и добрых отношений между союзниками.

Последующие события, особенно послевоенных лет, подтвердили, что взгляды, которые определяли направление такой политики Рузвельта и его администрации, отвечали интересам американского народа.

Совсем иная политическая стратегия появилась в годы холодной войны, когда администрация США стала исповедовать культ грубой силы и гонки вооружений.

В первый период войны

Как-то осенью 1941 года состоялась у меня беседа с известным в политических кругах Вашингтона деятелем Гарри Декстером Уайтом. Министром финансов тогда был Генри Моргантау, а Уайт – его первым заместителем. Встретились мы в советском посольстве.

В самом начале беседы Уайт сказал:

– Все, что я скажу вам, представляет не только мнение Моргантау, но и президента Рузвельта. – Тем самым он дал понять, что имеет поручение от правительства, и добавил: – Президент с министром не просто друзья, но и политические единомышленники. Их связывает прочная дружба.

Уайт говорил довольно откровенно.

– Рузвельту, – сказал он, – импонирует тот факт, что Моргантау ни разу не подводил президента тем, что допускал разглашение информации о его позиции по важным вопросам политики.

Тут я заметил:

– Заранее очень ценю то, что вы намерены мне сказать о мнении Белого дома.

Тогда собеседник заявил:

– Президент Рузвельт был убежден, что рано или поздно гитлеровская Германия нападет на Советский Союз. Амбиции Гитлера хорошо известны. Внешняя экспансия, захват чужих земель, особенно на востоке от Германии, – об этом мечтало нацистское руководство. Белый дом знал и то, что в военном отношении Германия серьезно готовилась к агрессии. Тем не менее ее агрессия против Советского Союза с точки зрения выбора момента для американцев явилась неожиданностью. Правда, спецслужбы США предупреждали администрацию о возможности в скором времени такого нападения, но и они делали оговорки.

Уайт перевел дух, а затем продолжил:

– Одним словом, Рузвельт и его администрация оказались в состоянии растерянности, когда пришла весть о фашистском вторжении. Никто не брался предсказывать, как будут развиваться события. Перебирались разные варианты возможного хода военных действий на советско-германском фронте. Особенно активно анализировали ситуацию военные. Если сказать откровенно, то они, по крайней мере большинство их, не верили, да все еще и не верят, что ваша страна соберется с силами и устоит. А в голове у рядового американца не совмещаются мысль о быстром продвижении на восток гитлеровских армий с представлением об их возможном отступлении, а тем более поражении.

Он сделал небольшую паузу, а потом начал излагать точку зрения правительства:

– Сама администрация США стала питать надежду на усиление сопротивления Красной армии. Такое чувство породила, главным образом, решимость руководства СССР и его вооруженных сил, несмотря на огромные потери, продолжать борьбу. Вы не можете себе представить, какое важное значение имеет эта решимость с точки зрения ее влияния на Соединенные Штаты Америки.

Задал я собеседнику такой вопрос:

– Учитывает ли правительство США, да и сам президент, что после так называемого «татарского ига», по существу, ни одна война, которая навязывалась нашей стране, не приносила ощутимой победы неприятелю?

Ответ на этот вопрос прозвучал так:

– Американцы сознают, что Советский Союз – огромная держава. У нее богатые военные традиции и неисчислимые ресурсы. Ее народ сейчас сражается за свою землю, за свою жизнь. Боюсь, что повторяюсь, но я должен сказать, что большинство американцев не уверены в том, что Советский Союз устоит. Несмотря на то что мощь Германии велика, адми-

нистрация США питает больше надежд на ваш успех, чем рядовые граждане. А в руководстве страны одним из тех, кто активно выражает это мнение, является Моргентау.

Более поздняя встреча с самим Моргентау в общем подтвердила мысли, высказанные Уайтом. Разница состояла только в том, что друг президента высказывался гораздо определеннее, чем заместитель министра финансов. Но случилось это в декабре 1941 года. Гитлеровские армии тогда уже потерпели крупное поражение под Москвой.

Весть об этом была воспринята в США с радостью. В посольство зачастили посетители, люди писали письма, звонили по телефону. Не проходило почти ни одного дня, когда бы тот или иной советский дипломат в беседе с высокопоставленным американским представителем не выслушивал поздравления и выражения симпатий.

Нам, советским людям, образно говоря, становилось легче дышать. Встречи, официальные и неофициальные, широкие и узкие, происходили почти ежедневно. Росла взаимная тяга наших людей и американцев обмениваться мнениями, обсуждать события на фронтах. Служащие многих американских правительственных учреждений, которые раньше при встрече с сотрудниками посольства СССР или других наших организаций в США приветствовали своих советских знакомых кивком или коротким «хэллоу», теперь считали за честь заговорить с ними, расспросить их, как дела на фронте. Как правило, просили сообщить последние новости, хотя было заметно, что и сами уже получили неплохую информацию из печати и радио.

Все происходило искренне. Можно сказать, рядовые американцы инстинктивно понимали, что великая битва нашего народа за свою страну – это битва также и за свободу других народов, которым грозила смертельная опасность со стороны фашистского агрессора. Обратили мы внимание и на то, что прибывавшие в посольство официальные лица, которым я лично передавал послания из Москвы от И.В. Сталина, предназначенные для президента, сами нет-нет да и задавали вопрос:

– Ну как там разворачиваются события на фронте?

Обсуждать с послом любые вопросы по существу им, конечно, Белый дом не разрешал, но разве они могли заслуживать упрека в том, что хотели узнать какую-нибудь новость в советском посольстве с фронтов войны?

– Война, которую ведет Советский Союз против фашизма, – говорил мне во время той встречи Моргентау, – это и война США, хотя американская армия еще непосредственно не соприкасалась с германской. Все нужно сделать, чтобы крепить американо-советские отношения. Именно такой стратегический курс в политике избрал президент. Я хорошо знаю и характер Рузвельта, и его конкретное настроение в отношении вашей страны, преградившей путь нацистскому агрессору. Могу определенно сказать, что президент не только отдает отчет в том, какие трудности ожидают союзников в ходе войны. Он отдает отчет и в том, что совместные ресурсы союзных стран, противостоящих Гитлеру, намного превышают ресурсы и возможности, которыми располагают нацисты.

Конечно, обращал на себя внимание тот факт, что Моргентау, как и другие члены американской администрации, избегал называть сроки, даже примерные, открытия второго фронта в Западной Европе. По всему было видно, что с решением этого вопроса наши союзники не спешат. Ход последующих событий подтвердил такое мнение.

– Господин посол, у меня для вас хорошие новости! – так обратился ко мне Джозеф Дэвис, бывший посол США в Москве. Случилось это уже после поражения немцев под Сталинградом.

– Какие именно? – спросил я.

– В Вашингтоне вновь стали обсуждать возможность открытия второго фронта против фашистской Германии. Это уже прогресс, – заявил он.

Я с ним согласился. Обсуждать возможность этого, конечно, лучше, чем молчать и тем более высказываться против открытия второго фронта. И он рассказал:

– Некоторые высокопоставленные военные занимаются расчетами, сколько американских жизней будет потеряно, если высадка союзнических войск в Западной Европе осуществится. Мнения складываются разные. Одни говорят, что будет потеряно слишком много, поэтому надо все хорошо взвесить, прежде чем принимать решение. Другие утверждают, что любые потери при высадке в конечном счете уменьшат общие потери в войне и с открытием второго фронта США и другие страны не должны медлить. Судя по всему, этот спор будет затяжной. В нем участвуют только высшие военные чины. Но конечно, наиболее весомо звучит слово администрации, прежде всего самого президента. Насколько я понимаю, Рузвельта обуревают две мысли. Одна – в пользу высадки в ближайшее время. Другая, напротив, в пользу того, чтобы эту акцию отложить. По крайней мере до тех пор, когда фортуна определенно повернется лицом к Советскому Союзу. В расчет принимается и то, чтобы промедление не обесценивало запоздалую акцию союзников при подведении итогов войны.

Как известно, этот последний довод постоянно взвешивался, в том числе и администрацией США, вплоть до самой высадки англо-американских войск на севере Франции.

Много было острых стычек с американцами и англичанами по вопросу открытия второго фронта в Европе! Но уже во время того нашего разговора Дэвис правильно уловил настроения в американской столице.

Надо отдать должное бывшему американскому послу и в том отношении, что при оценке Рузвельта он неизменно причислял его к тем людям, которых восхищали и героизм советских воинов на фронте, и не меньший героизм простых тружеников, ковавших победу в тылу.

Политическое кредо Уоллеса

Поддерживались мною регулярные контакты со многими другими высокопоставленными лицами администрации Рузвельта, включая и вице-президента Генри Уоллеса. Этот деятель, который представлял собой видную фигуру среди приверженцев политики Рузвельта, заслуживает того, чтобы на нем остановиться особо.

Уоллес происходил по отцу и матери из потомственных землевладельцев соответственно Шотландии и Ирландии, перебравшихся в США в первой половине XIX века. Как и весь клан американских Уоллесов, он выражал интересы фермерства – владельцев «семейных» ферм, точнее, их верхушечного слоя. С классовой точки зрения он придерживался взглядов мелкой буржуазии, испытывавшей страх перед всевластием крупного монополистического капитала и стремившейся найти «средний» путь общественного развития.

Получив разностороннее образование, Уоллес хорошо ориентировался в экономике и статистике, в биологии, в том числе в генетике, а также в истории, интересовался проблемами философии. Он считался крупным специалистом в области сельскохозяйственных наук, являлся автором ряда исследований.

Уоллес, до того как в третий период президентства Рузвельта занял пост вице-президента (1941–1945), на протяжении семи лет возглавлял министерство сельского хозяйства, будучи теоретиком аграрной политики рузвельтовского «нового курса».

Немного мне встречалось людей, занимающих видное положение на политической арене США, которые мыслили не категориями сиюминутных выгод во внешней политике, а, как Уоллес, заглядывали вперед. Находясь в эпицентре политической борьбы в США, он всегда стоял в одном ряду с теми, кто выступал за активное сотрудничество с Советским Союзом в борьбе с фашизмом, желал прочного мира по окончании войны.

Уоллес был одним из тех американцев, кто был убежден, что без СССР как во время войны, так и после нее нельзя решить ни одного сколько-нибудь крупного вопроса в мировой политике. У него хватало смелости открыто выступать с заявлениями о решающем вкладе Советского Союза в разгром фашистской Германии. В годы войны Уоллес, в частности, отмечал:

– Русские наносят потери противнику, выводят его из строя, берут в плен по крайней мере в двадцать раз больше, чем все остальные союзники, вместе взятые.

Являясь сторонником советско-американского сотрудничества, Уоллес еще в январе 1943 года писал в своих дневниках, что после войны проблемой номер один в мире будет поддержание хороших взаимоотношений между СССР и США. Он уже тогда мечтал посетить нашу страну и в 1942 году начал изучать русский язык, на котором впоследствии довольно сносно объяснялся.

Свои познания о России и нашем народе Уоллес смог основательно пополнить во время поездки в Советский Союз, посетив в мае 1944 года Магадан, Якутск, Комсомольск-на-Амуре, Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Алма-Ату, Ташкент и некоторые другие города. Побывал он и в селе Шушенском, в созданном там местном музее В.И. Ленина.

– Эта поездка по Советскому Союзу произвела на меня огромное впечатление, – так Уоллес сказал мне после возвращения в США.

И потом не раз Уоллес подтверждал это мнение. Он, можно сказать, открыл для себя Советский Союз, увидев своими глазами величие духа, самоотверженность и стойкость нашего народа.

В беседах Уоллес обычно по своей инициативе заводил разговор на тему об общности интересов США и СССР в международных делах. Полностью отдавая себе отчет в том, что эти государства принадлежат к разным общественным системам, он развивал такой тезис:

– Американский и советский народы имеют все возможности для плодотворного сотрудничества. Обе державы располагают колоссальными естественными ресурсами, огромными промышленными потенциалами. Я верю, что Советский Союз восстановит свою пострадавшую от войны экономику и будет успешно ее развивать. Но советско-американское сотрудничество должно означать прежде всего исключение военных столкновений между США и СССР.

В теоретическое обоснование необходимости мирного сотрудничества США и СССР и принципа мирного сосуществования Уоллес особенно не углублялся, даже не очень любил вникать в эту, как он называл, «высокую материю». Он рассуждал категорично:

– Американцы и русские никогда не должны ни убивать друг друга, ни вообще допускать развязывания новой войны.

Особенно подчеркивал Уоллес общность интересов обеих стран в том, чтобы не допустить впредь германской агрессии. Ход его мыслей мало чем отличался от того, что думали и многие другие деятели из ближайшего окружения Рузвельта.

С резким осуждением Уоллес отзывался о фашизме и во всей своей политической деятельности без колебаний занимал антифашистскую позицию.

– Нацистские бредни о нордической расе – это явное мошенничество, – уверенно говорил он.

В условиях Второй мировой войны он проявил себя как сторонник решительного – вплоть до конечной победы – отпора нацистской Германии и ее союзникам.

Уоллес признавал мир непреходящей ценностью. Войне как общественному явлению он противопоставлял идею широкого, плодотворного сотрудничества между странами и народами. Именно его отношение к вопросам войны и мира является главным в оценке политического кредо этого деятеля.

Как далеко все это от политической философии тех, кто сегодня определяет курс США на международной арене. Далекими его взгляды были и от того, что легло в основу внешней политики Вашингтона уже через три-четыре года после завершения мировой войны, когда под эгидой США начал сколачиваться замкнутый военно-политический блок государств, противопоставивших себя СССР и другим миролюбивым странам.

Мне, советскому послу в США, было легко разговаривать с Уоллесом, так как в его суждениях присутствовала логика жизни. Наша страна с огромным напряжением сил вела борьбу против фашизма и, конечно, была заинтересована в том, чтобы по окончании войны обеспечить прочный мир. Такой мир стал заветной целью советского народа, а сотрудничество с государствами антигитлеровской коалиции – одной из важнейших задач внешней политики СССР. Для этого требовалось, однако, чтобы все входящие в антигитлеровскую коалицию страны сохраняли верность своим союзническим обязательствам.

Те в США, кто обладал таким же складом мышления, как Уоллес, в то время не могли себе представить, что Вашингтон и другие столицы союзных нам стран вскоре начнут попираť эти обязательства. На могиле Рузвельта наши западные союзники стали отрекаться от его курса в международных делах, поднимать на щит иную политику, противоречащую тем целям и принципам строительства послевоенного мира, которые еще недавно провозгласили лидеры трех держав в Тегеране, Ялте и Потсдаме.

Ясно, что взгляды Уоллеса чем дальше, тем все заметнее расходились с настроениями усиливавшей свои позиции наиболее реакционной части правящих кругов США. Противники вице-президента пытались навесить ему ярлык фантазера, неделового человека. На президентских выборах 1944 года Рузвельту пришлось согласиться на выдвижение кандидатуры Трумэна на пост вице-президента вместо Уоллеса, чтобы обеспечить себе поддержку правого крыла Демократической партии.

Мне приходилось встречаться с Уоллесом и после того, как завершился срок его пребывания на посту вице-президента. В 1945 году, еще до кончины Рузвельта, он был назначен министром торговли, однако уже в 1946 году его с этого поста сместил Трумэн, ставший впоследствии президентом. В дальнейшем каких-либо официальных должностей Уоллес не занимал.

Конечно, Уоллес видел, куда поворачивается курс внешней политики США. На руль управления этой политикой положили свои руки деятели, которые все более отходили от курса сотрудничества между СССР и США во время войны против общего врага – фашистской Германии. Уже в первые годы администрации Трумэна это виделось достаточно отчетливо.

Попытка Уоллеса испытать счастье на президентских выборах 1948 года, в которых он принял участие как кандидат от созданной им Прогрессивной партии, успеха не имела. Для политической атмосферы, сложившейся к тому времени в США, было характерным соревнование в выдвижении всякого рода недружественных по отношению к Советскому Союзу концепций, культивирование неприязни к нашей стране и другим социалистическим государствам. Политика Вашингтона все больше ставилась на службу имперским амбициям, что находило свое открытое выражение в сколачивании агрессивных военных блоков, развертывании густой сети американских военных баз на чужих территориях, расширении внешне-экономической экспансии США. В таких условиях для деятелей со взглядами, подобными тем, которых придерживался Уоллес, перспектив не было.

Обед в бунгало

В дополнение к сказанному хотелось бы в общих чертах обрисовать портрет Уоллеса как человека. Первое впечатление от встречи с ним было таково, что он похож на русского. Среднего роста, шатен, открытое, приятное лицо, сдержанная улыбка. Казалось, что Уоллес как будто чего-то стесняется, чуть скован в движениях. Но это, однако, не мешало ему, особенно если он не гость, а хозяин, свободно беседовать, общаться, быть предупредительным.

Уоллес обладал способностью располагать к себе собеседника. Если в разговоре он допускал какие-то неточности или в чем-то заблуждался, то чувствовалось, что это его заблуждение искреннее.

Превосходно Уоллес умел распознавать людей. Он щедро одаривал вниманием тех, к кому относился с расположением, и не оставался бы самим собой, если бы поступал иначе.

К представителям Советского Союза Уоллес неизменно проявлял доброе отношение. Не могу не вспомнить с теплотой об одном случае. Как-то в седьмом часу утра у меня дома раздался звонок.

– Слушаю, – взял я телефонную трубку.

Звонок в такую рань на квартиру посла представлялся не совсем обычным.

– Андрей Андреевич, говорит дежурный комендант посольства. Только что в посольство зашел человек, извинился за ранний визит и назвал себя вице-президентом Уоллесом.

– А дальше что было?

– Он просил передать какие-то таблетки для супруги посла, после чего тут же удалился. Эти таблетки теперь у меня.

Оказывается, накануне жена Уоллеса и моя жена говорили о каких-то таблетках для похудения, достоинства которых могут оценить только женщины. Достать эти таблетки в то время представлялось делом сложным, и все же Уоллес не счел за труд сделать это и даже лично доставить их в посольство. Факт невесть какой значительный, однако он кое о чем говорит.

Наши встречи с вице-президентом обычно проходили в самом Вашингтоне. Но однажды он предложил:

– А что, если мы с женами выедем за город, пообедаем где-нибудь там, а заодно и обсудим кое-какие вопросы?

Возражений с моей стороны не последовало. Уоллес высказал и еще одно пожелание:

– Надеюсь, вы не будете против, если в этой поездке примут участие посол Швейцарии и его супруга?

И против этого возражать не приходилось.

– Кстати, – добавил Уоллес, – я и этот посол женаты на близких родственниках.

В назначенное время – день выпадал на воскресенье – Лидия Дмитриевна и я отправились к находившемуся примерно в сорока милях от города месту встречи. Она состоялась в бунгало – деревянном, непретенциозном по внешнему виду доме, оказавшемся тем не менее внутри очень удобным и вовсе не таким уж простоватым, как снаружи.

Обед был организован хорошо, как и подобает. В ходе беседы швейцарский дипломат сообщил мне важную весть:

– Мое правительство проявляет заинтересованность в восстановлении дипломатических отношений между Швейцарией и СССР.

Разумеется, мною был проявлен к этому должный интерес. Дипломатических отношений между двумя странами не существовало с 1923 года, когда в Лозанне был убит советский полпред Вацлав Боровский. Я обещал послу:

– Я сразу же сообщу о сказанном вами в Москву. В личном плане хочу заметить, что эта идея может получить развитие.

Так оно и произошло: вскоре Советский Союз и Швейцария восстановили нормальные дипломатические отношения.

Почти в самом конце беседы в бунгало Уоллес мне шепнул:

– Я хотел бы поговорить с вами немного один на один.

Мы поднялись из-за стола, оставив женщин в обществе швейцарского дипломата, отошли на некоторое расстояние от них и присели за отдельный столик в углу этого просторного помещения.

Вице-президент сказал:

– Сейчас, когда в общем-то уже видны признаки победы союзников над гитлеровской Германией, нашим странам надо использовать обстановку для крутого улучшения отношений между ними. Союзнические связи не должны ослабляться. Меня этот вопрос очень тревожит, так как в США к нему относятся по-разному. В частности, в большом бизнесе имеются такие люди, у которых антипатии к СССР сейчас даже берут верх над теми добрыми чувствами, которые разбужены в американском народе подвигами Красной армии на фронтах войны.

Выслушав Уоллеса, я заявил в ответ:

– Вы совершенно правы во всем, о чем говорили. Действительно, после окончания войны нельзя допустить ослабления связей между СССР и США. Ведь мы стали союзниками потому, что этого требовали фундаментальные интересы обеих стран, а не какие-то их конъюнктурные соображения. Это вытекает и из обмена мнениями лично между Сталиным и Рузвельтом.

Я сделал паузу, посмотрев на Уоллеса, чтобы узнать, как он воспринимает мои слова. Он внимательно слушал, тогда я продолжил:

– Что касается второго вопроса – о настроениях бизнеса США, то вам, как вице-президенту, конечно, лучше знать эти настроения. Но думается, что та тенденция в перемене настроения определенных кругов большого бизнеса, о которой вы говорили, имеется. Мы, советские люди, находящиеся в США, тоже ее уловили. Но нам кажется, что администрация могла бы использовать свой вес для того, чтобы изменить эти нездоровые настроения. Ведь бизнес – не монолит. Деловые круги, по нашему мнению, могут получить много пользы от торговли и развития связей с Советским Союзом. Для этого в дни мира открываются колоссальные возможности. Особенно учитывая тот факт, что Советский Союз будет испытывать большую потребность в закупке оборудования и в США в целях восстановления промышленности, серьезно пострадавшей от нашествия гитлеровских варваров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.